ОГОНЁК

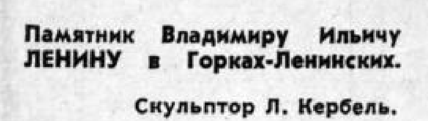
№ 4 ЯНВАРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАВНЕНИЕ НА СОЛНЦЕ

Жилищная биография человека

Новое о А. М. Горьком

ВСЕМ, КТО МЕНЯ СЛЫШИТ — окончание повести П. Халова



Памятник Владимиру Ильичу ЛЕНИНУ в Горках-Ленинских.

Скульптор Л. Кербель.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1753)

22 ЯНВАРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Дважды Герои Социалистического Труда М. Х. Савченко — доярка колхоза имени Ленина Сумской области и Е. А. Долинюк—звеньевая колхоза имени Сталина Тернопольской области беседуют с другими участниками Пленума.

ПАРТИЯ, СТРАНА ИДУТ К СЪЕЗДУ

...Зиму ждали долго, и вот она пришла. К рассвету метелица на столичных улицах озоровала вовсю. Солнце только поднялось над Кремлем, багряное, как знамя, а у Спасских ворот уже было людно: участники Пленума Центрального Комитета КПСС шли на очередное заседание.

— Бодрит морозец, ух и бодрит! — весело говорили люди, проходя под высокими воротами, седыми то ли от дыхания зимы, то ли от времени.— Нельзя зиме без морозов, без снега, а то весна будет недружной!..

Люди думают о весне! С ней связаны новые планы, новые обязательства, новые дерзания тружеников деревни. Вся страна следила за работой Пленума ЦК. Его решение о созыве 17 октября очередного, XXII съезда нашей партии всколыхнуло сердца миллионов, окрылило их мысли, зовет всех советских людей с утроенной силой бороться за досрочное выполнение заданий семилетки!

Дух деловитости, подлинного творчества и принципиальности царил в эти дни в Большом Кремлевском дворце. Не обольщаться успехами, учитывать растущие требования жизни — такова ленинская традиция, которой в своей работе следовали участники январского Пленума. Записка товарища Н. С. Хрущева в Президиум ЦК партии, тезисы его выступления, само выступление Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР на Пленуме и решения Пленума — эти исторические документы вооружают отныне тружеников села в их борьбе за новые рубежи семилетки.

На Пленуме был дан отпор очковтирательству, бесхозяйственности. Работа Пленума — образец ленинского подхода к рассмотрению жизненно важных вопросов коммунистического строительства.

Наш корреспондент обратился к Евгении Алексеевне Долинюк с просьбой поделиться своими мыслями о прошедшем Пленуме ЦК КПСС.

— Как приеду, расскажу звену о Пленуме, о том, какие замечания сделал Никита Сергеевич Хрущев отдельным хозяйствам, а потом — за дело, да так, чтоб руки горели. Иначе не выполним обязательства и не уберем, как обещали, со ста гектаров площади тысячу тонн зерна кукурузы. А слово, которое мы дали перед народом, дорогое. Когда слушала я на Пленуме, что теперь тракторы, комбайны и другая техника главной силой колхозов станут, думала: это мои мысли с трибуны высказывают. Сто центнеров вручную не уберешь. А будет техники у хозяйств достаточно, сегодняшние рекорды обязательной нормой станут. Доярка М. Х. Савченко одна обслуживает тридцать шесть коров, и сейчас это рекорд, а когда будет вдоволь электродоилок, такая цифра станет обычной. Белорусский тракторист Г. Ф. Жудро сказал на Пленуме, что его бригада убрала больше тысячи центнеров зеленой массы кукурузы с початками с каждого гектара — она работала только на машинах.

Наше звено взяло на этот год повышенное обязательство, и мы рассчитываем к началу уборки получить новую высокопроизводительную, совершенную уборочную машину.

Страна взяла курс на весну, на XXII съезд нашей партии! Этот курс державный корабль пройдет в труде и борении, решая новые сложные задачи, поставленные январским Пленумом ЦК КПСС 1961 года.

Никита Сергеевич Хрущев и Анастас Иванович Микоян направляются на заседание Пленума.

В дни Пленума в Георгиевском зале Кремля. →

На снимках внизу:

Большая наука и новаторский труд встретились в Московском Кремле в дни работы Пленума. Слева направо: президент Академии сельскохозяйственных наук Украины П. А. Власюк, Герой Социалистического Труда полевод колхоза «Заветы Ленина» Курганской области Т. С. Мальцев, Герой Социалистического Труда председатель колхоза «12-й Октябрь» Костромской области П. А. Малинина и академик директор Института генетики Академии наук СССР Т. Д. Лысенко.

Дружескими были встречи, быстро завязывались беседы. Чабаны из Казахстана Сакан Даулеткалиев, Герой Социалистического Труда Бекенбай Абжанов и свинарка О. Я. Яковлева из Пскова.

У книжного киоска людно. В выборе литературы вкусы были самыми разнообразными.

Новые подруги обмениваются адресами — Л. Д. Пынзарь, звеньевая колхоза «Советский пограничник», депутат Верховного Совета Молдавской ССР, и А. Г. Боровицкая, свинарка совхоза «Ванонь» Витебской области.

Фото А. НОВИКОВА.

О многих великих свершениях наших будет доложено XXII съезду КПСС. И среди ярких цифр, раскрывающих величие дел строителей коммунизма, будут и такие, что живо воссоздадут радующую глаз панораму: кварталы светлопанельных домов, стрелы башенных кранов, уходящие вдаль широкие бульвары, скверы с только что поднявшимися деревьями...

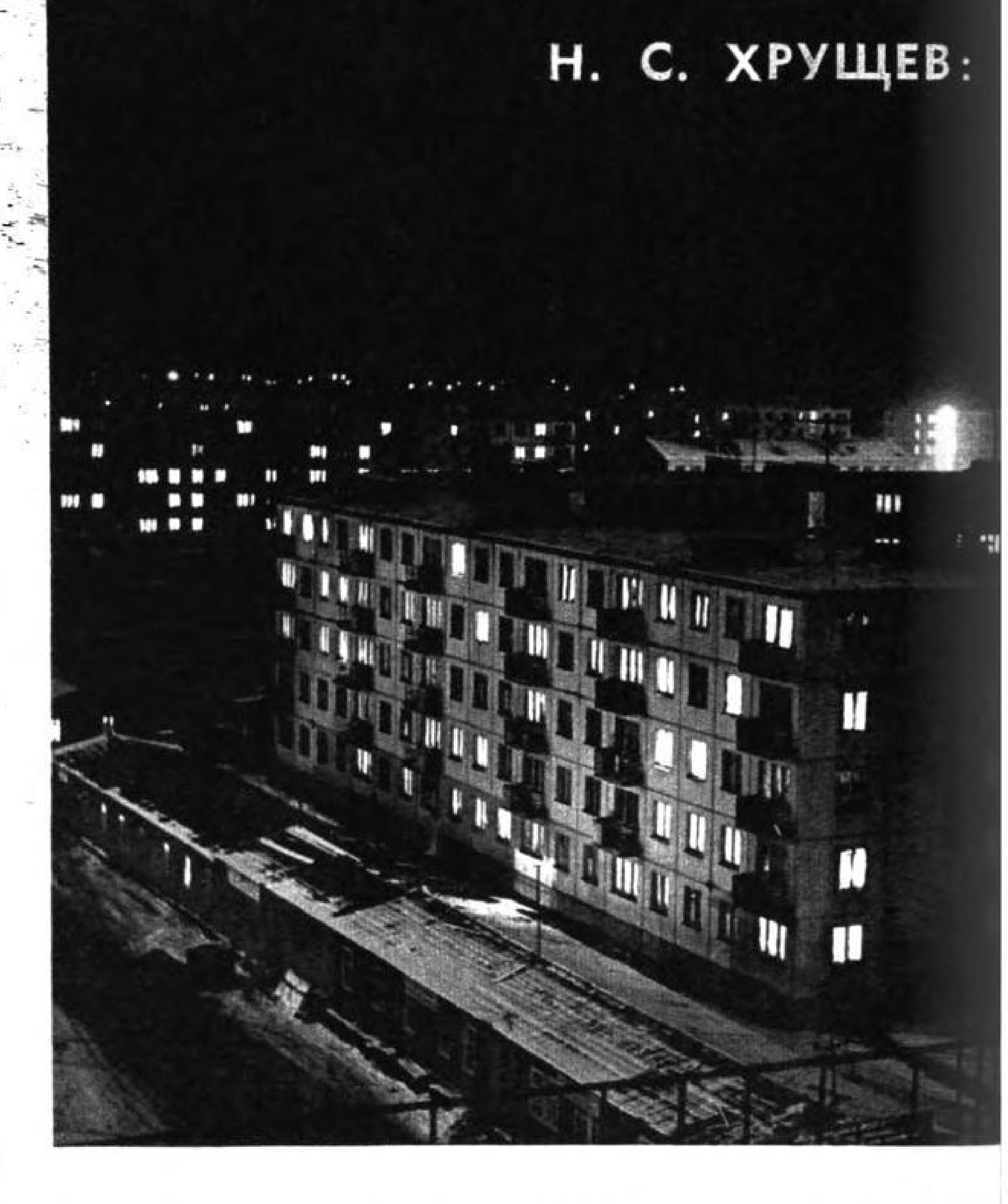
Беспримерная по своему гигантскому размаху программа государственного жилищного строительства успешно осуществляется в нашей стране. СССР стоит ныне на первом месте в мире по количеству ежегодно строящихся квартир. В минувшем году ежедневно сотни москвичей справляли новоселье. И это не только в столице. Поезжайте в любой советский город, и вам с гордостью скажут: «И у нас Новые Черемушки!»

А как решается жилищная проблема в странах капитала, там, где все определяется благом кучки миллионеров, а не интересами миллионов трудящихся!

Разговор о доме, в котором мы живем, идет сегодня в номере.

Фото Г. Копосова. →

Н. С. ХРУЩЕВ:



Вместо комментария...

И. И. МУРАВЬЕВ,
председатель исполкома Свердловского городского Совета депутатов трудящихся

Кто не помнит стихотворения В. В. Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»? Оно особенно близко нам, свердловчанам, так как написано поэтом во время посещения нашего города. Это было 33 года назад. Тогда Маяковский застал Свердловск в строительных лесах. Он увидел, как на месте деревянного купеческого Екатеринбурга возникал новый индустриальный центр страны, как на глазах:

...городище родится
из воли,
Урала,
труда
и энергии!

Отнюдь не случайно, что из четырех стихотворений, написанных после этой поездки в Свердловск, два посвящались жилищному строительству.

Как же строился Свердловск 33 года тому назад, в дни новоселья литейщика Ивана Козырева?

Заглянем в старый справочник, изданный в Свердловске в 1928 году, в год посещения Маяковским нашего города. Оказывается, в 1927 году государственные и кооперативные организации Свердловска построили 23 тысячи квадратных метров многоэтажных жилых домов, и столько же примерно было построено частным образом небольших деревянных домов. 46 115 квадратных метров жилья за год! По тем временам это было немало, если учесть, что весь жилой фонд дореволюционного Екатеринбурга немногим превышал 500 тысяч квадратных метров.

Но какими маленькими кажутся эти цифры нам, свердловчанам 60-х годов! И если тогда, 33 года назад, новоселье литейщика Козырева было заметным событием в жизни города, то сейчас это наши будни. Окажись Маяковский в Свердловске сегодня, он увидел бы уже не десяток, а сотни строительных кранов, воздвигающих целые кварталы многоэтажных домов, увидел бы, как многие тысячи Козыревых переезжают на новые квартиры, построенные для них государством.

Лишь за последние 5 лет в нашем городе введено в строй 1 500 тысяч квадратных метров жилья — три полных старых Екатеринбурга! У нас подсчитали, что в течение года в связи с новосельями в городе происходит так называемая «жилищная передвижка» не менее ста тысяч человек. Восьмая часть городского населения переезжает на новые квартиры или расширяет свою жилплощадь.

Редакция «Огонька» просит меня прокомментировать, как отражается широкий размах жилищного строительства на бюджете трудящихся. При этом ваш корреспондент показал мне свой репортаж о «жилищной биографии» уралмашевского сталевара Дмитрия Сидоровского. Трудно что-либо к нему добавить! «Жилищная биография» Сидоровского характерна для многих сотен советских рабочих, живущих в стране, где все расходы по строительству квартир несет государство. Только в 1960 году в жилищное строительство Свердловска оно вложило полмиллиарда рублей! Вот вам и весь комментарий...

ЖИЛИЩНАЯ БИО

А. ГРИГОРЬЕВ

С Дмитрием Дементьевичем Сидоровским они познакомились в мартеновском цехе. Сначала гости любовались ловкой работой немолодого сталевара, потом попросили разрешения задать ему несколько вопросов. Вынув блокноты, представители английских профсоюзов записывали ответы. Интересовались они многим: условиями труда, заработком, налогами, медицинской помощью, жилищными условиями...

— Может быть, советский рабочий разрешит посетить его дома? — спросила пожилая англичанка.

— Буду рад видеть вас у себя после смены.

И в блокнотах англичан появилась новая запись: «Улица Красных партизан, дом 3, кв. 29».

— Так довелось нам с Ольгой Ивановной принимать иностранных гостей,— сказал, улыбаясь, Дмитрий Дементьевич.

Мы беседуем с ним в новой квартире, куда семья Сидоровских переехала несколько месяцев тому назад.

— На улице Красных партизан у нас была квартира поменьше и похуже — две комнаты, кухня, ванная. Всего жилой площади немногим больше тридцати двух квадратных метров. Правда, комнаты светлые, сухие. Жили мы там четверо: я с женой, сын Анатолий и дочь Октябрина. Переводчика нам в разговоре с гостями из Англии не понадобилось. Октябрина изучала иностранные языки и уже довольно бойко разговаривала по-английски. Посмотрели англичане наши комнаты, заглянули всюду. А потом спросили, сколько же мы за квартиру платим. Жена открыла шкаф, разыскала «жировку» за очередной месяц и протянула гостям. Знаете, я никогда не думал, что эта маленькая синенькая бумажка произведет такое впечатление. Англичане оживленно о чем-то заговорили между собой и начали переписывать цифры в свои книжки. Многие по нескольку раз переспрашивали значение первой графы. Почему-то их всех очень заинтересовала именно эта графа, где указана непосредственно квартирная плата: 42 рубля 37 копеек.

— Из чего складывается эта сумма? — спросил один из гостей. — Ольга моя объяснила: за один квадратный метр жилой площади мы платим рубль тридцать две копейки.

Англичане переспросили, какой у нас доход. Я тогда работал в семье один и зарабатывал в среднем от 2 200 до 2 800 рублей в месяц. Услышав это, один из гостей начал что-то усиленно вычислять, а затем развел руками.

Капиталистическое направление в городском строительстве мало считается с жизненными потребностями людей. Я невольно с гордостью сравнивал это с нашим, социалистическим развитием градостроительства, где планировка и строительство городов подчинены человеку, заботе о нем, созданию больших удобств.

ГРАФИЯ СИДОРОВСКИХ

— Это невозможно! Мистер Сидоровский платит за приличную квартиру меньше двух процентов своего заработка.

— А как у вас? — спросил я англичан.

Оказалось, что английский рабочий отдает за квартиру от трети до половины заработка.

...Почти тридцать лет прошло с тех пор, как Дмитрий Дементьевич Сидоровский приехал в Свердловск на строительство Уралмашзавода. Строил он мартеновский цех, а затем стал подручным сталевара у новенького мартена.

— Где жил тогда, спрашиваете? Конечно, в общежитии. Жилищная биография моя, как и большинства наших старых рабочих-уралмашевцев, начиналась с общежития.

То были бурные времена индустриализации страны. Заводской поселок (ныне это благоустроенный район города) в ту пору только строился. Там, где сейчас раскинулись широкие проспекты, стоял густой лес. Комнаты получали лишь семейные. А сколько платить пришлось за общежитие, Дмитрий Дементьевич вспомнить не может. Сумма была мизерной.

— Вот и сейчас, — продолжал Сидоровский, — много молодых рабочих у нас живут в общежитиях. Комнаты у них на два — четыре человека. Все удобства. И непременно библиотека-читальня, специальная комната для занятий. Знаете, сколько платят за все это? Тридцать два рубля в месяц. А заработок—восемьсот, тысяча и больше.

В 1932 году Дмитрий Дементьевич женился и получил комнату. Была она маленькой, всего 12 квадратных метров, в деревянном каркасном доме. Но для молодоженов и это неплохо. А потом взяли на воспитание племянницу Маню (у нее умерла мать), родилась Октябрина. Пришлось подумать о жилье попросторнее. В 1935 году семья Сидоровских получила большую комнату в новом, благоустроенном доме. А в 1941 году должны были дать им отдельную квартиру.

— Но грянула война, не до квартиры тогда было, — рассказывает Дмитрий Дементьевич. — О жилье лишь после войны вспомнили.

В День Победы Сидоровские переехали в новую отдельную квартиру из двух комнат, в ту самую, где принимали они иностранных гостей.

— К тому времени семья у нас уменьшилась: племянница замуж вышла и переехала к мужу, токарю нашего же завода. Недавно они тоже отдельную двухкомнатную квартиру получили. Осталось нас четверо. Дети учились в школе, жена хозяйничала.

Но вот наступило время, когда и эта квартира стала тесноватой. Женился Анатолий, появился внук Дима. Учли на «Уралмаше» просьбу сталевара, благо домов построили много: только за последние три года более 170 тысяч квадратных метров. И вот недавно Сидоровские отметили четвертое по счету новоселье. Их новый адрес: улица Культуры, 19. Теперь в их квартире три комнаты.

Мы сидим в столовой в окружении младших и старших Сидоровских и подсчитываем, какое место нынче в их бюджете занимают расходы на жилье. Выясняется, что из 5 400 рублей — заработок всех обитателей этой квартиры — расходы на ее оплату, включая коммунальные услуги, составляют 228 рублей 12 копеек. Это немногим более четырех процентов.

Произвели мы с Сидоровскими и другие подсчеты: стоимость квадратного метра жилой площади в доме, где поселилась их семья, обошлась государству в 1 541 рубль, а вся квартира, которую они занимают, — более чем в 80 тысяч рублей. Дмитрий Дементьевич быстро защелкал на счетах, глянул на итог и удивленно произнес:

— Вот это здорово! Если исходить из нынешней квартирной платы, то для того, чтобы возместить государству расходы на строительство нашего жилья, потребуется... 97 лет. А ведь мы четыре раза справляли новоселье. Вот и подсчитайте!

Да, о многом рассказывает «жилищная биография» одной рабочей семьи!

И у нас Новые Черемушки

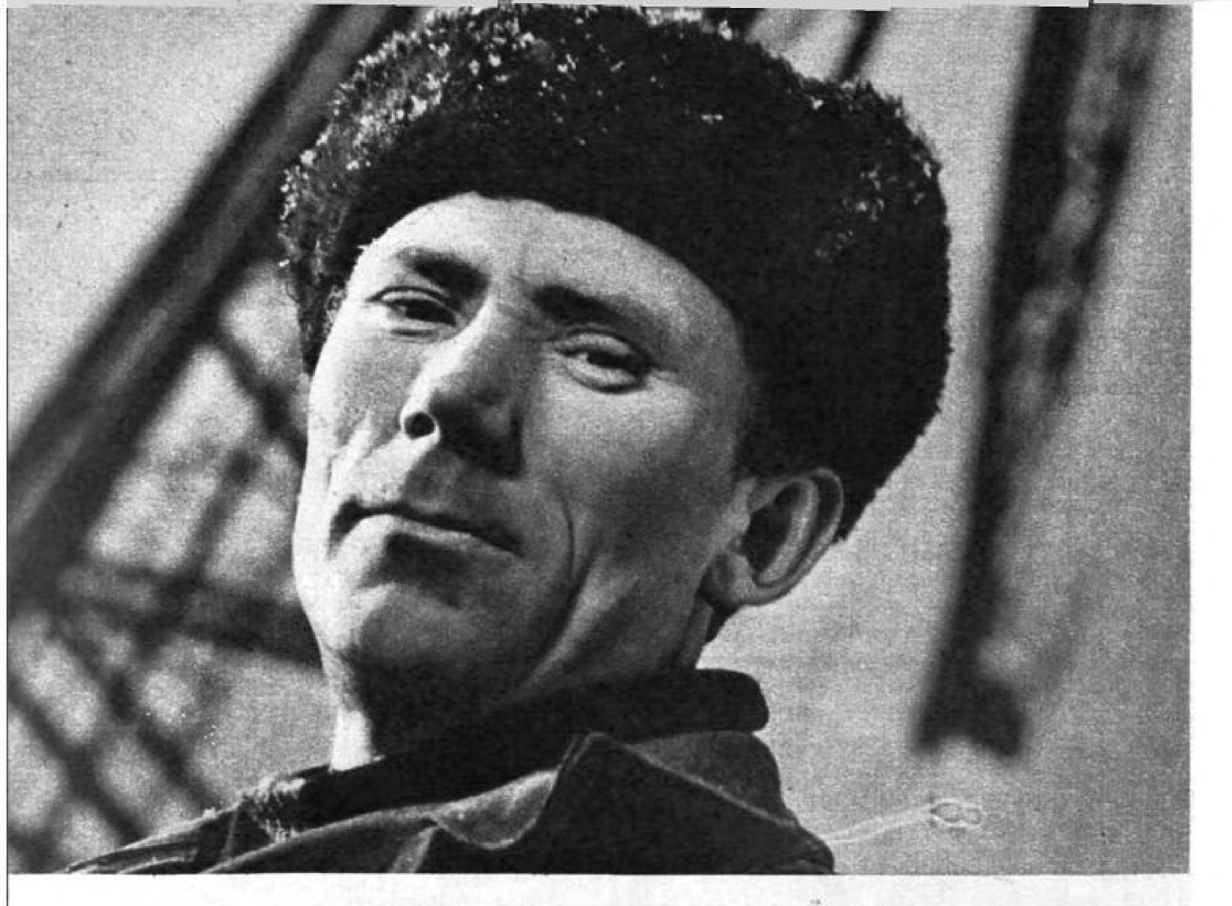
Окраины нет

Двенадцать лет назад, когда я со своей семьей поселился в этих местах, они были самой далекой окраиной Тбилиси. Дом, в котором мы жили, был новым, многоэтажным, но вокруг лежали пустыри. Теперь здесь настоящий город. С 1960 года наша улица стала называться Московским проспектом. Сейчас у нас школа, магазины, ателье. Первыми в городе мы получили природный газ в квартиры. Несколько лет тому назад геологи пробурили в наших Черемушках скважину и добыли из-под земли горячую целебную воду.

Целебная вода помогла и мне. У меня сильно болели руки, начинался суставной ревматизм. Врачи посылали меня на курорт. Раньше я ездил в Цхалтубо, а сейчас могу лечиться, не дожидаясь отпуска и даже не выезжая из своего квартала. У нас есть своя водолечебница и больнично-поликлиническое объединение. Нынешней зимой я принял 10 ванн. Чувствую себя прекрасно и снова могу работать.

Семен ИВЧЕНКО, электрик

Фото В. Джейранова.



И. Г. Шаповалов на строительной площадке. Фото Г. Копосова.

ПРОСПЕКТЫ ШАПОВАЛОВА

Завод выпускает дома, многоэтажные жилые дома. С площадки Полюстровского домостроительного комбината видно, как умно и просто рождаются уютные квартиры, секции, корпуса. И стены с уже застекленными окнами, и балконные двери, переборки, перекрытия, лестничные марши создаются на поточных, механизированных линиях. В этих домах, существующих пока еще по частям, есть электропроводка, поставлены даже штепсели и выключатели, окрашены стены, побелены потолки — все в цехах.

Монтаж ведется прямо с колес .

Крупный строительный комбинат, оснащенный современной техникой, монтирует дома и сдает их новоселам. Каждый день в одни и те же часы, минуты из ворот выходят панелевозы. Они доставят детали домов на монтажную площадку — это тоже цех комбината.

В очередной рейс взяли и нас. Панелевоз ехал на Малую Охту, где сборку домов ведет бригада Ивана Григорьевича Шаповалова.

Въехали на Новочеркасский проспект, застроенный пятиэтажными домами с разноцветными балконами.

— Это наши, полюстровские,— не без гордости сказал водитель.— Их собирали шаповаловские хлопцы.

Машина свернула влево, пересекла еще улицу с такими же домами и остановилась у башенного крана, около строящегося здания. Едва шофер выключил мотор, подошел стропаль. Он подвел под панель стальной с крюками трос, махнул крановщику — и «кусок» дома повис в воздухе...

На перекрытии второго этажа мы встретились с Иваном Григорьевичем. Нелегко приходится ему в эти дни. Своих дел много, а на площадку все приезжают и приезжают строители из других городов: хотят поучиться, перенять опыт ленинградцев.

— Когда в апреле 1959 года начинали собирать первый дом,— рассказывает Иван Григорьевич,— и не думали, что придет время — будут у нас учиться. Мы и сами толком еще не разбирались что к чему. Надо было осваивать заводской способ возведения крупнопанельных зданий. Нас было восемь. Теперь в нашей комплексной бригаде 36 человек: крановщики, стропали, монтажники, сварщики, бетонщики, штукатуры, расшивальщики. Каждый овладел смежными специальностями. Ребята дружные, дисциплинированные. Почти все пришли на стройку из армии.

Самому бригадиру тридцать четыре года. Семнадцатилетним парнем он ушел на фронт. В 1951 году начал работать на стройке. На его счету сейчас около шестидесяти жилых зданий, детских садов, яслей, магазинов.

На комбинате — 1 084 рабочих. В течение года они изготовляют узлы и детали для 24 пятиэтажных крупнопанельных домов. И все эти дома собирает одна бригада Шаповалова. Работа идет круглосуточно, в три смены, ночью — при свете прожекторов.

Одни и те же технологические операции повторяются изо дня в день. Казалось бы, все выверено, все резервы использованы. Но бригада Шаповалова ведет сборку творчески, совершенствует приемы, улучшает конструкции. Обычно лестничные клетки в каждом этаже собирались из четырех частей. По предложению монтажников инженеры объединили их в один готовый блок. Процесс установки лестниц ускорился в четыре раза. Вместе с конструкторами бригада укрупнила блоки кровли крыш, усовершенствовала монтаж фундамента.

Содружество монтажников и конструкторов помогло увеличить мощность комбината с двух до двух с половиной домов в месяц. За год бригада Шаповалова смонтировала 27 крупнопанельных пятиэтажных домов, по 60—80 квартир в каждом. Годовой план выполнен на месяц раньше срока. В дома, собранные шаповаловцами, въехало в 1960 году более десяти тысяч новоселов. Недавно бригада Шаповалова получила поздравление от Н. С. Хрущева.

В наступившем году полюстровцы планируют ежемесячно выпускать по три дома, и все их будет собирать бригада Шаповалова.

К. ЧЕРЕВКОВ

РАВН

Галина КУЛИКОВСКАЯ

«Город Солнца», более трех с половиной столетий назад созданный фантазией утописта Томмазо Кампанеллы, стоял на холме... Разделенный, согласно Птолемеевой системе, на семь обширных поясов, он являл собой гармоничное сочетание палат с аркадами, колоннами и галереями. На вершине горы стоял храм, «воздвигнутый с изумительным искусством».

Город, приснившийся два с половиной века спустя героине романа «Что делать?» Вере Павловне, тоже венчал холм. Чернышевский застроил его хрустально-чугунными храмами, каждый из которых мог бы «увековечить красоту и славу великолепнейшей из столиц».

Город, о котором я хочу рассказать, тоже расположен на холме. Вот он лежит подо мной алмазной полуподковой — так ярко в вечерний час с высоты вертолета сверкание его огней. Темная стена обрамляет холм. Это боры и дубравы, взявшие под свою опеку жилища людей.

Все ближе земля — машина идет на посадку, и видна уже широкая дуга и хорды главных магистралей, рассекающих город на отдельные районы — секторы. Сколько их? Один, два... Кажется, четыре.

На небольшой площадке стоят другие вертолеты. Они доставили нефтяников, жителей этого города, с работы домой. Обыкновенные рейсы в обыкновенный день. Вертолетное сообщение — самое удобное и самое распространенное здесь. Не нужно строить дорог к многочисленным нефтяным вышкам. Вместе с пассажирами воздушных «автобусов» выхожу на улицу. Она просторна и зелена, с широкой проезжей частью. Пересекающие ее улочки мало похожи на обычные, хотя и покрыты асфальтом. Это скорее аллеи. По ним спокойно гуляет детвора. Из-за поворота не выскочит автомобиль: въезд сюда запрещен.

Однако, вопреки классической традиции, в городе не видно помпезных чертогов и храмов. Не пышностью, всегда стесняющей и малоудобной, а разумной сдержанностью и целесообразной скромностью отличается он. Каждое его большое или малое строение, каждая улица, даже дорожка, ведущая к подъезду, проникнуты только одним: заботой о тех, кто здесь живет. Сказывается это даже и в том, что дома стоят не скучными, однообразными рядами вдоль улиц. Они, словно яркие цветы, свободно разбросаны по клумбе смелым садоводом, который прежде всего думал о том, чтобы им было вдосталь солнца. Одни дома повернуты торцом к улицам, другие—фасадом, третьи — углом, но неизменно расположены так, чтобы им было привольно и светло.

Возле каждой группки домов свой садик и детские площадки с яслями. В нескольких минутах ходьбы — магазины и кафе и свой «хозблок» с домовой кухней, прачечной, мастерскими. В центре каждого района, в котором, как в фокусе, сходятся улочки-дорожки, стоит окруженная садом школа. Здесь она, видимо, пользуется особым почетом.

Сами же дома обыкновенные, типовые. Они не роскошны, не велики и не высоки, большинство в 4—5 этажей, но добротны и уютны. Всем своим видом словно приглашают человека: «Иди, это все твое, все это для тебя!»

И захотелось войти в такой дом. Внимание привлек несколько необычной архитектурой светлопанельный двухэтажный «квадрат», стоящий под прямым углом к пятиэтажному дому.

ЕНИЕ НА СОЛНЦЕ!

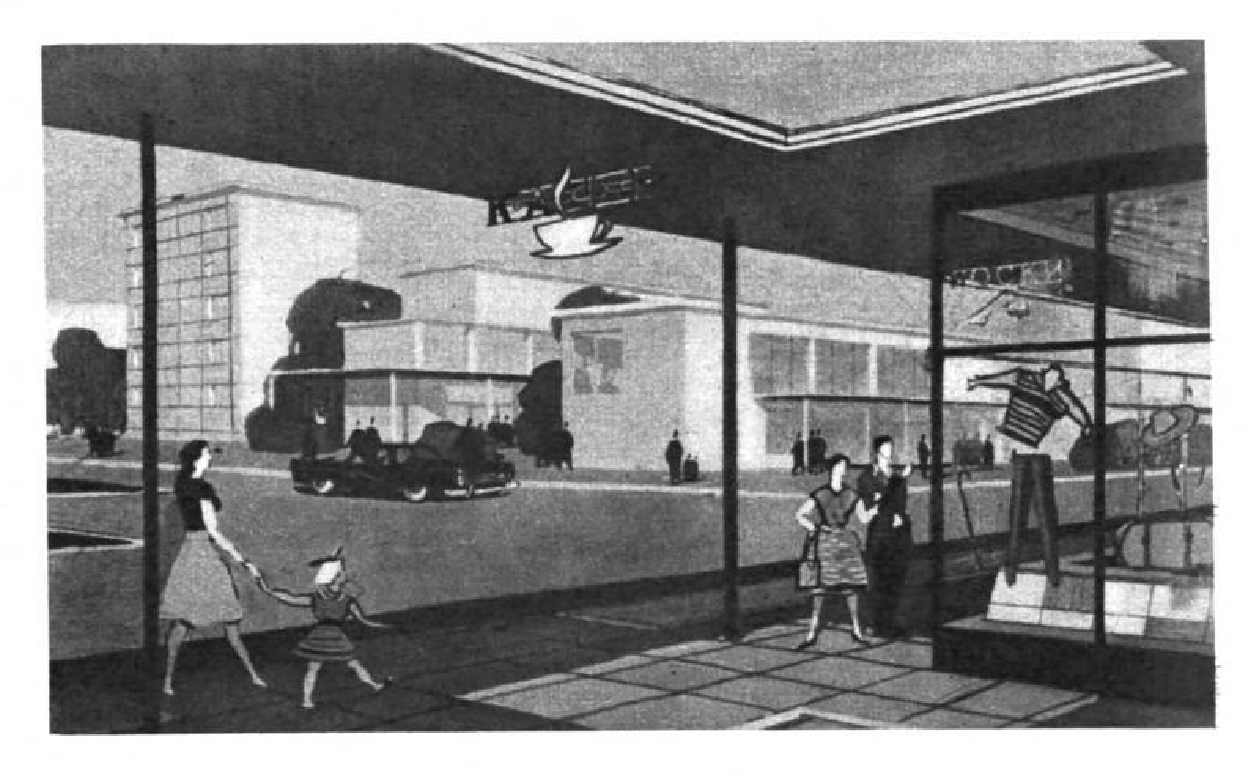
С двух сторон такого «квадрата» по два подъезда, вернее, по две зимних террасы.

Широкие ступени, остекленная передняя, из которой видна кухня, и я в просторной гостиной-столовой. Тут современная мебель и легкая внутренняя лестница наверх. На втором этаже — кабинет, спальня, детская со встроенными шкафами, ванная. Такая двухэтажная квартира обходится в месяц не более девятой части заработка главы семьи. Сколько же здесь живет человек? Оказывается, пятеро: мастер бурового участка, его жена и трое ребят.

В этом городе есть своего рода «храм». Под сенью дубравы в западной части широко раскинуло длинные крылья светлое, воздушное здание. В нем все предназначено для отдыха и развлечений: клуб, кинотеатр, библиотека, спортивный комплекс, эстрады. В «храме» отправляется культ не богам, а людям.

Сей город не плод моего воображения, а итог точного расчета архитекторов мастерской, которой руководит Е. И. Кутырев. Он вполне материален и носит конкретное, музыкально звучащее имя — Джалиль. Ему суждено, как видно, напоминать потомкам о бессмертном подвиге сына татарского народа. И подымется город Джалиль на земле Татарии. Его еще нет. Строители только недавно взошли на подковообразный холм. Но город Джалиль будет! Порукой тому его старший брат, также детище второго Баку,— Альметьевск. Порукой тому города Ангарск и Новая Каховка. Порукой тому замечательный город на великой русской реке — Волжский.

Чтобы познакомиться с Волжским, не трудитесь листать проекты и акварельные эскизы в Государственном институте проектирования городов, где в мечтах и планах, а потом в чертежах архитекторов и инженеров, в содружестве специалистов разных областей народного хозяйства рождаются новые и переустраиваются старые города. Действительность даже ярче, прекраснее рисунков и планов, успешно разработанных в мастерской под руководством архитектора В. Н. Гугеля. И она, эта действительность, приводит в восторг не только жителей Волжского, но и зарубежных его гостей.



Один из уголков будущего Джалиля.

Вот что сказал член английского парламента Дэвис: «Громадное впечатление. В этом новом городе, который был спланирован людьми с богатым воображением, кажется, ничего не было забыто для улучшения жизненных условий рабочих».

Его соотечественница Мей-Калф выразила свои впечатления более эмоционально: «Это самый интересный город, который я когда-либо видела».

И это действительно так. Там, где девять лет назад в полупустынной степи сиротливо шелестел типчак и метались сухие шарики перекати-поля, где самое маленькое деревце казалось бы чудом, шумят ныне парки, аллеи и скверы.

Люди воздвигли на берегу Волги Дворец

ПОДАЛЬШЕ ОТ СОЛНЦА

Бетонная комната. Двадцать квадратных метров. Ни одного окна. Здесь провели две недели тридцать американских граждан из штата Пенсильвания. Старшему из них 72 года, младшей 7 лет. Кто они? Преступники? Нет, подопытные.

Две недели за ними подсматривали сквозь тщательно замаскированные щели люди в белых халатах с дипломами врачей. «Экспериментаторы» снабдили своих «пациентов» всем, что, на их взгляд, необходимо человеку. У этих тридцати были консервированные бифштексы и консервированные коктейли, у них были холодильник и газовая плита, шахматы и игральные карты, комиксы и молитвенники. У них не было солнца.

«Видите, вы можете обходиться без солнца. И вы должны привыкать жить без него». Вот что хотят внушить людям авторы этой затеи! Их логика убийственна: когда вы научитесь жить под землей, вы перестанете бояться ядерного оружия, и тогда вам незачем выступать за разоружение.

Эти тридцать уже сдались. Они запуганы до смерти. Повесив головы, слушают они вечернюю молитву (смотри снимок). О чем им просить господа бога?..

Военный психоз, разжигаемый в Соединенных Штатах Америки, калечит души многих людей. «Обществом страха» назвали свою страну американские ученые Гаррисон Браун и Джеймс Рид. Они сами — достойные члены этого общества. В своей брошюре они пытаются вещать, и довольно зловеще: «В конечном итоге большая часть человеческой жизни будет проходить под землей... Нам придется просто приспособляться к жизни во все более глубоких норах. Десятки тысячелетий назад наши предшественники жили в пещерах. Огромные знания, которые мы накопили за этот промежуток времени, приведут нас к завершению полного цикла. Эпическое движение людей к свету закончится».

В брошюре Брауна и Рида есть и другое место, которое проливает новый свет на «пещерную политику». Авторы пишут: «Вероятно, что в течение следующих двух или трех лет Соединенные Штаты приступят к радикальной программе строительства убежищ для большой части населения и для части промышленных предприятий». На словах — забота о народе. А на деле?.. Речь, по существу, идет о строительстве, которое ничего не приносит людям, кроме страха. Страха и лишений. Ведь деньги на эту отрасль будут изыматься из карманов налогоплательщиков. Заказы же поступят крупнейшим монополиям. Сегодня тридцать запуганных пенсильванцев соглашаются на добровольное заключение. Завтра они будут платить тем, кто их замуровал. Военный психоз снова оборачивается неплохими прибылями для бизнесменов.

Среди американских архитекторов находятся такие, которые уже торопятся подработать на военной истерии. Они создали проект подземного города. Это город для американской элиты, для избранных девяти тысяч. Предполагается, что «избранники» будут жить под землей и в мирное и в военное время. В этом проекте есть кое-что действительно ценное. Среди американской элиты найдется немало людей, которых следует как можно быстрее изолировать от общества. Человеконенавистники заслужили жить без солнца!

Но, к сожалению, авторами проекта руководят другие помыслы. Профессор Корнелльского университета Фредерик Эдмондсон заявил, что строительство подземных городов — это страховка от войны. Как здесь не вспомнить тех мошенников, которые приобретают страховой полис для того, чтобы поджечь собственный дом! Страховая компания Эдмондсона играет на руку поджигателям войны. Но акции компании плохо котируются. Компания прогорит.

Людей нельзя спрятать от солнца, как нельзя солнце спрятать от людей.

А. ЕФРЕМОВ

культуры. Они возвели светлые каменные дома не на время, а на долгие годы. Множество домов. Первыми селились здесь строители Сталинградской ГЭС. Теперь в их квартиры постепенно перебираются химики, рабочие керамзито-бетонного комбината. Вокруг Волжского рождается целый промышленный район.

А сколько будет городов в том районе, что раскинется у подножия Енисейского кряжа? Мне вспомнилась броская, невольно задерживающая взгляд карта-схема в одной из архитектурных мастерских Гипрогора. Алые квадраты, точно кристаллы рубина, нанизаны на голубую нить реки. Река эта — Чулым, приток Оби. Широкой петлей огибает она горный хребет. Но дикий Чулым, девственные чащи Арги сами по себе, вероятно, не скоро бы еще стали объектом изучения проектировщиков. К новой жизни вызовет их Красноярская ГЭС, которая исторгнет потоки электрического огня и озарит им огромные пространства.

Чем подробнее знакомишься с Причулымским ожерельем — так образно назвали в институте новый район,— тем больше поражает он своим огромным, под стать масштабам Сибири размахом, широтой замыслов и смелостью, с которой эти замыслы осуществляются.

— Можно было бы и не создавать «Ожерелья», а сконцентрировать все вокруг Ачинска, старого сибирского города,— поясняет мне один из авторов проекта.— Но мы против городов-гигантов. Поэтому решили распределить ачинскую нагрузку равномерно еще на шесть других городов-родственников, из которых ни один пока не существует.

Не один, а семь городов! Не скученный, с высокими каменными коробками Ачинск, а Ачинск, рассредоточенный на 250 километров. Семиликий Ачинск! Сначала он будет Большим Улуем, потом сам собой, потом станет Критовом, Боготолом, Итатом, Щербаковом, Назаровом. И каждый сможет подняться до уровня областного. Через 25 лет население Причулымского ожерелья достигнет полутора миллионов.

— Все города расположатся на берегу Чулыма или у водохранилища,— продолжают пояснять мне.— К ним примкнут широкие зоны отдыха. Шоссейные и железнодорожные магистрали, заводы и рудники не будут вторгаться в жилые массивы. Ведь в домах должно легко дышаться, они должны быть пронизаны солнцем.

О солнце для человека, о воздухе для человека, о воде для человека — вот о чем думают зодчие, всматриваясь в наше Завтра. Не бизнес, а благородный гуманизм побуждает их на дерзание, на смелый эксперимент. Предполагалось, например, в Назарове построить нефтеперерабатывающий завод. Экономически это было бы выгодно — рядом ГРЭС, но предприятие сильно загрязнило бы воды Чулыма. «Нельзя такого допустить»,— категорически заявили проектировщики. Срочно начались поиски. Нашли падь. Она и послужит естественным отстойником для вод нефтеперерабатывающего завода.

А сам Чулым? Маловоден, слабоват он для семи городов. Где же взять ему силу? И тут изыскали меру: плотины. Четырьмя перламутровыми жемчужинами меж рубиновых кристаллов-городов лягут они в «Ожерелье» и задержат паводковые воды.

«Хорошо строить новое на новом месте,— могут возразить скептики.— А пусть попробуют ваши архитекторы и проектировщики сделать новое в старом!..»

Заблуждаются скептики!

...Время изменяет человека необратимо. А города, как многое из того, что создается людскими руками, одарены счастливой возможностью начинать жизнь сначала, молодеть с годами, развиваться, расти. Вглядываетесь в них, как в знакомые, давно не виденные лица, и узнаете и не узнаете. Такова Москва, наша столица. Таковы Горький, Новосибирск, Ереван и еще десятки и сотни больших и малых советских городов. Время работает на них!

Время работает и на Томск, старый сибирский город. Через три года ему исполнится 360 лет — возраст довольно почтенный. А вот сейчас суждено Томску измениться, раздаться вширь, и эта «поправка» омолодит его. Новые проспекты с троллейбусами и трамваями лягут в районе вокзала, новые жилые массивы вырастут в восточной части города, на месте старого аэродрома и вдоль Иркутского тракта.

Восточный край города до сих пор пустовал. Зеленые лога, поросшие пихтой, кедром, осиной, изрезали его, и казалось, к ним не подступиться. Но то, что было препятствием, при внимательном изучении обернулось своей противоположностью.

— Здесь, в этом логе, мы разобьем районный парк,— нашли выход архитекторы.— И лес сохраним и украсим им жилые кварталы. Главная магистраль не получится у нас прямой, придется ей изгибаться меж зеленых холмов. Но, может быть, в этом и обнаружится ее особенная прелесть?

Подобным же образом, остроумно используя капризы своенравного рельефа, авторы сумели разработать проект, получивший признание и в самом Томске и в Москве. Это один из тех проектов, познакомившись с которыми делегация министерства строительства Франции пришла к выводу, что в них «...отражается великое будущее России». Покоится он на тех же принципах, которые лежат в основе всех современных проектов градостроителей: максимальное удовлетворение потребностей человека, жителя города. Ради него в Томске предусмотрен стадион, торговый центр с крытым рынком, клуб, больничный городок, музыкальная школа и библиотеки. Продумано такое расположение школ, чтобы детям не нужно было пересекать транспортные магистрали. А для собственных автомобилей сделаны специальные заезды и площадки с гаражами. Учтены даже такие «мелочи», как танцевальные площадки для молодежи во дворах.

— А как же сами дома? Тут же овраги, заросли. Хватит ли им солнца? — спрашиваю я.

— По отношению к солнцу они расположены самым наилучшим образом. По меридиану,— отвечают авторы проекта.— У нас полное равнение на солнце...

...Парки, водохранилища и бассейны. Они не снились Вере Павловне. Они не грезились Томмазо Кампанелле, творцу некоего несбыточного Города Солнца. Его мечты не распространялись далее озаряемых солнцем храмов. Мы строим не храмы, а обычные дома для самых обычных людей — тружеников нашей страны. Жилище рабочего, ученого, колхозника, инженера непременно должно быть согрето солнцем, убрано деревьями и цветами. И где бы ни стоял новый дом — на холме, в долине или в степи, в Томске или Тайшете, в Белгороде или Минске, в Джалиле или Красноярске,— он будет открыт солнцу!

И у нас Новые Черемушки

Конец деревянных улиц

Архангельск, улица Пролетарская.

Рисунок И. Глазунова.

Архангельск. Старые купеческие дома соседствуют со зданиями периода конструктивизма, а вдоль удивительно красивой набережной Двины выстроились спокойные, светлые дома сегодняшнего дня.

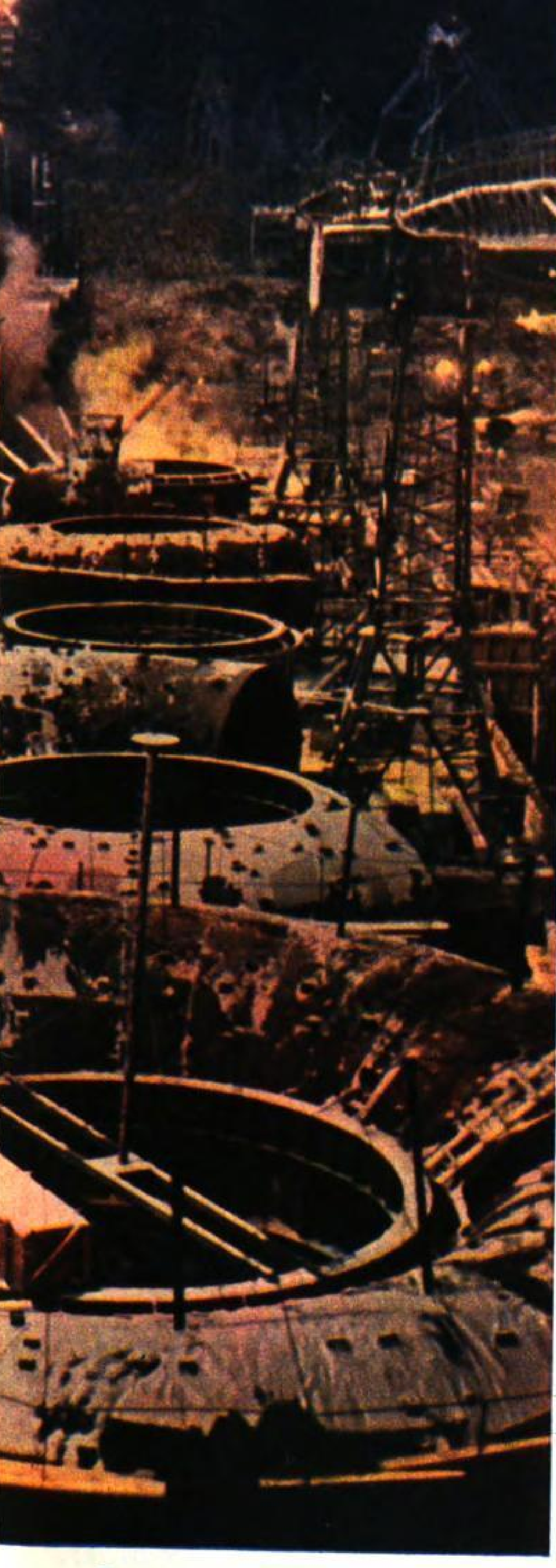
Не быстро возникают они на архангельских землях. Почти год тратят строители на то, чтобы подготовить почву к закладке фундамента. Только на три месяца в году теплеет промерзшая земля. Болота, глубокие торфяники — все это надо преодолеть, чтобы построить здесь большой каменный дом. Потому-то в старину город вытягивался по узкой полосе вдоль берега Двины, не углубляясь во Мхи.

А сейчас на Мхах вырос городок из 66 двухэтажных домов. Это маневренный фонд. Сюда переехали жители домишек, подлежащих сносу. Новоселы не успеют привыкнуть к этим домам, да им и незачем привыкать: через год они получат квартиры в многоэтажном каменном доме на том месте, где они жили раньше.

Все продумано, обо всем позаботились архитекторы и строители Архангельска. Главный архитектор города Вадим Михайлович Кибиров совсем еще молодой человек. Но за плечами у него крупная стройка в Сталинграде. Два года назад Вадим Михайлович вернулся в Архангельск и занял место своего отца, который ранее возглавлял местных архитекторов.

В городе, который строит теперь В. М. Кибиров, не будет переулков. Не будет в новом Архангельске и парадных улиц, за спиной у которых притаились ветхие дома. Каждая улица сможет смело показать и свой фасад и свой двор. Взглянув на новые здания на набережной имени Сталина, можно убедиться: живут архангельские Черемушки!

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ



Строится здание Братской ГЭС.

→ Член бригады коммунистического труда бетонщик Э. Борисов.

На высшей отметке

Неумолчно рычит покоренная Ангара, и рев ее, сливаясь с грохотом сотен кранов, самосвалов, с раскатами взрывов, кажется шумом сражения. А ведь это и есть сражение... Каждый объект строительства — рубеж, а

«Огонек».

строители — бойцы, герои, участники грандиозного штурма. Все внимание строителей Братской ГЭС приковано в эти дни к плотине. Еще нужно уложить более миллиона кубометров бетона!

У правого берега плотина достигла высшей пусковой отметки. Это успех бригады коммунистического труда, которой руководит Михаил Муравьев. Вместе с другими членами бригады поднялся на высшую отметку, чтобы установить там алый флаг, и комсомолец Эдуард Борисов, рядовой строитель-бетонщик.

«Высшая отметка»... Так уж получилось, что за недолгую жизнь Борисову не раз приходилось испытывать радость «высоты». Сначала это была высшая ступенька пьедестала почета, когда боксера Эдуарда Борисова увенчали лаврами победителя Спартакиады народов СССР и чемпиона страны 1956 года.

И вот теперь высшая отметка здесь, в Братске. Первый шаг к этой высоте был сделан еще в Москве. Студент-заочник Московского университета, будущий журналист Эдуард Борисов попросил комсомольскую путевку на строительство Братской ГЭС.

Он знал, что будет трудиться там, где нужны его сила, выносливость — качества, которые воспитывает в человеке спорт. Поэтому с первых дней в Братске Борисов оказался на скальных работах, где твердый диабаз ангарского дна уступал место плотине.

Долгие месяцы шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку поднимался он на новую отметку. Вместо боксерских перчаток — пудовый вибратор, вместо «противника» — бетон.

* * *

Так иногда получается: работа одних заметна, что называется, у всех на виду. Другие же профессии не очень приметны, не столь романтичны, хотя труд этих людей тоже необходим.

Такая неброская профессия и у Галины Синицыной, рабочей геодезической группы. Вместе с инженером-геодезистом Леонидом Шибаевым, руководителем и учителем Галины, ее можно видеть в один день на разных концах огромной стройки. Для Гали это первая самостоятельная работа, начало трудовой жизни.

* * *

Не за горами время, когда крупнейшая в мире Братская ГЭС войдет в строй действующих. В конце этого года она даст промышленный ток. Нынешним летом над каменной грядой порогов разольется новое море. Вырастут крупные порты — Братский и Свирский. Советские люди обновляют суровый Приангарский край. Огромный труд, волю, разум вложили строители ГЭС в свое детище. И, конечно, среди созидателей наша замечательная молодежь — питомцы ленинского комсомола.

Л. БОРОДУЛИН

Комсомолка Галина Синицына работает в геодезической группе на строительстве гидростанции.

НОВОСЕЛЫ И СТАТИСТИКА

К. ВИНОГРАДОВ,
член коллегии ЦСУ при Совете Министров СССР

Редакция журнала «Огонек» попросила меня рассказать читателям языком цифр о жилищном строительстве в СССР и в крупнейших капиталистических странах. Я охотно это делаю, так как язык цифр мне, статистику, ближе всего.

Итак, вот они, эти цифры, еще раз показывающие, что жилищная проблема может быть разрешена только в социалистическом обществе, где все богатства страны являются достоянием народа и используются для максимального удовлетворения потребностей трудящихся, где строительство квартир осуществляется в значительной степени за счет государственных ассигнований.

За семилетку (1959—1965 годы) в городах и рабочих поселках должно быть построено жилых домов общей площадью 650—660 миллионов квадратных метров, или около 15 миллионов квартир. В сельской местности силами колхозников и сельской интеллигенции намечено построить около 7 миллионов жилых домов. Эта программа выполняется успешно. В 1959 году, первом году семилетки, построены жилые дома общей площадью свыше 80 миллионов квадратных метров — более 2 200 тысяч благоустроенных квартир. Это столько же, сколько было построено за первую и вторую пятилетки, вместе взятые. За 1960 год нет еще полных данных, но предварительные итоги таковы: построено около 2 400 тысяч квартир.

Советский Союз как по абсолютному числу строящихся домов, так и по темпам роста жилищного строительства уже давно вышел на первое место в мире. Давайте сравним объемы жилищного строительства в СССР и в США:

	СССР		США	
	1958 г.	1959 г.	1958 г.	1959 г.
Построено квартир в городах и поселках городского типа (в тысячах)	1 986	2 237	1 210	1 523
Построено жилых домов в сельской местности (в тысячах)	706	802	50	30
Всего построено жилищ (в тысячах)	2 692	3 039	1 260	1 553

В СССР строится жилищ значительно больше, чем в любой стране. Вот данные по СССР и главным капиталистическим странам.

НА ТЫСЯЧУ ЧЕЛОВЕК НАСЕЛЕНИЯ ПОСТРОЕНО ЖИЛИЩ:

	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
СССР	8,2	10,8	13,0	14,5
США	7,1	6,7	7,2	8,7
Англия	6,1	6,0	5,5	5,5
Франция	5,4	6,2	6,5	7,1

Городской жилищный фонд Советского Союза к началу 1960 года возрос по сравнению с 1940 годом в 2,1 раза, а против 1913 года — в 5 раз.

Соревнуются цветоводы...

Когда я иду по улицам Минска, всегда любуюсь зеленью на балконах. Какими приветливыми и уютными кажутся многоэтажные каменные здания с балконами-цветниками! Выращивая цветы у себя дома, городские жители могут ощутить первое дыхание весны и прелесть золотой осени.

До́ма без цветов в Минске, пожалуй, теперь и не найдешь. Во многом тут «повинны» и архитекторы, которые на балконах новых домов проектируют садовые ящики.

Вот и у нас в доме № 8 по улице Карла Маркса каждый балкон превращен в маленький сад. Наша семья тоже разводит цветы. В начале мая, когда сияют незабудки и анютины глазки, мы уже подсаживаем душистый горошек, гвоздику, левкои, затем гладиолусы. А осенью распускаются разноцветные астры. В передней части балкона сажаем цветы, а у боковых барьеров — фасоль, хмель, дикий виноград, которые растут очень быстро и, поднимаясь по веревочкам, образуют живую стену.

Каждая семья в нашем доме хочет, чтобы ее балкон был самым красивым. Идет настоящее соревнование. Жильцы нашего дома считают, что лучше всего ухаживает за своей цветочной беседкой Надежда Васильевна Леоник.

Соревнование идет и во многих других домах Минска. Я часто бываю в доме № 17 по Академической улице, слежу за здоровьем своей подшефной детворы. Здесь по единодушному решению жюри — опытных пенсионеров-цветоводов, жильцов и просто прохожих — пальма первенства присуждена балкону учительницы Клавдии Ивановны Ивановой.

Какие только цветы не растут на нем! Но больше всего Клавдия Ивановна любит южные растения.

Пусть ширится это соревнование. Зелень и цветы очищают воздух городов, берегут здоровье людей.

Е. МАРКЕВИЧ,
врач 1-й детской поликлиники Минска

Горький. Одиннадцатый квартал в соцгороде автозавода.

Фото И. Капелюша.

И у нас Новые Черемушки

ГЕНЕРАЛ МОЛОДОГО КВАРТАЛА

Автозаводский район в Горьком. Поблескивая окнами, стоят дома. А ведь на их месте были топи да болота. Вот и новый микрорайон. Такой молодой на вид, словно вчера родился. Бегут вдоль улицы дома, гастроном, книжный магазин, мебельный, парикмахерская. Стоп! Приехали! На двери пятиэтажного строения вывеска: «ЖЭК № 13». Здесь-то и служит Нина Александровна Воронина. По-старому — управдом, а по-теперешнему — управляющая одиннадцатым кварталом. В ее хозяйстве семь зданий с четырьмя, без малого, тысячами жителей, работников Горьковского автозавода.

Все в этот день было обычным. Трезвонили телефоны, приходили посетители, забегали, чтобы перекинуться словечком, товарищи по работе. Когда в комнате становилось особенно шумно, Воронина досадливо морщила лоб: ну что, дескать, кричат, неужели не видят, в комнате посторонний человек.

— Нина Александровна, меня здесь нет. Пусть все будет, как всегда,— прошу я.

Нина Александровна улыбается. Потом незаметно для себя забывает о «постороннем». И я вижу энергичного работника, по-мужски решительного, по-женски сердечного. Словом, беспокойная хозяюшка!

В комнату входит немолодая женщина с двумя девочками, видимо, внучками.

— Ниночка, приходите сегодня на родительский комитет. Подумаем о праздничном концерте,— просит бабушка, председатель родительского комитета Зуева.

В каждом доме одиннадцатого квартала детские комнаты. Там ребятишки играют, смотрят фильмы, читают. К праздникy обязательно готовят концерт. Не один, конечно, с кем-нибудь из взрослых. К чеховским дням «Ваньку Жукова» даже поставили.

Снова телефон. Редактор стенной газеты целого квартала, которая выходит каждый месяц, просит Воронину подобрать материалы к очередному номеру.

Нина Александровна рассказывает мне о работе домового комитета. И вот домоуправ представляется мне генералом, тысячи жильцов — армией, а домовый комитет — штабом. Так четко и продуманно он действует. В него входят санитарные инспекторы, которые следят за состоянием квартир, родительский комитет, занимающийся внешкольной работой с детьми, уполномоченные домами — все активисты. Ну, а где же неприятель? Это всякие внутренние неполадки. На вооружение здесь берут и газету, и товарищеский суд — на случай ссор в квартирах,— и, конечно, задушевное слово.

И опять звонит аппарат.

— Что? Прогнал детей? Обругал? Ну, хорошо, довольно миндальничать с ним. Я позову Дряхлова, председателя товарищеского суда. Пусть передает дело на завод.

Воронина резко опустила трубку на рычаг.

— Опять на двадцатую квартиру жалуются, хозяин безобразничает! — в сердцах говорит она.

Пока Нина Александровна говорит с Дряхловым и народным заседателем, я смотрю во двор. За окном — большой сквер, видимо, очень красивый летом. А сейчас белые дорожки, провисшие корзинки на баскетбольных столбах... Зимняя дрема.

— Разве увидишь через стекло всю красу? Пойдемте, я покажу вам наши просторы,— предложила Воронина.

Нина Александровна неторопливо обходила свои владения, вела меня мимо домов, расположенных в шахматном порядке («Не хуже, чем в Москве, правда?»): школа, жилой дом, детский сад, снова жилой дом, ясли. Все под боком, удобно, красиво! Возле одного из подъездов Воронина остановилась. Здесь валялись бумага, стекло, порожние коробки. А вот и виновник свалки — шофер, разгружающий машину. Нина Александровна строго взглянула на парня.

— Почему мусор разводишь? Смотри, денег на штраф не хватит!

А вот и сквер! Его разбили жильцы. Все до единого деревца сами посадили. Каждое деревце здесь закреплено за школьником, чтоб ухаживал за ним. Нынешней весной собираются фруктовые деревья посадить, устроить площадку для крокета.

...Рабочий день идет к концу. Прощаются последние посетители, смолкают разговоры.

Вместе с Ворониной мы вышли на улицу. Из-за дома неожиданно вылетел мальчонка в серой кубанке на затылке. Он тянул за собой длинный караван санок с малышами и звонко, что было сил, кричал на бегу:

— Сторонись, спутник мчится!

Мы уступили дорогу.

Л. БИРЧАНСКАЯ

АСФАЛЬТИРОВАННЫЕ ДЖУНГЛИ

В октябре 1960 года, накануне президентских выборов в США, кандидат от демократической партии Джон Кеннеди сделал доклад по жилищному вопросу, который мы воспроизводим в сокращенном виде. В докладе содержатся красноречивые признания, проливающие свет на истинное положение дел с жильем в цитадели капиталистического «процветания» — Америке.

Джон Кеннеди — тогда сенатор, а ныне президент США — видит в плохих жилищных условиях, на которые обречены миллионы американцев, лишь результат политики республиканской партии.

Но только ли в этом причина?

Кеннеди, естественно, не смог назвать истинного виновника — капиталистический строй, порождающий безработицу, нищету, трущобы...

Одной из самых больших проблем времени является проблема преобразования наших городов и проблема резкого роста пригородных районов.

Америка — страна с преобладающим городским населением, восемь из десяти американских семей живут в городах или их пригородах. И тем не менее миллионы городских жителей не пользуются благами того уровня жизни и теми возможностями, достижение которых является нашей национальной задачей.

В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ НАШИ ГОРОДА ПРЕДСТАНУТ ПЕРЕД КРИЗИСОМ...

Асфальтированные джунгли

Больше американцев живет в трущобах, чем на фермах. Свыше сорока миллионов американцев лишены нормальных жилищных условий. Пять миллионов городских зданий не имеют канализации и водопровода.

Рост трущоб с их затхлой атмосферой грозит разрушением американским городам... В очень многих местах рост трущоб опережает меры, предпринимаемые по их сносу или реконструкции.

Трущобы наносят колоссальный социальный вред. Преступность среди взрослого и детского населения достигает огромных размеров; порой бывает небезопасно появляться ночью на улицах. Асфальтированные джунгли — вот что представляют собой трущобы для миллионов детей, вызывая насмешку над американским образом жизни.

Трущобы с их затхлой атмосферой и те ужасные последствия, которые они влекут за собой, позорным пятном ложатся на наш народ. Но трущобы сами по себе составляют лишь часть проблемы. Не менее острой является и вторая часть проблемы: угрожающая быстрота, с которой разрушаются и опустошаются целые жилые кварталы, лишая население хорошей жилой площади по доступным ценам.

Основная причина заключается в том, что американские города с их ограниченными материальными возможностями не в состоянии без посторонней помощи финансировать массовую реконструкцию и производство других работ, которые могли бы предотвратить разрушение городов.

Помощи оказано не было

Наши города испытывают острый недостаток жилищ с нормальными условиями для семей с низким и средним годовым доходом, которые и составляют большинство населения. В стране имеется 8 миллионов семей с годовым доходом менее трех тысяч долларов. Пятнадцать миллионов семей имеют от 3 до 6,4 тысячи долларов годового дохода. Это именно те семьи, которым предполагалось оказать помощь согласно «Федеральной программе по жилищному строительству». Но никакой помощи оказано не было.

Национальные меньшинства бедствуют

Во многих городах Америки семьи, принадлежащие к различным национальным группам, находятся в еще более тяжелых жилищных условиях, чем их сограждане. Несмотря на возрастающую потребность в жилье, связанную с увеличением семей, им обычно доступны лишь самые посредственные жилища. Они страдают от непомерно высоких цен на жилье, живут скученно, становятся жертвами наживы, а все это, вместе взятое, ускоряет процесс деградации тех кварталов, в которых вынуждена селиться та или иная национальная группа.

А что для детей!

Школы, расположенные в центре города, как правило, старые, они не имеют ни пришкольных участков, ни современного оборудования.

Неудобно, дорого

Городской транспорт и пригородное сообщение становятся все более неудобными, дорогими и малоэффективными.

Грязь в воздухе и в воде

Америка еще не занялась всерьез борьбой с загрязнением воды и воздуха. Можно было бы предотвратить загрязнение многих портов, рек и их притоков. Воздух, которым мы дышим, загрязнен отработанными газами автомашин, дымом промышленных предприятий, что отрицательно сказывается на здоровье городского населения. В связи с увеличением населения повышается и острота этой проблемы.

Плачевные итоги

Республиканская партия игнорировала насущные жилищные проблемы. Президент Эйзенхауэр, вице-президент и вся администрация боролись за то, чтобы сократить или даже целиком отклонить любые мероприятия, направленные на жилищное строительство.

В течение восьми лет все увеличивающегося жилищного кризиса республиканская администрация не выработала широкой программы борьбы с жилищным кризисом, не наметила основных задач в решении жилищной проблемы и путей к их осуществлению.

24 ПРОЦЕНТА ВСЕЙ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ АМЕРИКИ НЕ ГОДНЫ ДЛЯ НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Дом,

Филипп БОНОСКИ,
американский писатель

МЫ СОБИРАЕМСЯ ПЕРЕЕХАТЬ

Нам нужно другое жилье. Нам — это значит мне, моей жене и моей дочурке, которой два с половиной года. Сейчас мы живем на острове Манхэттен, составляющем главную часть Нью-Йорка. Нам хотелось бы продолжать жить здесь. Но я боюсь, что нам придется все-таки оставить Нью-Йорк, даже бежать отсюда, как это уже сделали шестьсот тысяч его жителей.

Причин тут много. Первая и главная из них — то, что квартирная плата взлетела почти на ту же заоблачную высоту, куда поднялись верхушки небоскребов.

Есть и еще одна важная причина. Она очень проста: продолжать жить там, где мы живем сейчас, становится попросту опасным. Мы живем на границе, разделяющей то, что называют «испанским Гарлемом», и собственно Гарлемом. Гарлем, огромное гетто для негров, начинается прямо через улицу, где стоит тот самый дом, в котором прошлым летом во время пожара сгорел пятилетний негритянский мальчик. Такие трагедии в этом обширном районе трущоб — обычное дело. Если можно употребить такое слово, это еще «чистые» трагедии. А вот что произошло летом на углу нашей улицы с 17-летним пуэрториканским парнем: его убили ударом ножа.

Почему его убили? Потому что он был пуэрториканцем, у него была темная кожа и он был беден, как все пуэрториканцы здесь.

После войны в Нью-Йорк приехало около миллиона пуэрториканцев. Их встретили нищета, болезни, преступления, ненависть и дискриминация. Все же они предпочли это медленной голодной смерти в солнечных лучах нищего Пуэрто-Рико.

Это усилило в Нью-Йорке острую нехватку жилья; кстати сказать, вместе с пуэрториканцами сюда бежали многие тысячи семей негров, главным образом из южных штатов. Жилищный кризис был «разрешен» весьма типичным для нас способом. Старые квартиры были разделены на несколько «новых», и в них, скучившись, нашло себе приют новое население города. Эта ужасная перенаселенность породила преступления, страдания. Но, разумеется, эта операция принесла огромные состояния домовладельцам.

ПОЧЕМУ МЫ МЕДЛИМ!

Тысячи новых квартир строятся в Нью-Йорке. Эти квартиры — «последнее слово роскоши» (так они и рекламируются). Их можно встретить в двух-трех кварталах от самых невероятных трущоб. Очень часто те самые владельцы доходных домов, которые делают деньги из окружающей их нищеты, живут в этом комфорте с кондиционированным воздухом и видом на Ист-Ривер или Гудзон, успокаивающим их расшалившиеся нервы.

Мы, конечно, не можем и мечтать о том, чтобы жить в такой квартире. Плата за месяц там больше, чем все, что я могу заработать за год.

И в то же время у нас нет надежды получить жилье и в старых районах Манхэттена: там все «приспособлено» для пуэрториканцев. Домовладельцы знают, что нас все-таки не заставишь платить огромные деньги за мышиные норы. Поэтому белым там просто отказывают.

И все же скоро моей семье придется переехать. Другие семьи уже покинули наш дом: они были напуганы до смерти. В последнее время на женщин, возвращав-

в ком

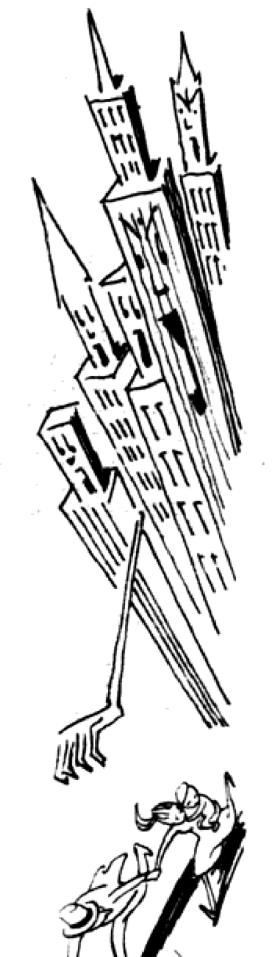
шихся домой поздно или даже не очень поздно, не раз нападали в лифтах и грабили, угрожая ножом. И вот люди бегут отсюда, готовые платить за квартиру в три или в четыре раза больше, лишь бы чувствовать себя в безопасности.

Почему же все-таки мы с женой медлим?

Дело в том, что мы переехали в эту квартиру несколько лет назад, когда положение не было таким отчаянным. Плата была сравнительно невысокой. Не потому, что владелец квартиры был филантропом, а из-за странного закона о квартплате, который существует в Нью-Йорке. Этот закон гласит, что квартплата, установленная во время или вскоре после войны, должна «подлежать контролю». Но слово «контроль» нельзя понимать в буквальном смысле. Владельцы квартир могут повысить ставку, получив разрешение от властей, особенно если сошлются на так называемые затруднения. Закон также разрешает им повышать квартплату на 15 процентов каждый раз, когда меняются жильцы. К счастью, та женщина, которая жила в квартире до нас, занимала ее свыше двадцати лет. И когда она умерла и владелец поднял цену на эти 15 процентов, все-таки плата за квартиру осталась достаточно разумной.

Все знакомые считали нас счастливчиками. Вместо четверти или даже трети нашего месячного заработка мы платили, может быть, одну шестую. Правда, мы платили еще за пользование холодильником и печкой, а если бы захотели иметь телевизионную антенну на крыше, нам тоже пришлось бы платить. Поэтому сейчас мы смотрим телевизор без антенны, мирясь с тем, что лица на экране очень часто бывают расплывчатыми.

За те годы, что мы живем здесь, многое вокруг изменилось. Раньше вокруг нас жили главным образом ирландцы и немного немцев, теперь — почти исключительно негры и пуэрториканцы. Куда уехали ирландцы? Может быть, в район Куинс или в те новые жилые центры, где огромные здания поднимаются на двадцать и больше этажей ввысь? Впрочем, эти новые центры зовут у нас «новыми трущобами». Да, это завтрашние трущобы, построенные сегодня. Живой человек уже теперь теряется среди этих каменных мешков. Квартирная плата высока, дома быстро приходят в негодность. Зато там нет пуэрториканцев и негров, а ведь это кое-что значит для «истинного американца»! Домовладельцы считают это достаточным основанием, чтобы запрашивать несуразные деньги.



Борьба за то, чтобы получить приличное жилье,—жестокая борьба. Если вам удастся найти пустующую или освобождаемую квартиру, вот что последует за этим: вы должны заключить контракт с жильцом, который собирается выезжать. Часто он соглашается «уступить» вам квартиру, если вы приобретете «обстановку». И вы платите несколько сот долларов за полдюжины стульев и пару столов, которые затем, когда вы переедете, придется выкинуть. Только после этого вы получаете «право» разговаривать с владельцем дома или его агентом. Он согласится сдать вам квартиру, если вы сунете ему, как у нас говорят, «под столом» от 50 до 150 долларов, в зависимости от обстоятельств. Но это еще не все! Приготовьте 100—150 долларов к самому переезду. По закону, домовладелец обязан ремонтировать квартиру раз в три года. Если вы не хотите ждать три года, вам придется покрасить ее за свой счет.

Прежнюю нашу квартиру мы «купили» за 300 долларов у тех, кто жил в ней. Эти люди были «прогрессивными», но никто здесь не считает зазорными такого рода сделки. Мы были рады получить жилье. Но через несколько недель мы узнали, что весь дом будет снесен. И нам снова пришлось искать пристанища.

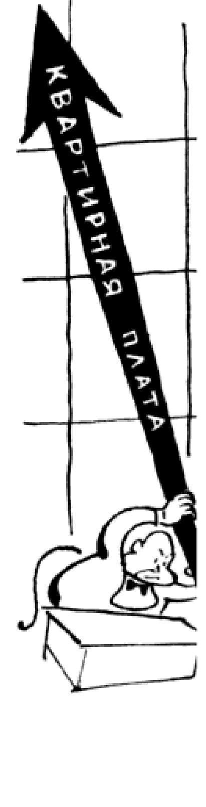
У ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРКА

Подавляющее большинство новых домов в Нью-Йорке с иронией называют домами для людей со «средним доходом». Эти роскошные квартиры предназначены для миллионеров или для тех, кто надеется стать ими,— для биржевых спекулянтов, кинозвезд, гангстеров.

В прошлом — лет пять назад — наши знакомые говорили нам, одобрительно кивая головой:

— О, вы живете близко к Центральному парку, вам повезло!

Теперь они уже этого не говорят. Центральный парк, расположенный в самой середине Манхэттена, больше похож сейчас на болото, заваленное старыми банками из-под консервов и разбитыми пивными бутылками. Кусты и небольшие березовые рощицы могут скрывать грабителей, насильников, убийц. Никто не осмеливается войти в парк после наступления сумерек. А женщины — даже и днем, если они одни. Людям, приезжающим в Нью-Йорк, не советуют ходить гулять в парк без сопровождающего или без большого и злого пса...



Короче говоря, наши друзья уже больше не поздравляют нас с тем, что мы живем так близко к Центральному парку. Нашу дочь мы вынуждены всюду таскать за собой. Она подрастает, и это заставляет нас торопиться с переездом.

По ближним улицам сплошным потоком мчатся машины, а мест, где бы дети могли играть в безопасности, мало. Когда дочке придет пора идти в школу, встанет новая проблема: куда посылать ее учиться? Многие из наших друзей отказываются посылать своих детей в государственные школы. Не потому, что уровень обучения очень низок, а потому, что окружение опасно для их детей. Ведь всего лишь год назад в Нью-Йорке было всерьез предложено, чтобы возле каждой школы был установлен полицейский пост для защиты детей от хулиганов, торговцев наркотиками и прочих подозрительных элементов...

Если говорить правду, то как писателю жизнь в той части города, где я живу, дает мне очень много, так же, как давала мне многое во время войны на передовых позициях. Сам я не слишком боюсь: я смогу защитить себя. Но что может случиться с моей женой, если ей придется возвращаться домой с наступлением темноты, я никогда не знаю. Я с беспокойством жду ее, прислушиваюсь к звонку у входной двери, к шуму лифта. А моя дочь? Что может случиться с ней, когда она подрастет? Лучше об этом не говорить.

Да, пришло время, когда мы должны бежать отсюда, подобно тысячам других. Я еще не знаю куда. Конечно, не в эти огромные здания из стекла и алюминия, которые видны за несколько километров невооруженным глазом. Эти гиганты вырастают каждый день. Но в эти сверхсовременные кварталы открыта дорога только принцам нашего времени, людям, делающим деньги...

Уехать из Нью-Йорка? Но переезд дорог, да придется жить в каком-либо городе-сателлите, которые называют у нас «городами-спальнями», куда главы семейств приезжают только на ночь. А весь день они проводят в Нью-Йорке, зарабатывая себе и своей семье «на жизнь» или «на постепенную смерть», как невесело острят здесь...

Итак, что же нам делать?

Пока мы будем присматриваться и прислушиваться, скажем нашим друзьям, что нам очень нужно новое жилье, может быть, что-нибудь и подвернется. Но мы заранее уверены в одном: то, что подвернется, будет стоить нам вдвое дороже, чем сейчас. А если мы отложим переезд еще на один год, то стоимость квартиры поднимется еще выше. Так или иначе, мы должны быть готовы жить для процветания владельцев домов. Другого пути нет.

* * *

...Я кончил эту статью и вышел побродить по ближним улицам. Я часто делаю так. Но эти прогулки непохожи на спокойное, мирное вышагивание философа или писателя, обдумывающего новую книгу. Они скорее похожи на прогулки в ад. Навстречу мне попадаются торговцы наркотиками, которые быстро стараются проглотить улику, если полиция хватает их. Я вижу драки и стычки. И в этих прогулках меня всегда сопровождает нищета. Я вижу жизнь детей, которые проводят долгие часы на улицах: там они и играют, и веселятся, и порой встречаются со смертью.

Вчера я вышел на обычную прогулку. И вот на 107-й улице меня ждал обычный случай. Мать-пуэрториканка везла в коляске своего ребенка. Неожиданно машина, потеряв управление, ударилась об угол дома и врезалась в детскую коляску. Благодаря какому-то чуду, хотя коляска была вся смята, ребенок остался жив.

Вокруг собрались пуэрториканцы. Родственники плакали, прибыла полиция. Репортеры, которые живут этими сенсациями, делали снимки. Потом жизнь улицы пошла своим чередом.

До следующего раза...

Нью-Йорк.

Рисунки Ю. Черепанова.

1

И. БИРЮКОВ

БЕЗДОМНЫЕ ПРОТ

Любимая присказка есть у консерваторов в Англии: «Нам никогда не жилось так хорошо, как сейчас». Они употребляют ее с удовольствием, особенно перед выборами, по любому поводу и без повода. Они говорят — «нам», пытаясь убедить народ, будто без тревог, без забот живут все англичане, в том числе безработные Шотландии и Уэльса; моряки торгового флота; пенсионеры, существующие на нищенские средства; рабочие автомобильной промышленности, которым угрожает безработица; многие миллионы людей, безжалостно обираемые домовладельцами.

На самом деле процветающие «мы» — это лишь те, кто имеет «священную частную собственность».

Взять, например, мистера Джека Коттона. Он президент компании, владеющей недвижимым имуществом, то есть домами. В 1954 году его фирма «Сити сентер пропетиз» получила 258 тысяч фунтов стерлингов прибыли. К 1960 году ее доходы возросли до 1 175 тысяч фунтов. Надо ли говорить, что сам мистер Коттон — миллионер?

Президенты, акционеры — капиталисты покрупнее и «рядовые» домовладельцы — капиталисты помельче довольны ходом дел: сотни миллионов фунтов стерлингов они прибрали к рукам, особенно с тех пор, как консервативное правительство приняло в 1957 году так называемый «закон о квартирной плате».

Иной закон честнее было бы называть беззаконием. По порядку, установленному в 1957 году, хозяева домов, в которых живут пять миллионов англичан, получили возможность устанавливать такую плату, какая им нравится. Не секрет, что владельцам недвижимой собственности больше устраивает высокая квартплата и соответственно высокие прибыли.

Не секрет и то, что компании, владеющие домами, не скупятся на пожертвования в фонд консервативной партии. Консерваторы, в свою очередь, проталкивают через парламент нужные законы. А потом английские сэр Разуваев и мистер Дерунов беззаботно ликуют: «Нам никогда не жилось так хорошо...»

Им-то хорошо радоваться, раз прибыли растут.

Но за чей счет?

Я видел семью с двумя маленькими детьми, выброшенную сырым, промозглым вечером прямо на улицу в лондонском районе Уэндсворт лишь за то, что эти люди не в состоянии платить резко завышенную квартплату. Мне приходилось встречаться с пенсионерами, которые получают около двух фунтов в неделю и должны отдавать домовладельцу более половины этой мизерной суммы. Мне довелось услышать от одного шахтера рассказ о молодом рабочем — строителе из Южного Уэльса. К сожалению, достоверность этого рассказа вне всяких подозрений.

Рабочего, о котором идет речь, зовут Кен Томас. Он жил в поселке Милл Вью Террэс. Женившись, Кен записался в очередь, чтобы получить жилье через местный муниципалитет. В напрасном ожидании прошло одиннадцать долгих лет, и семья Кена Томаса вынуждена была ютиться в доме некоего мистера Уильямса. Казалось бы, ничего особенно плохого в этом не было, но недавно мистер Уильямс сменил милость на гнев и приказал Томасу немедленно убираться. Куда? На все четыре стороны.

Пока Кен Томас тщетно искал приюта по средствам, хозяин решил ускорить выселение своего жильца любой ценой. Для начала он снял двери. Затем выбил все окна. Потом вырвал оконные рамы. Однако и этого ему показалось мало. Он лишил семью молодого рабочего крыши над головой, сняв всю черепицу и порубив стропила. Чего не делают ради денег!

Бедствия подстерегают людей на самом пороге дома.

В Лондоне сейчас составляют «черные книги». Их никто не сочиняет,— это собранные вместе письма тех, кто просит защиты от хозяев, поднимающих квартплату в два, три, а то и четыре раза. Особенно много пишут из Ист-Энда, где не селятся процветающие дельцы. Разве не звучит как самое тяжкое обвинение призыв о помощи в письме старого пенсионера из района Шордич? В доме, где он живет, двери перекосились так, что их не закроешь. Оконные рамы сгнили. Тарелку во время еды надо придерживать на столе, чтобы она не скатилась на пол. Когда идет дождь, в комнате мокро, как на улице. За всю эту «роскошь» пенсионер платил два фунта в неделю. Теперь с него требуют четыре!

По всей стране растут цены на землю. Недавнее повышение учетной банковской ставки нанесло тяжелый удар по жилищному строительству. Муниципалитеты свернули свои строительные планы, а спрос на жилье становится все острее. Куда в таких условиях могут обратиться бедствующие? Кто им поможет найти приют?

— В Лондоне,— предупреждает представитель муниципалитета г-н Билл Фиски,— просто некуда помещать людей. Мы можем предоставить убежище лишь немногим. Если число бездомных достигнет сотен тысяч, а похоже, что это будет так,— положение станет безнадежным.

По-своему понимают это домохозяева и... повышают с каждым днем свои требования.

...Под ненавидящими взглядами женщин идет по двору старого дома в лондонском рабочем районе Степни хозяйский агент (фото 1). Что он несет: извещение о повышении квартплаты, повестку о выселении, вызов в суд?

Кстати, о суде. Один из жителей района Наттинг Хилл в Лондоне добился по решению суда снижения квартплаты на пять шиллингов в неделю. Домовладельцу это не понравилось. Он самолично явился к непокорному и отобрал у него все запасы пищи, постельное белье, одеяло. И в довершение всего лишил квартиранта электроэнергии.

Об этом случае рассказывал на пресс-конференции Стюарт Дуглас, один из руководителей национального объединения съемщиков жилья. Он сравнил порядки в Наттинг Хилл с тем, что устраивали гангстеры в Чикаго «в самые худшие времена».

— Домохозяева нанимают агентов, настоящих головорезов, которые ходят с овчарками и собирают бешеную квартплату. Жильцов избивают, их имущество крадут. Домовладельцы даже выставляют рамы у старых людей, пускают гулять ветер, чтобы поскорее от них отделаться.

«Закон о квартплате»,— говорит Дуглас,— имел такое же значение, как если бы правительство предупредило воров: «Теперь против воровства закона нет».

Но против беззакония восстают трудящиеся Англии. Те, кому угрожает невозможно высокая квартплата или выселение, объединяются. Люди создают союзы жильцов, которые единодушно выступают против «закона 1957 года». Его отмены потребовали на массовом митинге жители района Сент-Панкрас в Северном Лондоне (фото 2).

Вся Англия знает Дональда Кука, секретаря Объединенной ассоциации жителей Сент-Панкраса. На снимке (фото 3) вы видите Кука и его жену, мать четырех детей, около их квартиры на пятом этаже под самой крышей в здании «Креннистоун-Хауз». Собственно, говорить «дом», «квартира» здесь было бы уже неправильно.

Дональд Кук укрылся в «Кеннистоун-Хауз». С помощью соседей он соорудил из старой мебели баррикаду, все сооружение опутал колючей проволокой, двери забил. На окне у Кука установили специальную доску — «площадку» для запуска сигнальных ракет, на случай тревоги. На заборах и стенах укрепили плакаты: «Нет—жилищной политике тори!». Заодно на дереве повесили чучело консерватора, члена местного муниципалитета. Почему должен был Кук прибегнуть к такому способу борьбы?

Дональд Кук, рабочий авиационного завода, всю вторую мировую войну прослуживший в парашютных войсках в Западной Европе и на Дальнем Востоке, решительно отказался вносить незаконно повышенную квартплату. Муниципалитет обратился в суд. Суд немедля постановил: «выселить». Тогда-то Кук и вынужден был забаррикадироваться в своем доме. Неподалеку, в здании, которое называется «Силвердэйл-Хауз», вместе со своим сыном занял оборону старик Артур Роу.

2

3

ИВ БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ

Больше трех недель продолжалась осада. В «Кеннистоун-Хауз» приходили делегаты от железнодорожников и строителей, от водопроводчиков и служащих соседнего рынка Ковент-Гарден. Приходили члены профсоюза, коммунисты, лейбористы, молодежь. Люди специально приезжали из других районов Лондона, присылали письма и телеграммы из других городов. Простые англичане выражали свою поддержку и солидарность с борьбой Сент-Панкраса.

Больше трех недель Кук и Роу держали оборону. Но однажды на рассвете большой отряд полиции окружил дома, в которых забаррикадировались непокорные. В воздух взлетели красные ракеты, зазвонил колокол. Сотни людей поднялись по тревоге, чтобы стать на защиту осажденных. Борьба продолжалась долго, однако силы были не равны. Под прикрытием полицейских дубинок судебные исполнители ворвались в квартиры Кука и Роу, ломая двери и даже стены. «Справедливость» восторжествовала.

Вечером того же дня у дома «Кеннистоун-Хауз» тысячи людей собрались на большой митинг. Они решили пойти и заявить консерваторам из муниципалитета все, что они думают о жилищных делах и «законе 1957 года». Огромная толпа направилась к зданию муниципалитета. Но ей преградили путь сотни полицейских — конные, пешие с дубинками наготове.

— В тот самый момент, когда один из жителей с помощью микрофона призвал к спокойствию и к его голосу прислушались,— заявил впоследствии генеральный секретарь Национального совета в защиту гражданских свобод г-н Мартин Иннэлс,— полицейские без предупреждения напали на толпу, неистово нанося удары направо и налево... После первой атаки полицейских страсти разгорелись с обеих сторон, и положение уже невозможно было контролировать.

Вот как расправлялась полиция с демонстрантами (фото 4).

Эхо событий, разыгравшихся в Лондоне, прокатилось по всей стране. Люди знают, что борьба далеко не кончена. Трудящиеся Англии укрепляются в решимости остановить капиталистическое наступление на жизненный уровень народа. Под давлением снизу некоторые члены парламента от лейбористской партии выступали в палате общин с требованиями положить конец повышениям платы за жилье, прекратить выселения, отменить «закон 1957 года».

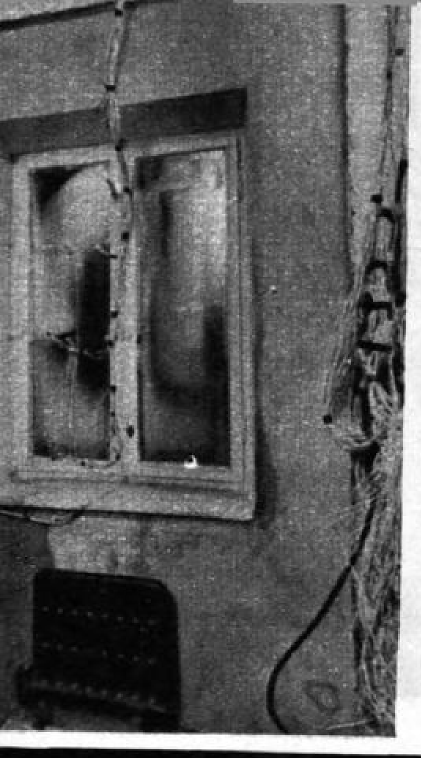
Все более широкие массы англичан начинают видеть теперь, где корень зла. Как заявил лейборист Стэн Торн из Ливерпуля: «Если бы в течение последних десяти лет хотя бы часть средств, израсходованных на бомбы и ракеты, была использована для жилищного строительства, сегодня у нас было бы совсем иное положение».

Многолюдными собраниями, тысячами писем, депутациями к членам парламента трудящиеся Англии дают понять консерваторам, что так дальше продолжаться не может. А министр по делам жилищного строительства Брук делает вид, будто ничего серьезного не происходит.

Нет, бесчеловечные и процветающие, которым «никогда не жилось так хорошо», не хотят понимать бездомных.

Лондон.

4



ЗА КУЛИСАМИ СТРОЙКИ

Морозильная камера лаборатории теплофизики. Здесь «фабрикуют» различные времена года. Создавая искусственно зиму, лето, солнце, ветер, дождь, сотрудники оперативно проверяют, возможно ли использовать новую оконную конструкцию в условиях московского климата. Для этого по одну сторону окна имитируют температуру жилой комнаты, по другую — улицы. Получается совсем как в натуре.

Л. АЛОВА

Фото О. Кнорринга.

Рев тигра показался бы, вероятно, шепотом по сравнению с воплями этого громкоговорителя. Какая там мелодия... Уши залепил оглушающий, словно в пропасть летящий крик, только монотонный и долгий.

— Не пугайтесь, это проверяют звукоизоляцию материала,— не без сочувствия сказал наш спутник.— Видите, около громкоговорителя и по другую сторону плиты, что сейчас испытывают, висят микрофоны. По ним определяют разницу в силе шума. Если она большая, значит, материал хорошо поглощает звук. Слышимость в новых домах подчас такая, что жильцы первых и последних этажей смогли бы без труда переговариваться. С этим-то и борется лаборатория акустики. Так что шум городим ради тишины,— заключил «гид», раскрывая дверь в следующую комнату.

На полу пустого большого зала весело отбивало чечетку какое-то странное, «адское» сооружение.

— Наша «топальная» машина,— объяснили нам,— изображает танцующую компанию. Вот и стучит изо всех сил по перекрытию. Правда, похоже?

Так с сюрпризов на каждом шагу началось наше знакомство с экспериментальной базой специального архитектурно - конструкторского бюро столицы. В ее лабораториях, в «пастях» тысячетонных машин, испытывают новые детали будущих зданий, определяют прочность стен, перекрытий, каркасных узлов. Экспериментально проверяют акустические достоинства современных материалов, изучают «поведение» окон в сочетании с новой формой панелей — не станет ли гулять в квартирах сквозняк. Сомнений у проектировщиков жилищ много. И прежде чем их не рассеет экспериментальная база, не представит точные сведения о том, какое давление выдерживает деталь, каков характер ее разрушений, новинка не будет внедрена в массовое производство. Это и понятно. Ведь дом теперь строят по типовым проектам, и, следовательно, обидный просчет скажется на сотнях тысяч квартир.

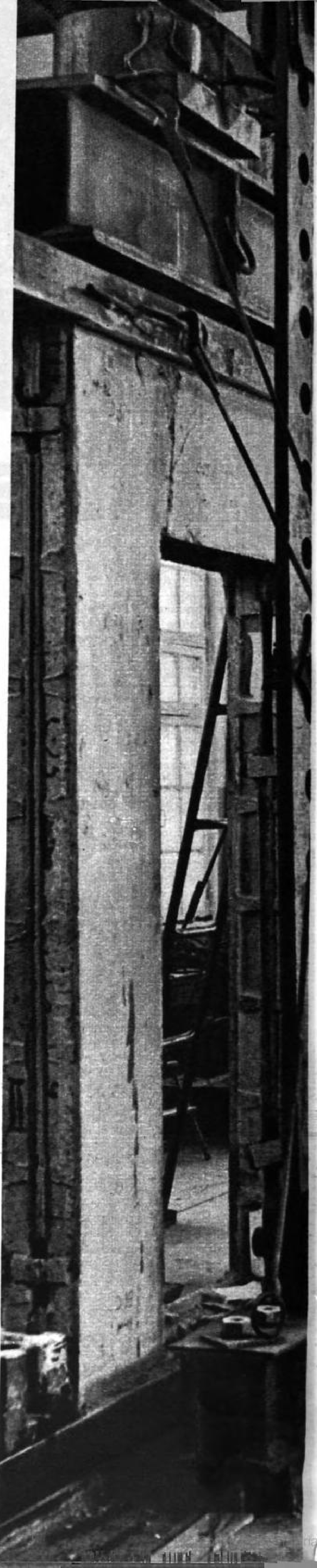
Чтобы этого избежать и строить здания с полной гарантией их долголетия и удобства, каждая конструкция держит строгий экзамен. Получит «диплом» — и дорога на завод открыта. С его станков станут сходить миллионы деталей, похожие, как две капли воды, на свою «прародительницу».

А теперь пойдемте по лабораториям экспериментальной базы.

А здесь другая картина: испытание арматуры на разрыв. Такие стержни укладывают для прочности в перекрытия.

«Топальная» машина изображает топот развеселившихся жильцов верхних этажей.

Новый материал проверяют на звукоизоляцию. На полу громкоговоритель. Он издает особый «белый звук». В полосу этого звука входят все тона — от самого низкого до предельно высокого,— потому что разные частоты материал поглощает неодинаково.



Знакомый «элемент» здания. Это стеновая панель, выходящая на лестничную клетку. Она держит на своих «плечах» верхние этажи. И, конечно, должна быть очень прочной. Так ли это, ответят манометры.

В ЦАРСТВЕ ПОДЪЕМНЫХ КРАНОВ

Пьер **КУРТАД**

Гигантский подъемный кран, возвышающийся над стройкой, несет панели. Из них через короткое время возникает жилой дом. Этот кран отныне стал типичной деталью пейзажа в Советском Союзе. Всего лишь несколько лет назад даже на стройках Москвы подъемные краны были редкостью, а строительные леса делались в основном из дерева.

Изменились, однако, не только технические методы строительства, но и архитектура. Идет ли речь о жилом доме или о здании общественного назначения — во всем чувствуется стремление к новым архитектурным решениям, стремление к простоте, экономичности и целесообразности. Нет никакого сомнения в том, что в результате всех этих усилий лицо многих советских городов быстро преобразится. Это будут новые, современные города. Меня искренне радует такая перспектива.

На протяжении ряда лет в СССР строились здания, которые, на мой взгляд, не лучшим образом выражали смелую, новаторскую мысль социалистического общества. Я вполне отдаю себе отчет в том, что многие из соображений, высказываемых в отношении этой архитектуры, носят чисто субъективный характер.

На Западе за последнюю четверть века несколько раз менялись представления о вкусе в области архитектуры. Здания, которые строились во Франции в 30-х годах, казались тогда воплощением передовых архитектурных концепций. Сегодня они выглядят безнадежно устаревшими. Напротив, неудачные по замыслу или даже явно некрасивые архитектурные сооружения, возведенные в конце прошлого и в начале нынешнего века, как, например, парижские Опера, Гран Пале и даже Эйфелева башня, постепенно «вросли» в пейзаж и историю Парижа.

Вполне возможно, что в Советском Союзе некоторые здания, при строительстве которых были допущены архитектурные излишества — что, впрочем, подверглось справедливой и деловой критике,— тоже сольются с обновленным городским пейзажем, и он уже будет немыслим без них. Городской пейзаж — это не только камень и бетон, которым придали определенную форму,— время идет, и здания, дома, памятники города обрастают воспоминаниями людей...

И все-таки люди ждут от архитектуры, чтобы она отражала современную им эпоху и служила все возрастающим материальным и духовным потребностям человека. Люди эпохи социализма, естественно, не хотят жить в таких домах и городах, которые задуманы и построены в соответствии с ограниченными вкусами, точнее, безвкусием буржуазии. Вспомним хотя бы некоторые московские гостиницы, построенные до 1954 года,— они невольно напоминают о «роскоши» дворцов, которые настроили себе в Калифорнии банкиры — грубая подделка под стиль эпохи итальянского Возрождения.

Каждая цивилизация создает свое искусство. Ведь никому в голову не придет мысль о том, чтобы придать современному автомобилю форму кареты времен Екатерины II или перенести форму античных архитектурных творений в строительство аэропорта середины XX века! Архитектура и градостроительство при социализме освобождены от всех пут, которые сдерживают их в условиях капиталистического строя. При социализме впервые создается почва для подлинно свободного полета творческой мысли и в то же время для самого полного и заботливого удовлетворения потребностей человека.

В капиталистических странах много видных архитекторов, и в большинстве своем это люди прогрессивные. Но мысль их, подчас смелая и благородная, постоянно парализуется. Так, архитектор сталкивается с тем, что лучшие строительные материалы идут только на возведение «рентабельных» сооружений. Частная собственность на землю ведет к тому, что большие архитектурные ансамбли, задуманные градостроителями, остаются на бумаге. Это особенно характерно для тех планов, которые предусматривают создание обширных зеленых массивов: ведь зеленый массив стоит столько же, сколько и застроенный земельный участок, но не приносит доходов!..

Вот почему такой город, как Париж, буквально задыхается в своих границах, в то время как бешеная спекуляция земельными участками после войны подняла цену на них почти в десять раз. Разделение общества на классы, в свою очередь, сказывается на планировке города. Все большее и большее распространение получает реакционная концепция «кварталов-резиденций». Они рассчитаны на ту часть населения, которая способна платить за роскошные апартаменты, для оборудования и украшения которых используется все, что есть лучшего в современной строительной технике и декоративном искусстве.

В социалистическом мире архитектор служит обществу, которому неведомо разделение на антагонистические классы; в его распоряжении земля, солнце и вода. Необычный размах жилищного строительства в СССР создает архитектору благоприятные возможности для осуществления его творческих замыслов. Поэтому можно быть уверенным, что советская архитектура сумеет осуществить самые смелые мечты градостроителей всех времен и народов.

Мне лично пришлось увидеть новые кварталы Москвы, Харькова и Севастополя. Я убедился в том, что советские градостроители, удовлетворяя самые насущные потребности в жилье, в то же время учитывают характер города будущего, светлого города коммунизма.

Из разговоров, которые у меня состоялись с советскими архитекторами и градостроителями, я вынес также убеждение в том, что эти люди глубоко сознают свой долг перед обществом.

Каждому честному наблюдателю ясно, что задачи архитектурного преображения советских городов, как и жилищная проблема, будут решены. И это будет одной из самых значительных побед социализма в мирном соревновании с капитализмом.

Несправедливость и абсурдность капиталистического строя с особой силой проявляется в его неспособности разрешить проблему обеспечения жилья как можно большему числу людей. Недалеко то время, когда эта задача будет решена в СССР. И это явится для сотен миллионов людей убедительнейшим доказательством того, что социализм превосходит капитализм.

И у нас Новые Черемушки

Агенскалнские сосны

В Риге тоже есть свои Черемушки; зовутся они Агенскалнскими соснами.

Два года назад сюда пришли строители. На пустыре вырос новый городской квартал, непохожий на другие кварталы Задвинья. Улица Мелнсила преобразилась: выпрямилась, оделась асфальтом.

С правой стороны Мелнсила стоит сейчас тринадцать крупнопанельных восьмидесятиквартирных домов. Дома не вытянулись по ранжиру, вдоль улицы, а встали так, чтобы солнце светило в квартиры с восхода до заката.

На левой стороне квартала свободно расположились дома из белого силикатного кирпича с красной кирпичной отделкой. Таких домов 25, в них 1 066 квартир.

Планируя Агенскалнские сосны, архитекторы заботятся о том, чтобы вокруг домов было много воздуха, зелени, простора. Возле домов будут разбиты сады, во дворах — площадки для детских игр.

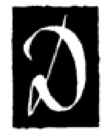
Агенскалнские сосны — это город в городе. Здесь свое водоснабжение, своя котельная. Есть тут и библиотека, детская комната, помещения для собраний, лекций, концертов. Есть и магазины и ателье бытового обслуживания, скоро будет готово кафе.

Жители городов Латвийской ССР до 1965 года получат 2 775 тысяч квадратных метров площади.

В. ГРУНДМАНИС,
научный сотрудник Института строительства и архитектуры Академии наук Латвийской ССР

Хрустальная чернильница

В. КАССИС



Двухмоторный самолет «Дакота» нацелил тупой нос в слона и начал резко снижаться. Слон не вздрогнул и даже не повернул головы. Животное сидело неподвижно, словно на арене цирка, под сенью ярко-зеленой пальмы. А когда тяжелая машина приблизилась к земле, мы поняли, что слон — это вовсе не слон, а лишь его изображение на огромном листе фанеры. Пальма тоже оказалась мертвой деталью рекламы туристического бюро Цейлона. Легкий толчок — и наш самолет уже катится по дорожке аэродрома Коломбо. Мы на «вечнозеленом чудо-острове».

Цейлон справедливо называют страной вечного лета. Здесь никогда не бывает снега, и местные жители не имеют представления о морозах и метелях. Но горько звучат слова цейлонского народа о том, что многовековое господство чужестранцев на Цейлоне — это замороженная история страны. Весна независимости пришла недавно — в феврале 1948 года. И не так-то легко ликвидировать в короткий срок тяжелое наследие колониализма. Вот почему еще не во всех домах цейлонцев чувствуется достаток, вот почему еще не каждый ребенок может ходить в школу.

* * *

Мы лежали на мягком песчаном берегу, почти у самой воды, курили и разговаривали. Легкий предвечерний ветерок уносил наши слова куда-то вдаль, на просторы темно-зеленого океана.

Дневной зной над Коломбо спал, и на широкой отмели пляжа Маунт-Лавиния виднелось лишь несколько человек. Приезжие туристы давно покинули свои лежаки и растворились в людской сутолоке улиц и скверов Коломбо.

Моим собеседником был пожилой геолог де-Сильва. Много лет назад он окончил геологический факультет одного из университетов Англии и вернулся на Цейлон. Де-Сильва, несмотря на свой возраст, отличался завидным здоровьем. Видимо, этому помогли годы, проведенные в экспедициях.

Он закончил рассказ о себе и замолчал, задумчиво глядя в безбрежную даль океана.

Тишину нарушили чьи-то осторожные шаги. Я повернул голову и увидел приближавшегося паренька. Он легко ступал босыми ногами по песку. Давно не чесаные волосы черными слипшимися прядями спадали на его смуглый лоб.

Подойдя поближе, он остановился и с детским любопытством стал разглядывать мой фотоаппарат, роговые темные очки де-Сильвы и надутую автомобильную камеру, лежавшую чуть поодаль.

— Ты что так смотришь? — ласково спросил де-Сильва по-сингальски.

— Дайте камеру поплавать,— буркнул в ответ мальчуган.

Лицо у него было худое, в широком вырезе старой, не по росту большой рубашки проступали острые ключицы.

— Как тебя зовут?

— Вимал. А фамилии нет. Дайте камеру,— снова попросил он.

— Ну, возьми, только ненадолго. Нам пора уходить,— сказал де-Сильва.

Вимал сбросил рубаху, взял камеру и швырнул ее в море. Потом неторопливо вошел в воду, ополоснул пригоршнями лицо и нырнул. Прошло несколько секунд, прежде чем его голова показалась на поверхности, там, где плавала камера.

— Очевидно, какой-то подмастерье,— неуверенно заметил я.

— Скорее всего беспризорник. К сожалению, в нашей стране еще есть дети без отца и без матери,— глядя куда-то в сторону, сказал мой собеседник и начал одеваться.

Вскоре Вимал, отплевываясь от соленой воды, уже вышел на берег.

— Наплавался? Выпусти воздух из камеры. Умеешь?

Де-Сильва строгим, но ласковым взглядом смотрел на мальчишку. И вдруг сказал:

— Хочешь, пойдем со мной, Вимал? Живу я неподалеку, а интересного у меня в доме много.

— А поесть дадите?

— Ну, конечно же! Пойдем!

В маленьком чистеньком домике, где жила семья геолога де-Сильвы, было просто и уютно. Убранство комнаты состояло из стола, нескольких стульев и широкой тахты. Возле окна, сквозь которое еще просачивались сумерки, сидела с книгой женщина.

— Дорогая, прошу любить и жаловать: Вимал бесфамильный, повелитель морской волны,— с порога настежь открытой двери проговорил де-Сильва, обращаясь к жене.

Женщина поднялась со стула. На ней была белая кофточка с короткими рукавами. Бедра обернуты куском материи, спускающимся до самого пола.

— Здравствуй, здравствуй, «повелитель»! Ты и в самом деле бесфамильный?

От смущения Вимал не знал, что и ответить. Оживился он только за ужином.

— Так, значит, говоришь, сирота... А где раньше отец с матерью жили? — затягиваясь сигаретой, спросил геолог.

— А я не помню. Говорят, что...

И Вимал сбивчиво и путано, дополняя недосказанное жестами худеньких рук, рассказал нам, что лет тринадцать назад в деревне, где он жил, разразилась эпидемия какой-то страшной болезни. Отец и мать умерли. Его приютил сосед-старик, от которого он убежал, когда ему исполнилось лет восемь. Потом он скитался по деревням, пока не добрался до Коломбо.

Закончив рассказ, Вимал встал и робко сказал:

— Я, пожалуй, пойду. Ребята ждать будут...

— У тебя много друзей? — спросил де-Сильва.— Где они?

— Конечно, много! Мы и ночуем вместе на затонувшей барке. Знаете, что возле рифов лежит. У нее только брюхо пропорото, а на палубе сухо.

— И ты знаешь, что такое рифы?

— А то как же! На море жить да не знать такого! — с некоторой обидой в голосе ответил Вимал.— Коралловые рифы!

— Ну, раз ты такой грамотный, пойдем в мой кабинет. Я ведь обещал тебе кое-что показать...

Сначала Вималу показалось, что его вдруг перенесли в какой-то совершенно иной, сказочный мир. На полках, в маленьких застекленных столиках, в тумбочках и на легких алюминиевых этажерках всеми цветами радуги сверкали сотни самых разнообразных камней. Здесь были кусочки кораллов, нежно-зеленого халцедона, темного аметиста, зеленой яшмы, розового агата, черного мориона, нежно-голубого и золотистого топаза, кровавые рубины, гранаты... Все это переливалось, сверкало и поражало глаз своей сказочностью.

Но больше всего Вимала привлек большой осколок горного хрусталя, в который была искусно врезана маленькая чернильница с медной крышечкой. Камень величественно возвышался над ворохом листов исписанной бумаги и толстыми раскрытыми книгами, загромождавшими стол. Ровные, словно срезанные острым ножом, грани хрусталя отливали каким-то таинственным светом морских глубин. Камень был мертв. Но в нем, казалось, жила огромная сила, способная приворожить человека.

Вимал подошел и потрогал осколок хрусталя рукой.

— Дорогой?

— А почему это тебя интересует?

— Так просто... Сам не знаю,— смущенно передернув плечами, ответил Вимал. И, подумав, спросил: — Вы ученый?

— Да,— ответил де-Сильва.— А ты хотел бы учиться?

— Не знаю...

— Тогда ты подумай и посмотри пока картинки вот в этой книге. Мы скоро вернемся.— Де-Сильва взял меня за плечи, и мы вышли из кабинета.

* * *

Раннее солнце тропиков щедро разливало свое тепло по ровной поверхности бухты. Над рейдом проплыл мелодичный перезвон склянок и замер где-то за мачтами дальних кораблей. Все кругом было залито золотистым светом, и воздух, напоенный ласковой тишиной, казалось, замер, ожидая появления нового дня.

Вимал проснулся. Комната пуста. Вимал вскочил с дивана. На столе, как и вчера вечером, над кипой бумаг возвышалась хрустальная чернильница. Вимал одним прыжком оказался у стола, быстро схватил чернильницу и через открытое окно выскочил на улицу.

* * *

В тот самый вечер, когда де-Сильва зазвал к себе Вимала, мы засиделись за беседой допоздна. Вимал заснул в кабинете де-Сильвы. Гостеприимный хозяин предложил и мне провести ночь в его особняке. Я не возражал.

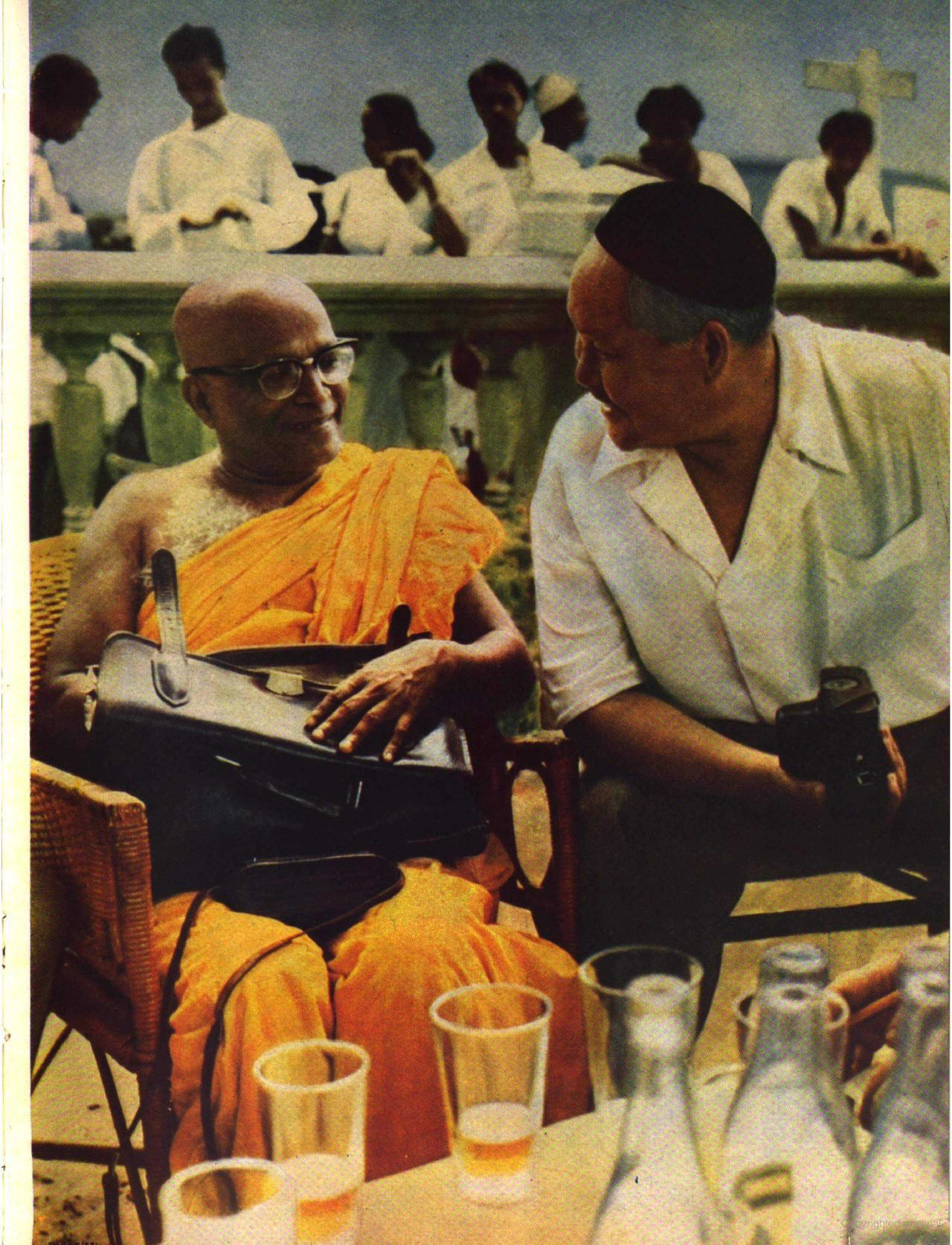
Утром мы обнаружили, что Вимал убежал, а вместе с ним из кабинета исчезла любимая чернильница старого геолога.

— Мне жалко не чернильницу, а мальчишку,— сказал, прощаясь со мной, де-Сильва,— пропадет. А ведь мог бы стать настоящим человеком...

Недавно я получил от своего цейлонского друга письмо. В нем он с радостью сообщал, что Вимал вернулся к нему в дом. Своих детей у супругов де-Сильва никогда не было, и они решили усыновить мальчишку. «Начал я с ним заниматься, хочу подготовить в школу. Парень со смекалкой. Надеюсь, что он тоже станет геологом. Моя любимая чернильница снова водворена на старое место».

Встреча в городе рыбаков Негомбо. Казахский писатель Сабит Муканов и лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» буддийский священник Тхеро Сарананкара.

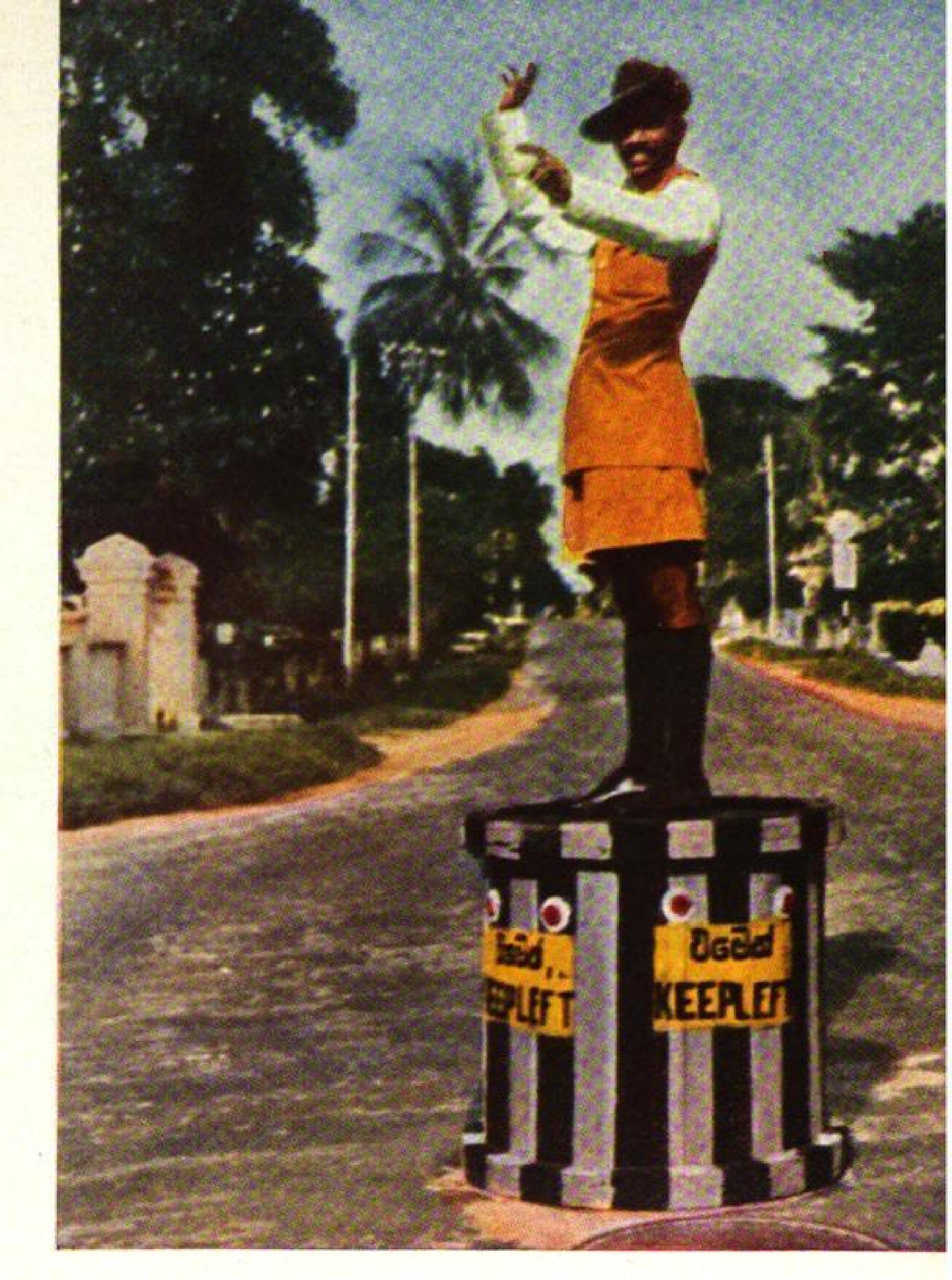
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.



На таких лодках цейлонцы перевозят по рекам кокосовые орехи, ананасы и другие грузы.

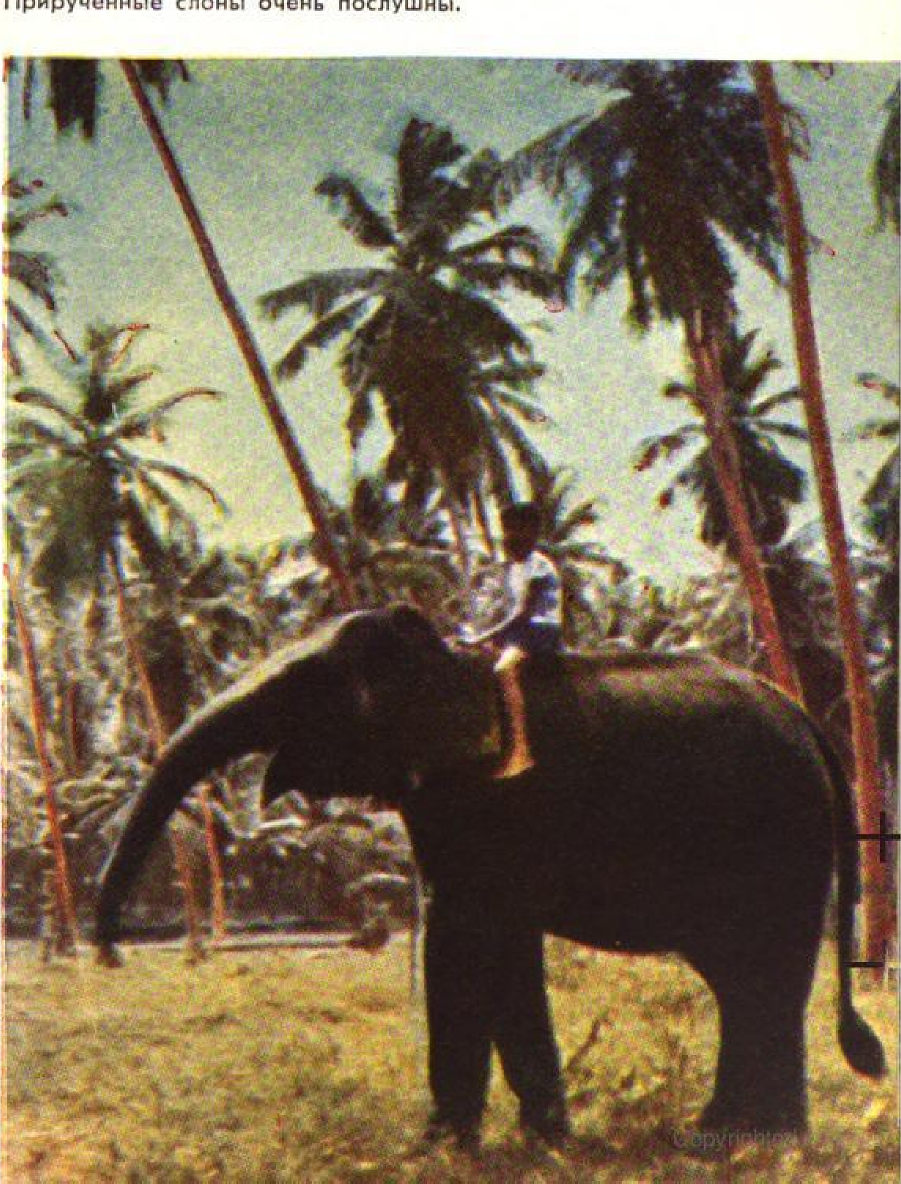
На берегу Индийского океана. Коломбо. →

Гроздь бананов достигает внушительного веса.



Регулировщик уличного движения в Коломбо.

Прирученные слоны очень послушны.



ка,— кормить больше нечем... продукты кончились.

Лицо у Язепа окаменело, он тихо выругался по-латышски. Все судовые запасы мы поместили в сетевой трюм. Чтобы их достать, нужен риск.

— Подождем немного, а? — с надеждой обратился он к Таньке.

В ответ она молча покачала головой:

— Не-ет. Родионову молоко нужно. Девчонки четвертый день всё воду пьют... Не довезем. Да и вы...

— Язеп, вот сдадим вахту, может, слазим? — чужим голосом предложил я. Лезть придется только нам, это ясно: посылать никого нельзя. Если что — из трюма хода назад не будет...

Капитан обещает на несколько минут развернуться по ветру. Этот поворот потребует большого умения и точного глазомера. Поэтому на руль встанет старпом.

— Язеп, возьмите лучше матроса: мне очень трудно будет без штурманов.— Капитан вопросительно смотрит на Язепа, конечно, он боится, что я подведу.

— Ничего, Иван Степанович, все будет хорошо,— успокаивает его Язеп.

И опять я понимаю, что это поручились за меня. Да иначе сейчас и нельзя — только сами нужно идти. До самой последней минуты я надеюсь: вдруг что-нибудь произойдет, и не надо будет очертя голову бросаться туда, вниз, на залитую водой и придавленную ветром палубу. Теперь все решено.

Повесть

Павел ХАЛОВ

Всем, кто меня слышит

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

III

Первой на наши радиограммы отозвалась японская шхуна, штормующая северо-западнее нас. Синдо вежливо сообщил, что врача у него на борту нет, что он сам вот-вот намерен просить помощи, но крепко держит связь с берегом и передаст наши сигналы. Потом радист принял ответ из Находки. Начальник Управления флота разрешил нам форсировать курс в Теоси. И тут же передавался медицинский совет: больному на живот пузырь со льдом и питье — крепкий раствор поваренной соли чайными ложечками.

— Лед! — хмуро усмехнулся Иван Степанович.— А где его взять? Целый год просил поставить на камбуз холодильник — продукты портятся. Так нет же...

Санитарный начальник флота обязал нас каждые два часа давать сводку состояния больного. Ничем другим пока помочь нам они не могли.

Радиограммы посыпались одна за другой. Итальянский купец из Атлантики рекомендовал какие-то травы, норвежский китобой посоветовал вводить больному в вену хлористый кальций. Комендант порта Теоси радировал, что поставил в известность о нашем положении советского консула и изыскивает — так и передал «изыскивает» — все возможности послать хорошего японского врача нам навстречу на морском буксире. Китайский радиолюбитель горевал вместе с нами и предлагал свое посредничество в быстрейшей связи с берегом.

Шторм захватил нас врасплох. Даже продуктов на камбузе не припасли. Все, что выдал Язеп Таньке, давно кончилось, и остатки — томатную пасту — Танька бережно выложила в громадный медный чайник, залила кипятком, посолила и понесла по кормовым помещениям в каюты, машинное отделение. Последними были мы, вахта. Теплое пойло отдавало солярkой и оказалось таким противным, что я насильно заставил себя сделать несколько глотков.

Сразу вспомнилось, как однажды, когда мне было лет двенадцать, я, начитавшись про мужество Амундсена, две ночи тайком от всех спал на голом полу и заболел. Сквозь умытое первым летним дождем окошко доносился шум утреннего города, бодро позванивали трамваи, аукались грузовики, мои друзья — повелители заводской ленинградской окраины — под самым окном резались в козанки и громко разрабатывали план очередного похода на берег Финского залива; пришли норвежские корабли. Но я должен был сидеть дома, где за слякотную зиму все так опостылело. Мама с тревогой посматривала на меня и в конце концов прогнала мальчишек, а форточку «задраила» (по договоренности с Ленькой Архиповым мы перешли на флотскую терминологию). Помню, в тот день передо мной поставили условие: два дня безоговорочного соблюдения режима, включая питье какой-то жидкости, подозрительно похожей на навозную жижу,— и я свободен «на все четыре стороны». Может быть, это первое, что я сделал в жизни, исходя только из сознания необходимости. Зажмурившись и мучительно краснея перед памятью великого Амундсена, пил я микстуру. Было, было такое...

Передавая Танькино изобретение Язепу, я невольно улыбнулся далекому прошлому. Язеп осторожно, как бомбу, принял чайник в обе руки, присел на корточки, хлебнул раз, хлебнул второй, недоверчиво посмотрел на меня и стал пить.

Танька спала сидя. Скулы заострились, под глазами светились зеленые тени, оспинки проступили яснее, бледные руки вяло лежали на коленях. Ее серая парусиновая юбка заляпана ржавым томатом, а синие тапочки прорвались на носках.

Язеп не стал будить ее. Балансируя на стремительно качающемся полу, он понес чайник в радиорубку радисту и старпому, дежурившему у постели Родионова. В дверях его мотнуло, он зацепился чайником за высокий порог, и тяжелая крышка со звоном грохнулась. Танька очнулась и попыталась встать. Язеп виновато хлопал рыжими ресницами:

— Таня, отдыхайте, прошу вас...

Она устало откинулась к переборке головой и снова задремала.

Вернулся Язеп минут через пять с пустым чайником. Поставить его было некуда: тотчас загремит по всей рубке,— и Язеп держал его в отставленной в сторону руке.

— Ребята,— сквозь сон пробормотала Танька,— кормить больше нечем... продукты кончились.

Перед тем как отправиться за продуктами, мы с Язепом спускаемся из рубки в камбуз — надо раздобыть мешок, большой нож, которым будем вскрывать ящики с консервами, и линь, чтобы вытаскивать мешок из трюма, на руках его не вытащишь: высоко. Четыре наволочки у Язепа. Необъятные карманы его брюк, наверно, могут вместить весь «Алмаз».

В кают-компании сидят несколько человек. Таньки среди них нет. «Девчат отхаживает»,— вспоминаю я. Мне очень хочется, чтобы сейчас она была здесь. Что-то светлое заливает мне душу. Я подошел бы к ней и тихо-тихо, так, чтобы только она одна услыхала, попросил прощения за то, что плохо думал про нее. «Знаешь, Танька, хорошая ты,— сказал бы я.— Слышал я, как ты стармеха поперла, и никому больше не верю». Но Таньки нет. «Прощаюсь вроде,— догадываюсь я,— не рано ли?»

— Ребята,— тихо окликает Сидоренко, когда мы подходим к выходу.— Напрасно вы... Все равно мы его не довезем... Умрет.

Язеп круто поворачивается. Цепляясь за столы и стулья-вертушки, он добирается до механика, берет его за промасленные лацканы комбинезона и приподнимает:

— Слушай, механик! Я говорю один раз. На этом судне никто не будет умирать. Ясно?

Никогда еще не случалось мне видеть Язепа в таком состоянии: он тяжело дышит, крупные капли пота густо усеивают бледный лоб. В кают-компании влажно и жарко.

В коридоре Язеп вытаскивает зубами из пачки папиросу. Спички в его пальцах ломаются.

Еще несколько минут мы медлим у стальной двери полуюта. Я надеюсь, что в камбузе же Танька появится — кипятильник на камбузе включен,— должна же она проверить! Тут совсем недалеко — пройти несколько шагов, завернуть направо и постучать в капитанскую каюту... Папироса догорела до мундштука. Я бросаю ее на пол — шторм, можно — и замечаю, что Язеп раздавливает свой окурок о рукоятку двери и сует его в карман.

Мы готовы... «Алмаз» дважды резко поло-

Окончание. См. «Огонек» №№ 2, 3.

Крестьянин — житель цейлонских джунглей.

жило на правый борт, и он нервно заполоскался на попутной волне — курс сменили.

Лешка обрушивается из рубки и орет:

— Давай, хлопцы!

«Иван Степанович на мостике — значит, пронесет»,— это последнее, что связывает меня с теми, кто остается в полуюте. Сердце в последний раз неуклюже дергается. Больше у меня нет сердца. Первый шаг за дверь — прыжок в ничто.

Мы сидим на мокром полу, прижимаемся спинами к высокому порогу гальюна и ржем. Ржем, как дураки, и не можем остановиться. Море течет с нас ручьями. Грязные лужи расплываются по желтым кафельным плитам. Тяжелый мешок с продуктами медленно ползет мимо, волоча за собой спутанный моток линя.

Левая рука Язепа беспомощна, он не в силах шевельнуть ею: ударился, борта у трюма острые. Чувствую, как голова моя глухо гудит и пухнет, затылок ноет: уже совсем вытащив на палубу поданный Язепом груз, я во весь рост грохнулся навзничь. Не везет мне с этими проклятыми мешками!

Плечи Язепа трясутся от смеха. Потом меня рвет. Одной морской водой. Рвет долго, выворачивая внутренности. Вот-вот я выплюну свой желудок.

Меня поддерживает Танька и что-то говорит. Кажется, она плачет. Вот глупая! Все же хорошо. Все очень хорошо! Врет он, Танька, не умрет Родионов. Никто на этом судне не умрет! Ясно?

В радиорубку, где моя очередь дежурить возле Родионова, входит Вовка. Он изо всех сил старается придать своему лицу сострадательное выражение. И от этого становится похожим на мамину соседку, вездесущую старушку Архиповну, которая всегда приходит в дом следом за бедой и, скрывая любопытство, добросовестно сокрушается. При этом ее горе кажется более глубоким, чем страдания потерпевших.

Вовкины губы скромно поджаты. Он молча садится на пол в ногах у Родионова и поправляет на нем одеяло. Но всем ясно видно, что Вовка откровенно счастлив. Я воображаю, как он будет потрясать сердца своих однокурсников: подумать только, первое в жизни плавание — и столько настоящих трудностей! Даже болезнь Родионова для него скорее просто любопытна, чем тяжела.

Вовка ничего не умеет. Совершенно беспомощный без очков, он тычется всюду: то развлекает совсем обессилевших девчат, то помогает Таньке на камбузе, то лезет в машинное отделение — по-хозяйски прислушивается к работе каждого цилиндра и пробует ладонью температуру подшипника. Его видят везде и нигде не могут найти. Вадим Борисович даже просил боцмана узнать, не смыло ли его за борт. Время от времени Вовке становится плохо, я ему завидую: он ложится там, где стоит, и несколько минут лежит с помертвевшим лицом. Через него шагают. Но приступ тошноты проходит, и он снова на ногах. Его шелковая рубашка с рукавами, засученными выше локтей, давно потеряла свой родной цвет — она вся в маслянистых пятнах, томате и густой черной саже. Округлый мальчишеский подбородок настолько оброс пухом, что я невольно трогаю свои щеки — мы неделю не брились.

По-моему, только об одном Вовка сожалеет: за продуктами мы ходили без него. Он хмурится, очевидно, припоминает, где в это время был, и с восхищением смотрит на меня. Его интересуют подробности, а расспрашивать Язепа он не решается.

— Трудно было? — с надеждой спрашивает Вовка.

— Как тебе сказать...— медлю я. Затылок опять начинает нестерпимо ныть.

— Там же ветер и такие волны... Вы, Владимир Павлович, настоящий моряк! — счастливо произносит он.— Шторм десять баллов!

Мне хочется ему ответить, что он ничегошеньки не понимает, что никакой я не моряк, а смертельно уставший человек, но вижу восторженные, ожидающие глаза и неопределенно машу рукой.

— Конечно, Вовка, океанский шторм в десять баллов — крепкая штука. Тебе просто повезло.

«Вовка, Вовка, ты не видел меня, лежащего возле гальюна после этого похода! Что бы ты сказал, милый студент!» Но тут я вижу, как мой собеседник бледнеет и растягивается на полу. Это очередной приступ морской болезни — человек вспомнил, где он находится, и ему стало плохо.

Обморок длится недолго — минут пять. Но у меня уже нет сил помочь, придержать ползающее по качающемуся полу рубки Вовкино обмякшее тело. Все, что мог, я уже сделал. Сейчас бы только спать и спать. Может быть, я и сплю, а проснусь — и будут пахнуть вымытые хвоей половицы в нашей комнате, а сквозь стрекотание старенькой швейной машинки пробьется спокойный мамин голос:

Стой, ямщи-ик, жара-а несно-о-сна-а-я.
Дальше е-ехать не могу-у.
Вишь, пора-то се-е-ноко-о-сная,—
Вся дере-е-вня на лугу-у...

И хорошо, если будет утро. Воскресное утро. Отец сядет в уголок чеботарить и что-нибудь смешное расскажет про своего бригадира — корабельного плотника, кудлатого поморца. А после обеда мы вдвоем пойдем ловить форель. У меня дома осталась чудесная удочка с ярким красным поплавком.

«А Танька?»

Вовка приходит в себя.

Слова, сказанные Сидоренко вполголоса два часа назад в кают-компании, оказались достаточно громкими. На мостик трудно пройти: ребята сидят на трапе, торчат в рубке возле старпома, заглядывают к радисту. Каждый понимает, что с ним могло или еще может произойти когда-нибудь то же, что с Родионовым. «Родионов умрет»,— сказал бывалый, видевший всякое моряк. И сразу шторм стал в тысячу раз страшнее, на плечи легла свинцовая тяжесть тоски — слишком далеко мы сейчас от родного берега, от хлопотливых старичков в белых халатах, от смешливых девчонок из портовой поликлиники.

Одни... Совсем одни. Только немощно желтеют листочки радиограмм на столе радиста. Открыть на минутку иллюминаторы — и зюйдвест тотчас унесет их и развеет над океаном.

«Всем... всем... всем... Всем, кто меня слышит...»

Надо что-то делать. Надо успокоить людей. Борьба за Родионова — значительно больше, чем борьба за его физическое существование. Капитан зовет боцмана.

— Займи людей...

Боцман молчит.

— Дай людям работу, боцман.

— Какую, Иван Степанович? На ногах стоять невозможно.

— Начните мыть стены, сушить одежду, драить в кубриках палубу, играть в прятки, в орлянку, в очко, пшено перебирать, черт возьми! Пошли двоих в машину — там найдется работа. Делай, что хочешь, но загрузи их по уши!

Боцман жмурится и басит:

— Попробую, товарищ капитан.

Капитан протискивается в радиорубку, устраивается рядом со мной.

— Ничего не говорил? — спрашивает он, показывая мундштуком трубки на Родионова.

— Не говорил.

— Так...

Скрипит «Алмаз», содрогаются переборки. У радиста попискивают наушники.

— Маркони, есть у тебя веселая музыка?

— Есть.

— Знаешь, давай-ка ее вниз.

Репродуктор обрушивает на палубу звуки. Неуловимая стремительная Лолита поет и пляшет в тесных каютах. Неужели где-нибудь женщины приподнимают юбки совсем не из опасения замочить их? А радист стучит и стучит:

«Всем... всем... всем... Всем, кто меня слышит...»

Через сорок пять минут мне на вахту. Этого я, наверно, не выдержу. Лицо Родионова отходит все дальше и дальше. Иногда его веки вздрагивают и приоткрываются. Это уже не здешние, а смотрящие куда-то внутрь, в свою боль глаза. Тогда я подкладываю ему под голову руку и начинаю поить его молоком из резиновой груши: утром Находка, где возле передатчиков сидят врачи, высказала предположение, что у больного что-то с желудком. Ничего, кроме молока и соляного раствора, давать ему нельзя. «Абсолютный покой...» —

так заканчивается каждая радиограмма. На «Алмазе» нет местечка, которое не качалось бы, не взлетало и не проваливалось.

Родионов судорожно глотает молоко и успокаивается. Моя рука еще долго хранит прикосновение его обострившихся шейных позвонков.

Родионов, что я знаю о тебе? У меня в столе, в пачке, перевязанной шнурком от ботинок, хранятся твои документы: диплом матроса первого класса, санитарный паспорт и какие-то затасканные справки. «Родионов Константин Максимович, год рождения 1932, место рождения — город Свободный» — вот и все, что знают о тебе твои товарищи, все, что знаю и я... Почти две недели мы простояли с тобой вдвоем на мостике и не перебросились ни одним не относящимся к делу словом. Кто ты? У тебя узкие плечи, серые шелушащиеся губы, треугольное лицо. Когда «Алмаз» начинает проваливаться вниз, под стареньким желтым одеялом четко вырисовываются твои худые коленки. Я даже не знаю, какого цвета у тебя глаза. А когда ты их открываешь, то мое сердце вздрагивает — жив! И я опять забываю разглядеть, какие они.

«Всем... всем... всем... Всем, кто меня слышит...»

Ты меня слышишь, Родионов? Ты можешь ответить, почему сейчас бледнеют радисты, услышав эти точки и тире, почему где-то в Атлантике седоголовые капитаны бессильно сжимают кулаки и кричат на притихших штурманов; почему стальные громадины, похожие на плавучие горы, поворачивают свои тяжелые носы в нашу сторону; почему очень занятый человек — начальник Управления флота — встает среди ночи и идет пешком — чтоб не будить шофера — сквозь дождь на радиостанцию; почему не спит Танька и стискивает зубы Язеп? Может быть, ты сделал людям очень много добра?

Над головой раздается треск — разбило шлюпку.

Наверное, мне помог океан — громадный Степанов, клацнув челюстями, летит куда-то далеко вниз. Мгновение все это мне кажется бредом. Но вот и меня потащило вслед за Степановым — «Алмаз» лезет на гребень. Я подношу ко рту разбитые суставы пальцев. Так было нужно: демонстративно надев пробковый нагрудник, он сидел здесь целый день, угрюмый, затравленный, загородив проход. И не вставал даже при появлении капитана. Жутко было смотреть в его невидящие глаза. Боцман не знал, как поступить, — от одного вида Степанова у ребят вываливались из рук швабры...

— Тонуть собрался? — шипел на него боцман.— Дермо не тонет, забыл?

— Ладно, помолчи, дракон...

— Дурак ты, все равно перевернешься ходилками до горы — пробку надо выше подвязывать. А вообще-то ваше место в буфете. Не порть морской пейзаж.

— Не привязывайся, дракон!

— Уходи отсюда, добром прошу.

— Не уйду!

Боцман катал желваки.

— Я капитану жаловаться не стану, а...

— Морду набьешь?

И тогда с мостика меня позвал капитан:

— Володя, сходи вниз, помоги боцману.

Я прячу «грушу» с молоком в стол, чтобы она не закатилась куда-нибудь, неуклюже спускаюсь по трапу и слышу последние слова этого разговора. Степанова можно спихнуть отсюда ногой. Но тогда получится обыкновенная драка... И я сгибаюсь над сидящим:

— Что случилось, Степанов?

— Подыхать не хочу — вот что, — огрызнулся он.

Я протискиваюсь между ним и переборкой. Он встает лицом ко мне. За его спиной длинный коридор. Один кулак Степанова сжат, другой рукой он держится за стенку. И тогда я беззлобно бью в это искаженное страхом и ненавистью лицо. Даже остатки моего морального превосходства над Степановым зажаты у меня в правом кулаке — это сейчас не очень много.

Клацнув челюстями, громадный парень летит далеко, в самый конец коридора, и упирается головой в порог умывальника.

Боцман страдальчески хмурится. Я подношу ко рту разбитые в суставах пальцы. На душе противно. И щемяще жалко Степанова.

В рубке меня встречают настороженные глаза капитана и старпома.

— Помог, — угрюмо отвечаю я на их немой вопрос.

Через несколько минут Танька просит Ивана Степановича прийти в свою каюту. У лаборанток паника. «Родионов умрет!» — наконец докатилось и до них. Маша, лежащая на капитанской койке вдоль стены, разделяющей каюты капитана и стармеха, услыхала, как дед ворчал на Сидоренко:

— Ты уверен, что этот парень не выживет? А если и уверен, держи у себя в правом кармане выходного костюма. Такие слова сейчас опаснее, чем вода в машине.

Что ответил деду третий механик, неизвестно, но Танька, принесшая девчатам какао, увидела, как Маша бьется в истерике, а Нина, полуодетая, с растрепанными волосами, с глазами, полными слез, мечется по каюте от одной стены к другой.

— Маша, Машенька! Нельзя же так! Сейчас я вернусь. Я пойду... позову кого-нибудь. — Но у самой подкашивались ноги.

До вахты осталось пятнадцать минут. Иду будить Язепа. Он спал сегодня не более полутора часов. Если до утра нам не помогут или шторм не стихнет, все может кончиться плохо. На ботдеке что-то хряскает. «Обломки шлюпки на талях мотаются, — догадываюсь я и радостно вспоминаю, что теперь можно выпить спирт из шлюпочного компаса. — Все равно ведь компас понадобится не скоро...»

«Всем... всем... всем... Всем, кто меня слышит...»

В темноте волны кажутся значительно бо́льшими. Исполинские громадины с неуловимо посвечивающими холодным зеленоватым светом вершинами угрюмо надвигаются на «Алмаз» со всех сторон. Ветер срывает с них мельчайшую водяную пыль. И там, где он касается их пенящихся верхушек, свечение чуть-чуть сильнее, как будто добела накаливаются от трения две враждующие стихии: небо и океан.

Днем, когда судно стремительно падает в пропасть между двумя валами, видишь подошву встречного вала и всем телом ждешь встречи с ним. Ночью, сейчас, покатившись вниз, «Алмаз» летит в неизвестное, спуск превращается в слепое падение. Сердце, закатываясь, отсчитывает каждую секунду — «тыща один... тыща два... тыща три... тыща пять... тыща двенадцать...» А конца все нет. Уже не чувствуешь судно продолжением своего тела, палуба уходит из-под ног. Кажется, что давно оторвался вместе с рубкой от корпуса, проваливаешься, вот-вот хрустнут выдавленные океаном стекла, и пузырчатая черная вода хлынет в душу. Руки судорожно прикипают к рычагу руля. Еще секунда такого спуска — и они сами положат руль влево или вправо до отказа, лишь бы скорей встретиться с водой. Каждая часть тела действует самостоятельно и просится жить.

О, как я теперь понимаю, почему молодогвардейцы требовали не завязывать им глаза перед смертью! Человек, встречающий гибель с открытыми глазами, может руководить собой до конца. Надежда не покидает его даже тогда, когда перестает биться сердце. До последних мгновений он не сдается, сопротивляется смерти — нет слепого ожидания: «Вот она! Вот! А ну, поборемся!»

Нас трое сейчас на мостике: капитан, Язеп и я... Челюсти онемели. И когда надо выдавить из себя несколько совсем необходимых уже слов, их трудно разжать.

Ссутулившиеся фигуры капитана и Язепа сливаются в одно пятно. В темном углу рубки их почти не видно. Их присутствие я ощущаю правой стороной лица — оттуда, где они стоят, идет тепло. Если встанешь рядом с печкой, то губами, щекой, мочкой уха также почувствуешь легкое тепло, а тронешь рукой — печку давно-давно не топили.

Останься на минутку один — так, чтобы в двух шагах не шуршал плащом капитан, не переступал громадными ногами Язеп, так, чтобы не ощущать под собой дрожь машины, над которой, пыхтя, колдует Сидоренко, — я, наверно бы, дико-дико закричал, зажмурил глаза, стиснул уши руками и бросился бы на пол лицом вниз. А Язеп? Нет, я уверен: он стоял бы, как сейчас — опустив плечи и широко раздвинув ноги. Через сто лет мореходы сложили бы легенду о призраке-траулере, который ночью идет навстречу шторму, и на его мостике стоит высокий нескладный моряк с холодными голубыми глазами, в коричневом грубом свитере.

И снова злость подкатывает к горлу. Ну будь он немного земнее, ну пусть однажды я увидел хотя бы намек на смятение или неуверенность в его взгляде, мне было бы легче.

И, как в первый день шторма, снова Язеп, наверно, понял меня. Определенно понял. Он громко говорит в темноту, ни к кому не обращаясь:

— Ветер тихнет... Порывами налетает.

Это он мне говорит: «Тихнет». А для меня это по-прежнему один и тот же звук, хотя я слушаю, всем существом своим слушаю, слушаю...

Кажется, прошла целая вечность, пока Иван Степанович сипло произнес:

— Нет, Язеп... Все так же.

В штурманской есть барометр, но никто из нас не хочет идти туда, чтобы не оставаться одному да и не разочаровываться. «Ага, — злорадствую я, — и ты, старик!» Капитана мне жалко. Он стареет на глазах. Почти двадцать часов на ногах несет вахту и не уходит с мостика. У него, наверно, опухли ноги. Но оттого, что он здесь, на душе у меня спокойнее.

Все же капитан пошел в штурманскую. Барометр немного поднялся. Но он поднимался и вчера, и позавчера, и даже сегодня днем, а потом снова падал. И я уже равнодушно к этому отношусь. Черт с ним! Пусть падает, пусть поднимается. Он просто взбесился от качки.

В необычный час появился стармех. Я узнал его, не оборачиваясь: запахло теплым машинным маслом. Если говорят «пришел», «появился», «сходил» — это значит, что человек передвигался перебежками. Надо, например, попасть из каюты на мостик. Сначала долго мочалишься в узеньких проходах между каютами, сушилкой и гальюном, одолеваешь в два приема двенадцать железных ступенек трапа: «Алмаз» ринулся вниз, и каждый гвоздь в подметках твоих сапог становится магнитом — ногу не оторвешь от железа. Если будешь лезть по трапу, не дожидаясь, когда судно тоже начнет взбираться на волну, на мостике очутишься в таком состоянии, словно поднял на себе два мешка с мукой. По мостику нужно ходить так же: крен на правый борт — можешь идти направо, на левый — налево. Но и тут цепляйся за все, за что можешь.

Дед прошел сзади меня. Его рука задержалась у меня на поясе, скользнула вдоль поясницы, и вот он уже стоит возле капитана и Язепа, обняв их за плечи. Его голова — на фоне тахометра. Этот прибор ночью светится ярче всех, и жесткий бобрик седеющих волос деда фосфоресцирует.

Я удивляюсь: за все три недели рейса он не подходил к капитану ближе чем на три шага. Они всегда разговаривали на «ты», но отчуждения спрятать не могли.

С необычной мягкостью, как о чем-то очень сокровенном, стармех говорит:

— Старики, в машине вода...

— Как вода? — отпрянул капитан.

— Я сам не знаю... Знал бы — не пришел. Утром заглянул в машину — паёлы мокрые. Показываю третьему — убрать надо. А он тычет пальцем в ящик с ветошью, — вижу, вытирал, вся ветошь мокрая. Да и штаны на нем до колен сырые. Волнуется, сказать что-то хочет и боится... Сейчас только из машины — вода катается от борта к борту, не успевает уйти под паёлы. Врубил помпы, сам все облазил. Течет сверху. Палуба слева отошла...

Дед говорит медленно, с большими паузами, подбирая слова по слогам, поэтому я хорошо слышу.

Они уходят вдвоем.

Что-то мне мешает смотреть, нависает на бровях, компас расплывается. Трогаю лоб ладонью. Это пот. Крупные капли пота струятся по носу, по щекам, гроздьями виснут в колючей щетине на подбородке, катятся за воротник. Вот и конец...

Молчание в рубке для меня страшней того, что случилось в машине.

— Язеп,— я почти кричу,— что дед говорил? Что там у них произошло?

— Ничего... Капитан придет — будем узнавать. — И тут же с неестественным оживлением спрашивает: — Сколько на румбе?

Я не сразу понимаю, что ему нужно, и зло кричу:

— Двести двадцать! На румбе двести двадцать!

И опять мы долго молчим. Потом Язеп убежденно произносит:

— А ветер тихнет. Да, да...

Капитан возвращается не скоро.

— Язеп, запиши в журнал: с утра в машину поступает вода. На несколько сантиметров отошла верхняя палуба. Ничего опасного нет, — говорит капитан и задумчиво подтверждает: — Ничего опасного пока нет. Только вот что, хлопцы, никому ни слова... Договорились?

— Договорились, — коротко соглашается Язеп. Конечно, он сразу решил никому не говорить.

И опять в рубке молчание. И опять неясным пятном справа от меня темнеют их фигуры.

Сдав Кольке руль, я тяжело опускаюсь в углу на пол и долго сижу, не думая ни о чем. Язепу еще два часа надо пробыть у Родионова, а я могу идти спать. Почти на четвереньках ползу в штурманскую — чтобы спуститься вниз, надо сначала миновать ее. В штурманской, под столом, в большом, намертво укрепленном ящике, хранятся шлюпочные навигационные приборы. Ключ от ящика у меня. Щелкает замок, но дубовая полированная крышка не поддается. Стальным ребром транспортира подковыриваю ее, достаю компас и отвертку.

Мне оставалось отвинтить один шуруп, чтобы добраться до спирта, когда я почувствовал, что на меня кто-то смотрит: в дверях стояла Танька. «Неужели догадалась?» Я краснею и грудью закрываю развороченный прибор. Маленькие шурупчики сыплются на пол. «Теперь не найдешь... Пропал компас».

— Худо тебе? — тихо спрашивает она и сама себе отвечает: — Я вижу, что худо, Володя. А мне, думаешь, как?

Я молчу...

— Хочешь, рассолу принесу? Помогает... — Она садится рядом и осторожно отводит со лба мои волосы.

— Не надо рассолу, Таня.

— Какао у меня есть.

— Спасибо, я пил.

— А ты ложись... ложись,— ласково тянет меня за шею Танька.

Я опускаю голову ей в колени. Они теплые, и мягкие, и удивительно родные. Это первые колени, на которых лежит моя голова. Танькины пальцы гладят мне затылок. Вдруг она властно поворачивает мою голову лицом вверх и наклоняется надо мной. Мне хочется потрогать ее сияющие глаза.

— Танька... Таня, — задыхаясь, шепчу я.

— Ну, чего тебе, — с мукой в голосе произносит она,— Ванька-встанька?..— А сама все ниже и ниже склоняется надо мной. Я протягиваю к ее лицу руки и пальцами трогаю брови. Я вижу ее ту, залитую солнцем с головы до ног, идущую по доске, как по лезвию ножа.

Каютный репродуктор сердито щелкнул. Сколько времени он не щелкал! Три дня из него, как из прорвы, сочилась только музыка. Его выключали, бросали в него подушками и даже сапогами. И вдруг он ожил. Загудело, зашуршало в нем пространство, и мальчишеский голос, голос старпома, торжественно произнес:

— Внимание! Команда «Алмаза»! Говорит мостик.

Но голос надломился, охрип, повзрослел — старпом говорит, почти касаясь губами микрофона:

— Ребята, с четырех часов утра есть связь с пароходом «Арктика». Через два часа мы с ней встретимся. Она идет под ветер по восемнадцать миль... Поздравляю, ребята.

Захлопали двери кают, загрохотали сапоги. Мы не можем больше оставаться одни. Сейчас опасно быть одному — задохнешься.

По проходу навстречу мне бежит боцман. Он в грязной тельняшке, брезентовых штанах, заправленных в сапоги. «Ура-а!» Его рот превратился в сплошной крик. Я кричу тоже и не слышу себя. Мы сшибаемся, потные, горячие, с небритыми, опухшими от бессонницы лицами, еще ничего как следует не понимающие, и трясем друг друга за плечи.

Уже весь проход забит людьми — я никогда не думал, что нас так много. А здесь не все, только те, кто свободен от вахты. Мы смеемся, говорим, перебивая друг друга. Девчонки плачут. Нина, похудевшая до прозрачности, стоит у трапа. Губы ее трясутся. Мелькает красная Танькина косынка, на минутку вижу облупленный Вовкин нос.

— Вовка, тебе действительно повезло! Ты понимаешь — шторм десять баллов! — Я машу ему рукой.

Семь часов утра.

На ходовом мостике негде стоять, но капитан не возражает. Ребята липнут к окнам. Здесь Вадим Борисович и Язеп, Сидоренко, моторист и старпом, боцман, Колька, Маша и Нина, они поддерживают друг друга. Здесь и те двое. У порога мнется Степанов. И в самом углу, невидимый за другими, — капитан. Он сосредоточенно прочищает трубку, в косматых бровях прячутся глаза.

Нина и Танька стоят рядом. Нина судорожно вцепилась в Танькин локоть. Может быть, это нечаянно?

Что-то сжимает мне горло: как мы тесно стоим. Мне хочется сказать сейчас:

«Хлопцы, дорогие мои, небритые, голодные хлопцы! Мы теперь не расстанемся. Мы постараемся не расстаться...»

Ветер действительно ослаб. Ослаб настолько, что я слышу, как люди дышат, как тикают в штурманской громадные медные часы. Кто-то открывает дверь, ведущую на крыло мостика. На его поручнях треплются серые лохмотья — все, что осталось от совершенно новенького брезентового занавеса. Ботдек непривычно пуст. На шлюпбалках одиноко раскачиваются оборванные тали. «Пропал компас»,— усмехаюсь я. В рубку врывается соленый, смешанный с водяной пылью ветер.

«Алмаз»... «Алмаз»... Я вас слышу. Я «Арктика», хорошо вас слышу. Позовите капитана к аппарату. Прием».

Ребята расступаются, и капитан исчезает в радиорубке.

«Алмаз»... «Алмаз». Я вас вижу. Я «Арктика», хорошо вижу вас... Прием».

Это все я представляю себе совершенно отчетливо.

Мы вываливаемся на левое, наветренное крыло мостика. Встают и падают, чуть не зацепив за носки наших сапог, белесые волны. Низко стеля дым, идет высокая черная «Арктика». Уже можно разглядеть узкие длинные окна в ее рубке. Уже видно, что над нею бьется красный флажок. Я знаю, что это такое, красный с желтым прямым крестом «Р», — сигнал вызова. Дым опережает пароход и лохмато льнет к океану. И мне кажется, что все в мире сейчас пахнет дымом, родным пароходным дымом. Этот дым не давал мне покоя, когда я был мальчишкой, дым надежного жилья и дорог.

Я ловлю взгляд Язепа. У него такие же, как всегда, глаза. Только сейчас они чем-то переполнены, и, кажется, вот-вот... Но Язеп судорожно глотает и отворачивается.

«Алмаз», «Алмаз», я вас вижу...»

Солнечный зайчик на двери слегка покачивается вверх — вниз. Сначала он ползет от ручки к стеклу над дверью, потом нерешительно останавливается, тускнеет — к иллюминатору прихлынула прозрачная пузырчатая волна — и медленно, словно нехотя, опускается назад. Это значит: волнение не больше трех баллов.

Входит Язеп.

— Слушай, Язеп, — говорю я. — Иди-ка ты к черту! — Это звучит у меня так радостно, что он недоуменно хлопает рыжеватыми ресницами и неуверенно произносит:

— Очен харашо... Я так и думаль!

Через несколько секунд его сапоги уже громыхают на трапе. Нет, он не обиделся. Он меня понял. За целый месяц мы еще не сказали друг другу так много.

Прежде чем подняться на мостик, я выхожу на палубу. Она залита солнцем, завалена сетями. Ребята уже роются в них. Океан дышит ровно и глубоко.

Здравствуй, океан! Как давно мы не виделись!

Душевная сила поэта

Николай АСЕЕВ

Сказать про Тычину: «поэт» — мало. Сказать про него: «общественный деятель» — тоже сказать вполовину. Народный поэт — вот это правильно! Назначить в народные нельзя. Можно учредить звание, но тогда нужно прежде всего уточнить, в чем же именно народность того или иного мастера. Для поэтического мастерства это сделать можно без ошибки. Мастер народной речи, мастер ее звучности, ее ритмического богатства, ее полногласия и полномыслия — вот признаки, по которым можно судить о близости поэта к народу. Это и есть признаки народной поэтики, свойственные очень небольшому количеству мастеров слова. Из них полностью отвечает этим условиям Павло Григорьевич Тычина, которому исполняется семьдесят лет.

Он так знает, ощущает и передает основные свойства украинской речи, так, почти на ощупь, дает почувствовать ее мягкость и шелковистость в звуках, когда выражается нежное и светлое, ее гневность и громовитость, когда ею карает народ врага!

Как же это так? Ведь состав звуков речи одинаков, слова, и нежные и гневные, как будто стоят в одном ряду. Как их отделить для той надобности, которая овладела сердцем при виде несправедливости: обиды беззащитного, угнетения слабого? И как отобрать другие слова из того же общего запаса речи для выражения нежности, любви, преданности народу, его справедливости, победоносности, новизны?

Мне думается, что сама речь, хорошо знаемая и любимая поэтом, подскажет необходимые выражения для проявления мыслей и чувств; так расположит эти выражения, что они из сухого словесного запаса вдруг становятся живыми, движущимися. Движет ими в поэзии ритмическое разнообразие. Переход от одного ритма к другому, соединение различных отрезков, различных словесных групп рождает выразительность текста. Это не достигается искусственным отбором слов и выражений. Это и есть душевная сила поэта, душевная свежесть поэтического дарования. «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит». Вы чувствуете этот неотчеканенный, вольный ритм, и все же ритм, подчиненный душевному движению автора. Вот это и есть сила речи, заставляющая вас остановиться на месте, прислушаться и запомнить навеки эти слова. Как ни называть такой размер, как ни подводить его под статистические измерения просодии, он «вольно и плавно» проносится сквозь вас, читателя, впечатляя собой, своей непохожестью на все остальное. Таков Гоголь в его душевной прозе. Таков и Тычина в его задушевной поэзии. Я не сравниваю их и не вывожу никакой зависимости друг от друга. Но все же невольно приходит мысль, что они родня по тончайшему ощущению ритма — двигателя речи.

Павло Тычина.

Ушедший «из барских садоводств поэзии — бабы капризной» не всегда остается поэтом своих заданий, и «поэзия — пресволочнейшая штуковина: существует — и ни в зуб ногой». Так сам с собой спорил поэт, стремившийся подчинить лирику политике. Это удавалось ему в тех случаях, когда оба задания совпадали. А сколько расходов производства в постоянных поисках слияния этих двух начал! Сколько строк, звучавших день, неделю, год и не превратившихся в вечные! И все-таки эти усилия оправданны, они не раз достигали полных побед, оставаясь свидетельством времени, его характерных особенностей. Хороший лирик всегда и политик. Но не всякий политик — хороший лирик.

Павло Григорьевич Тычина тоже надолго уходил из садоводств собственно лирики. Это было необходимо так же, как и для Маяковского, в интересах народа, в интересах времени. И приносило великую пользу поэту, заостряя и закаляя его оружие воздействия на человеческую психику, закаляя и заостряя его волю, его мысль, которая становилась сердечным движением стихотворца.

Почему я об этом пишу? Потому что Гоголь, Тычина, Маяковский стали для меня важнейшим свидетельством силы искусства. Я уважаю до поясного поклона те стихи Маяковского и Тычины, которые посвящены важным политическим темам. И в памяти остались те из них, которые «вольно и плавно мчат сквозь леса и горы полные воды свои». Возразят: а разве иные не «вольно и плавно»? Повторяю: и они запоминаются, многие из них и до сей поры составляют репертуар чтецов и самодеятельных выступлений.

Были здесь и великие удачи. Взять хотя бы «Песню трактористки», «Три сына», «На майдане», «Кожемяка», да мало ли еще таких? И лирика Тычины прекрасна: «La bella Fornarina», «Славная такая, милая осень...», «Юнь». Конечно, эти стихи, может быть, менее значимы по сравнению с крупными вещами, которым место в красном углу; но я люблю их, они такие неожиданные и по живописности и по нежности звучания:

Осінь така мила,
Осінь
славна.
Осінь матусі їсти несе:
Борщик у горщику,
кашка у жменьці,
скибка у пазусі,
Грушки в хвартушку.

Ну как тут перевести, переложить эти почти не поддающиеся иному звучанию строки, на которых, словно цветная пыльца на крыльях бабочки, лежит ритмическая и звуковая пыльца?! Так ведь создаются народом дивно сплетенные сказания! И не формальная это сторона творчества. Именно в невозможности повторить на другом языке то, что сказано украинской речью, заключена особенность таких стихов, в неповторимости и народности этих присловий, придыханий звука, в детской непосредственности их выражения.

Но скажут: что же это Асеев трактует в первую очередь о лирических достижениях поэта? А разве гражданские мотивы остаются в стороне? Напрасно было бы так судить о моей любви к Тычине. Не меньше мне дорога так великолепно звучащая у Тычины политическая лирика, например, в «Песне про Кирова».

Зелен сад-виноград,
славне місто Ленинград!
А які твої слова
про Сергія Кірова?
. . . .
Гей, червоне, знамено,
ти від партії дано!
Раз ми разом, значить разом,
Всі ми сходимось в одно.

Повторяю, нет возможности перевести это с украинской мовы на русскую речь, не сломав тончайшую архитектонику ритма. Почти то же, что заставить пропрыгать на одной ноге то, что станцовано на двух, да еще как славно!

Вот в чем сила Тычины: в звучности и ритмической тонкости понимания языка. Нет и малой возможности перечислить все удачи и победы Павла Григорьевича в поэзии. Для этого нужна была бы книга. Я уверен, что такая книга пишется. Пишется руками не одного человека. И государственное значение Тычины как поэта советского времени будет еще не раз обсуждаться и изучаться народными аудиториями, которые заняты делами неотложными.

Скрізь на будівлі виводили
мури,
дах підіймали, робили фасад...
Муляри йшли, теслярі,
штукатури,
хлопці ж деревця садили уряд.

Вот эти самые маляры, плотники, штукатуры, возводящие стены, строящие новое жилье, эти ребятишки, сажающие малые деревца вдоль улиц, и будут все новыми и новыми почитателями и поклонниками огромного дарования Павла Григорьевича Тычины, насыщенного силой, волей и молодостью своего народа, своего времени.

Солдат мира

Александр КОРНЕЙЧУК

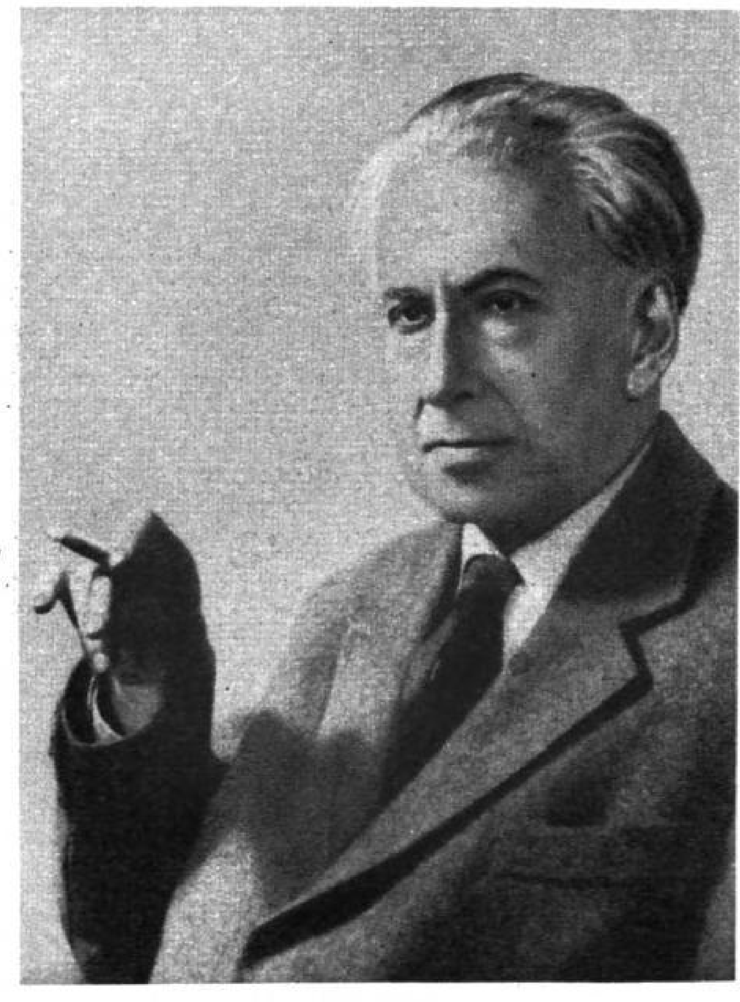
Выдающегося советского писателя, борца за мир и добрую волю Илью Григорьевича Эренбурга знают, любят и уважают не только в нашей стране, но и во многих странах мира.

Я не собираюсь писать о его искрометном многогранном таланте писателя, о его многолетнем творческом труде, о романах и повестях, стихах и публицистике, исследованиях в области литературы, живописи, о его порой противоречивых, но всегда честных откровениях взволнованной души большого художника.

О творчестве Эренбурга спорят у нас, спорят за границей. И, мне кажется, в этом сила писателя, идущего по большой дороге жизни, стремящегося увидеть новые горизонты, услышать биение сердца не маленькой группы пресыщенных эстетов и их друзей, анархиствующих мещан, а тех, кто своим самоотверженным трудом и борьбой создает величайшие ценности самой гуманной культуры, создает новый мир, где навсегда восторжествуют подлинная свобода и братство народов всего земного шара.

Эренбург всегда стремился познать жизнь, познать себя, быть на переднем крае в борьбе своего народа и в тяжелые дни войны и в дни мира.

Много лет я знаком с Ильей Григорьевичем, но близко я узнал его с первых дней возникновения великого движения сторонников мира. Десять лет мы принимаем участие в деятельности Всемирного Совета Мира. На конгрессах, конференциях Илья Григорьевич всегда выступает не только блестящим оратором и полемистом, но и неутомимым организатором всех мировых кампаний. Великий сын французского народа, наш первый президент ВСМ Фредерик Жолио-Кюри был близким другом Ильи Григорьевича и всегда очень тепло отзывался о его деятельности.



Илья Эренбург.

Эренбург обладает редким талантом объединять вокруг себя самых различных по убеждениям общественных деятелей Востока и Запада. Он замечательный пропагандист великой правды нашей Родины. И не раз в тяжелые моменты борьбы за мир он не только логикой, но и горячими чувствами, подлинным вдохновением покорял сердца тех, кто вел честный спор с нами, и заставлял отступать тех деятелей, которые упорно отстаивали ложные позиции, подрывающие великое дело мира.

В нашей прессе часто появляются заметки о заслуженных пилотах, имеющих на своем счету миллионы километров.

Эренбурга можно смело поставить в один ряд с ними. Даже накануне своего семидесятилетия на протяжении шестидесятого года он налетал много тысяч километров, побывал в различных столицах мира, где вел переговоры с общественными деятелями, представителями различных миролюбивых организаций.

Наши зарубежные друзья не раз спрашивали нас: откуда у Эренбурга такая огромная энергия, оптимизм? Почему он не щадит своего здоровья? Он может целые ночи напролет проводить в сложных дискуссиях или работать в комиссиях над документами. Его работоспособность просто удивительна. Мне кажется, что источник этой силы — его большая вера в великие идеалы нашей Родины, чувство большой ответственности беспартийного писателя и общественного деятеля перед Центральным Комитетом нашей партии, который высоко ценит честный и благородный труд Ильи Григорьевича Эренбурга.

Я никогда не забуду, как несколько лет тому назад Эренбурга и меня принимал Никита Сергеевич Хрущев. Это были сложные для нашего движения дни, предстояли большие испытания. Беседа длилась около двух часов. Эренбург задавал много вопросов. Никита Сергеевич тепло отвечал и поделился с нами своими мыслями, широко открыл перед нами картины будущего... Когда мы вышли, Илья Григорьевич сказал мне: «Я не мог и думать, что так откровенно и о таких больших делах будет со мной, беспартийным человеком, говорить Никита Сергеевич. Это большое доверие...» Эренбург не раз тепло вспоминал эту как и многие другие встречи с Никитой Сергеевичем, которые так много давали нам обоим.

Трудно поверить, что Илье Григорьевичу семьдесят лет. Он молод!

От всего сердца, дорогой друг, вместе с миллионами твоих читателей, вместе с твоими друзьями, сторонниками мира во всех странах, я горячо поздравляю тебя с семидесятилетием твоей большой жизни, полной неутомимой деятельности, которую так высоко ценят все, кому дороги мир и счастье на земле.

Горячо желаем тебе доброго здоровья и еще много-много лет беспокойной, красивой жизни в борьбе за счастье нашей великой Родины, за мир и счастье всех народов нашей планеты.

Вл. ФИРСОВ

Смоленские края

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ни кола, ни двора и ни хаты —
Вся деревня под снегом живет.
Эти годы, что были когда-то,
Горечь детства забыть не дает.
Память вывернута наизнанку.
Проплывают далекие дни...
Припорошена снегом землянка,
Пухнут с голоду братья мои.
Нам бы хлеба, и чуточку ласки,
Да онучи для новых лаптей!..
Заменяли нам ласку
Салазки,
Улетающие в метель.
Снежный ветер хлестал
по спинам.
Пели редкие петухи.
Заменила нам хлеб мякина,
Ну, а сахар — льняные жмыхи.
Мы великих дел не вершили
И по трижды чужой вине,
Как солдаты,
В землянках жили,
Умирали,
Как на войне.
Я остался в живых
И смело
Говорю, что обязан жить:
Ведь в могилах заиндевелых
Восемь братьев моих лежит.
Не за них ли
Сейчас в наступленье
Мы идем по просторам весны,
Неизнеженное поколенье,
Поредевшее в годы войны?
Это мы отправляемся в небо
Сквозь созвездия млечной
пурги,
Чтоб колосья тяжелого хлеба
Не топтали ничьи сапоги.
Наши руки, не зная покоя,
Рубят избы, возводят мосты,
Чтоб вставали сады над рекою
Небывалой еще красоты...
Будут дети отцами гордиться,
Будут знать их дела наизусть!..
Скоро сын у меня родится,
Если дочка — не огорчусь.
Им хорошую жизнь
по наследству
Я оставлю во имя любви,
Слыша голос далекого детства:
— Ты, братишка, за нас поживи!..

* * *

Когда я от тебя вдали,
Мне кажется порой:
Я отдалился от земли,
Что стала мне родной.
От той земли, где есть изба,
В которой жил и рос.
Над ней который год
Труба
Следит за ходом звезд.
И звездной ночью все слышней
Среди сырых ветвей
Поет о родине моей
Смоленский соловей.
Там не спеша рассвет встает,
И радостно, легко,
Струясь, в подойники течет
Парное молоко.
И жарко кружит синева
Над песнями девчат.
На реках плещется плотва
И селезни кричат...

Земля — без края и конца!
Она летит, звеня.
И светлой памятью отца
Напутствует меня.
Земля!
Я всю не обошел,
Не все видал края,
Но на земле
Тебя нашел,
Любимая моя...
Когда я от тебя вдали,
Мне кажется порой:
Я отдаляюсь от земли,
Что стала мне родной.

Бранко ЧОПИЧ

РАССКАЗЫ

ГОРЬКИЙ МЕД

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Помнится, бывало в детстве и так... Десятилетний мальчишка, возвращаешься с рыбалки домой, вымокший до синевы, зверски голодный, а тебя встречает грозный окрик матери, не предвещающий ничего хорошего:

— А ну-ка, подойди сюда!

От этого ее «подойди сюда», укоряющего, непроницаемого, полного скрытой угрозы, сердце мое превращается в сосульку, а колени начинают дрожать. Ясное дело: мне уже вынесли приговор. Но в чем же меня обвиняют?!

Я прекрасно знаю, что меня ждет. Меня отстегают по ногам вербовым прутом. И я буду прыгать и неистово вопить, пока огненный шквал не сорвет все листья с прута. (Порка вербовым прутом называется в нашем доме «танцем Карамартина».) И все-таки мысль о предстоящей порке в эти минуты не так уж страшит меня. Гораздо хуже проклятая неизвестность. Из-за нее у меня мурашки пошли по коже: чем я провинился?!

До тех самых пор, пока мой проступок не назван вслух, он представляется мне чудовищным, непростительным, огромным, он заслоняет передо мной весь божий свет. Все мои грехи как бы слились в нем воедино — разоблаченные и тайные, уже совершенные и те, которые я когда-нибудь непременно совершу, пороки, которые мне свойственны и которые заложены в самой моей натуре. Боже мой, чем же в конце концов обернется это мамино «поди сюда»?!

Я удивленно хлопаю глазами, притворяюсь, будто не понял, что мне кричала мама, мешкаю, чтобы выиграть драгоценные секунды, и, пытаясь связать охвативший меня ужас перед неизвестностью с чем-то понятным и обычным, перебираю в уме свои недавние прегрешения: обругал на выгоне незнакомых ребят, кричал вдогонку прохожим всякие гадости, а еще... еще нашептывал кой-какие глупости Миле, когда мы сидели с ней за копной сена. Вот как будто бы и все?!

— Эй, рыбак, расскажи-ка нам, как ты мед таскал на чердаке! — возвращает меня на землю строгий окрик матери.— Подумайте только, ни капельки не оставил, а было чуть ли не полгоршка!..

И мать тычет мне в лицо темный глиняный горшок. Ими торгует по селам Евица Чубрило, наводящий страх и трепет на местных ребятишек, потому что он, кроме того, «вырывает зубы».

Горшок действительно чисто вылизан — оставшиеся полоски меда чуть светлеют на дне.

— Да я в глаза этого горшка не видел! Вот те крест, не видел!

Я поражен. Я в самом деле понятия не имел о том, что в доме припрятан мед. Известно, что мед берегут для лечения. Поэтому есть его просто так, хотя бы даже и не украдкой, считается великим преступлением. До сих пор за мной такого не водилось, но сейчас я испытаю всю тяжесть несовершенного преступления на своей собственной шкуре.

— Ах, ты не видел в глаза! Да ты еще и врать! Бея!

Ехидная Бея услужливо слоняется возле «судилища» и с готовностью лезет на вербу, что растет возле забора, выбирать прут.

— Честное слово, мамочка, это не я съел мед! Клянусь святым Петром, клянусь громом и молнией!

Напрасно! Прут свистит, и я ору, как сумасшедший, отплясывая знаменитый танец Карамартина. Наконец экзекуция окончена. Я перемахнул через забор в буйные заросли сорняка и здесь, в прохладной траве, сосредоточенно прислушиваюсь к бешеному биению моей возмущенной крови, ощущаю, как горит кожа от вербового прута.

Моя младшая сестренка свешивается через забор и строит мне рожи:

— Бэ-э-э! Получил, получил!

Я вскакиваю, словно ошпаренный, готовый кинуться в драку. Задира тут же уносится на середину двора, чтобы быть поближе к маме. Вслед за ней откуда-то из-под забора выползает наш младший брат, совсем еще малыш. Значит, он тоже наблюдал за мной. Наблюдал за преступником, только что понесшим наказание.

— Подождите вы у меня! — кричу я из зарослей, угрожающе потрясая кулаком. Но сестра продолжает дразниться, а младший брат все так же безмолвно смотрит на меня своими любознательными глазенками. Его ужасно занимает человек, который совсем недавно перенес порку и так громко орал.

— Бэ-э-э! — задирает меня сестра.— Мед-то сладкий?

И вдруг молнией вспыхивает в моем мозгу: несколько дней назад я сам видел, как эта девчонка спускалась с чердака, зажав ложку в руках. Ах, вот оно что! Теперь мне все понятно. Теперь я знаю, кто таскает мед. Но одно дело подозревать, а другое — доказать свою правоту. Еще заработаешь трепку за оговор ни в чем не повинной девочки! Ох, уж эта мне ни в чем не повинная девочка!

А братец, этот маленький тихоня! Его я тоже заставал на чердаке! Но этого мальчишку не так-то легко подцепить на удочку. Хоть ты криком кричи на него. Уставится на тебя пытливыми глазами, словно спрашивает о чем-то, а сам молчит себе — и баста. Девчонку проще вывести на чистую воду. Ее выдают глаза. Стоит ей набедокурить, как желтые, кошачьи глаза невольно начинают часто-часто моргать. Это верный признак!

После обеда я строил «крепость» на лужайке возле дома, сестра вертелась возле меня, подлизывалась. Но я и не думал мириться:

— Уходи отсюда! Сама мед таскаешь, а меня бьют ни за что, ни про что!

— Ой-ой-ой! Врунишка, врунишка! — заверещала она, а глазенки предательски вспыхнули и заморгали...— Знаем мы, кого сегодня пороли!

На это ничего не скажешь. Пороли действительно меня, и об этом стало известно всем соседям. Чтобы отвести подозрения от себя, сестра постаралась на всю округу растрезвонить о моем позоре, и с тех пор кличка «медового вора» прочно прилипла ко мне.

— Эге! Вон медовый вор идет!

— Эй ты, сладкоежка! Не хочешь ли медка из чугунка?

Возражать было бесполезно. Если дома разговор заходил про «медовую порку», я умоляюще смотрел на мать, прося пощады, но слова оправдания застревали в моем горле. Оставалось надеяться только на время: авось, все позабудется само собой...

Подошла осень. Однажды в дальнем углу чердака, куда мы редко забирались из-за осиных гнезд, я наткнулся на глиняный горшок. Да, да, за тяжелой машиной для лущения кукурузы был спрятан тот самый знаменитый горшок. Он был закрыт крышкой, а когда я поднес его поближе к чердачному оконцу, я увидел, что к деревянной крышке приклеена записка. Классически правильной кириллицей, какой пишут сербы из Лики, мама вывела:

«И не стыдно тебе?»

Я застыл в смущении. В этот миг мне показалось, будто кто-то шепнул мне в самое ухо: «И не стыдно тебе?» Невидимый хранитель меда снова осуждал меня, но ведь я и не собирался делать ничего плохого.

Я поставил горшок на место и незаметно выбрался на двор, но весь день меня мучило ощущение тайной вины, будто кто-то крался за мной по пятам, нашептывая: «Ты зачем горшок с медом трогал?»

Я нервно оглядывался назад и беззвучно повторял:

— Не виноват, не виноват, не виноват...

Так бормочут знахарки, выгоняя из дому глаз или злого духа...

Прошли годы... Они словно припорошили инеем мальчишку, укрыли его не слишком плохо и не бог знает как хорошо; выросли бывшие мальчишки, и вот уже, как ни печально, все окружающие воспринимают их всерьез.

Моя сестренка, дерзкая похитительница меда, пропала без вести во время четвертого наступления противника, пробираясь из задушенного метелями Грмеча. Брат Райко, тихий, невозмутимый малый, погиб где-то там, на Врбасе. (И этому мальчугану, который ни разу ни с кем не подрался, суждено было погибнуть в бою!) А я стал писать, чтобы многое навсегда сохранить для потомков, а еще большее навсегда позабыть.

Недавно я заехал дней на десять к своей матери. Она живет одна в опустевшем доме, движется бесшумно, словно тень, напряженно ловя каждый звук, доносящийся с улицы. И сколько бы мы с ней ни говорили, мы никогда не вспоминаем тех, кого уже нет среди нас.

Однажды мне взбрело в голову проделать старый мальчишеский путь. Я потихоньку от матери пробрался на чердак и стал шарить по пыльным тесным углам. И вдруг, что это? В одном из закоулков я обнаружил припрятанный горшочек с медом. На крышку мать по своему

обыкновению прилепила записку. Нетвердая, старческая рука нацарапала крупными буквами: «И не стыдно тебе?»

Я замер. Кого из нас троих поджидала старушка? Кого бранила заранее? Значит, втайне все эти годы она все еще ждет своих «медовых воров»?!

Оставшуюся неделю я каждый день прокрадывался на чердак и таскал мамин мед. Я взбирался наверх, подражая осторожной, кошачьей повадке сестры, то шагал беззаботной походкой брата, то моей отяжелевшей поступью.

Я уехал, оставив горшок почти пустым. Как будет тронута моя старушка, которая бессонными ночами слышит свист зимнего ветра на Грмече, вечный рокот золотого Врбаса и задумчивое шуршание бумаги под моим пером, которое безнадежно борется с тишиной и забвением.

ВЕСНА, СМЕРТЬ И НАДЕЖДА

Засияет прозрачное, радостное утро, улыбнется апрель, словно ребенок, и снова затоскует сердце по шалостям пастушеских лет, прилетят вспугнутые сказки и обновятся давно уж разоренные гнезда. Это утро приходит неожиданно с первыми букетами примулы, и кажется, будто тебе снова одиннадцать лет, в ранце болтается чистая тетрадка, напоминая про невыученные уроки, в переполненном сердце базар пестрых бабочек, а в ногах словно муравейник кишит. И ты невольно замираешь в оцепенении.

И, как в те далекие годы, радостным весенним утром я поднимаюсь тропой, что ведет на пологие холмы к старому греческому кладбищу. Прекрасное место выбрали греки для вечного успокоения мертвых.

По широкому раздолью здесь и там рассыпалась красно-белая мозаика сел, колокольни церквей, словно застывшая стража, торжественно возвышаются над зеленью полей и лесов, а дороги, безлюдные, пустые, петляя, уходят вдаль, и кажется, словно по ним к тебе идет нежданный-негаданный гость.

Прозрачным, радостным утром я снова здесь, на холмах, я жду своего Чеду.

Весну за весной проводили мы с ним возле греческого кладбища, пасли скот, забавлялись играми. Почему же и теперь, после стольких ушедших лет, не подождать мне Чеду, беззаботного, веселого паренька?! В это утро я, наверное, найду его здесь.

Едва займется пасмурный, неприветливый день, я определенно знаю, что Чеда погиб, погиб холодной весной сорок третьего года на высоких скалах Рамича. Но каждый раз, когда просыпается это ласковое, прозрачное утро, я тоскую и жду его. В такой день над скалами Рамича сияет священная синева, и нет ничего проще, как повесить за спину карабин и, сдвинув шапку набекрень, зашагать прямиком через зеленые заросли. В это утро нет места смерти! Слышишь, как весенний ветер шепчет что-то глупое и смешное...

Мне кажется, что с пробуждением весны и старый Люпко, Чедин отец, ощущает нечто подобное. И тогда, притихший, умиротворенный, он заводит со мной разговор о своем сыне.

— Послушный у меня был мальчуган, с пеленок послушный. Не на что пожаловаться,— говорит старый крестьянин задумчиво, и в голосе его не слышно грусти, а на лице, обветренном, грубом, изрезанном сетью морщин, мерцает чуть заметный отсвет весеннего сияния.

Старик не упоминает имени Чеды, не называет его своим сыном. Он говорит: «Мой мальчуган...» Будто это соседский мальчишка, хотя и очень ему дорогой. Будто он видит Чеду тех дней, когда подбородок у парня был еще гол, а неокрепшая рука не могла удержать винтовку и другие предметы, которые несут гибель и смерть.

Слушаю я рассказ старика о «моем мальчугане», и передо мной возникает образ Чеды, каким я видел его в последний раз. Повалясь на бок, Чеда лежит на растрескавшейся, каменистой земле чуть повыше Рамича. Усталый, небритый, он прижимает к уху трубку полевого телефона и терпеливо повторяет:

— Алло, алло, «Ласточка», «Ласточка»! Нам отступать? Мы под обстрелом малого миномета.

Но вот порыв теплого ветра всплеснул крылом и унес мрачные видения войны. И моему внутреннему взору снова является босоногий, распоясанный мальчишка, который орет во все горло:

— Лес зеленый, ручей узкий, вон идет мальчишка русский!

Исподволь, осторожно завожу разговор со старым крестьянином:

— Послушай, Люпко, давай мы с тобой дадим объявление о гибели Чеды. Вдвоем, без шума. Какую-никакую, а пенсию тебе выхлопочем. Трудно ведь так-то, одному...

Старик вздрогнул, стал далеким и жестким. Но только на мгновение. Скоро он уже улыбался и говорил печально и задумчиво:

— Да нет, не буду я. Жалко мне моей старухи. Мать... она, сиротинка, до сих пор ждет своего мальчугана, надеется. Так неужели поднимется у меня рука подкосить ее на склоне лет?! Еще годок-другой, и она тоже...

— Тут ты действительно прав.

— А как же, а как же... Да и сам я тоже... пока нет у меня бумажки в руках, вроде бы совестно мне зачислять мальчугана в покойники. Непорядок это. Пусть уж будет, как есть. Все иной раз и появится надежда: а вдруг бредет мой мальчуган по дороге где-то за Малованом, медленно идет, не торопится, но однажды прекрасным утром дойдет до места. Вернется малыш в свой дом.

Мать Чеды, бодрая приветливая старушка, сама не сдается и Люпке своему спуску не дает. Стоит только коснуться в разговоре войны или смерти, а она уж начеку. Незаметно следит быстрым глазом за стариком и заявляет высокомерным тоном, не терпящим возражений:

— Я, например, про себя так полагаю: не дай мне бог кому-нибудь смерть прежде времени напророчить. Кто доказал, что мой Чеда погиб?! Никто! А Миле Баняц сам видел, как Чеда сбежал со скал Рамича к дрварчанам, ну, а потом, наверное, перешел вместе с ними через Врбас.

Перешел через Врбас! Сказка, которую выдумал легкомысленный Баняц перед тем, как переехать в Банат. Сказка прижилась в селе, прочно угнездилась в сердце матери, и пойди-ка поищи теперь в Воеводине пустомелю Баняца! Попробуй проверь, правда все это или нет! Хорошо, что он смылся отсюда, бог с ним совсем!

И каждый раз, когда речь заходит про выдумку Баняца, старик доверительно шепчет, оставшись со мной наедине:

— Слыхал?! Говорил я тебе, она все еще ждет мальчугана, надеется. Ну, не грешно ли мне после всего этого свидетелей для смертного уведомления искать?! Не стану я этого делать! Лучше коркой сухой питаться буду!

Чуть только рассветет, а веселый голос Чединой матери уже доносится до моего дома. Но вот однажды, проснувшись, я напрасно прислушивался к звукам, доносящимся с улицы. Через полуоткрытое окно ничего не было слышно. Я вышел во двор — тишина. Глухое, пасмурное утро окутало меня, и мой двор показался мне чужим. Как странно! Неужели один только милый, привычный голос во власти изменить все вокруг?!

На следующий день мне передали, что старуха больна и просит ее навестить.

Без нее, шустрой, живой, дом выглядел пустым и холодным. В очаге сиротливо попыхивал никому не нужный, всеми забытый огонь.

Хозяйка лежала в постели, но все еще не поддавалась болезни. Крепилась изо всех сил. И, только оставшись наедине со мной, устало перевела дух, словно скинула с себя груз внешнего геройства.

— Ну вот, настал и мой черед! Теперь и я отправлюсь к своему Чеде!

Я притворился, будто не расслышал ее слов. И правильно сделал, потому что через мгновение ее слабый голос прошептал:

— А может и так случиться: Чеда вернется в свой дом, а матери своей уж не застанет. Жаль.

Она глянула на мою голову, тронутую сединой, и сказала:

— Вы ведь сверстники с Чедой. Неужели и он так постарел?! Эх, прошли его молодые денечки! Прошли лучшие годы вдали от моих глаз. Вот о чем я больше всего жалею.

Тут старуха полезла куда-то под подушку и вытащила оттуда голубой конверт.

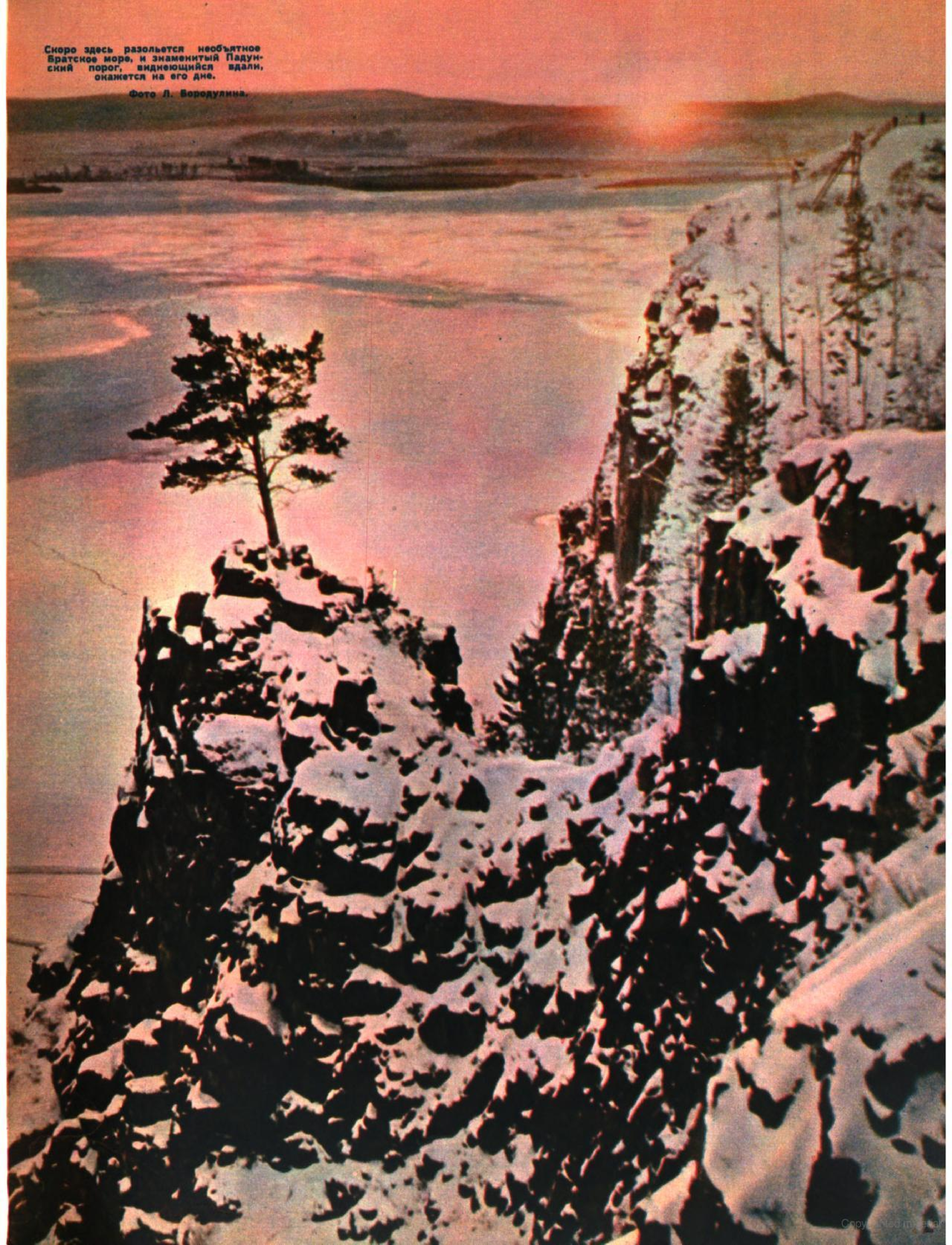
— Возьми этот конверт, сохрани у себя. Сам увидишь, что в нем такое. Все пустое. Я-то знаю, что враки, а вот мой старик — совсем другое дело, этот верит каждому слову, которое на бумаге написано. Так лучше уж ему ничего не показывать.

Старушка нагнулась ко мне и прошептала:

— Он и теперь все надеется, ждет своего мальчугана. Грешно ему все это вранье показывать.

Дома, затворившись один в своей комнате, в полной тишине я распечатал конверт. В нем оказались два письма. Два майора, мои приятели из соседнего села, сообщали, что Чеда Бркич, телефонист Первой Краинской бригады, погиб в марте сорок третьего года на скалах Рамича.

Перевела с сербскохорватского Татьяна ВИРТА.



Скоро здесь разольется необъятное Братское море, и знаменитый Падунский порог, виднеющийся вдали, окажется на его дне.

Фото Л. Бородулина.

Чудесные прогулки совершают по выходным дням спортсмены-лыжники Братской ГЭС.

«БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО»—

так охарактеризовал индийско-советские отношения посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон

Господин Менон принял корреспондента журнала «Огонек» Г. Гуркова и ответил на ряд вопросов. Ниже приводится запись беседы.

— Расскажите, пожалуйста, господин посол, о думах и чаяниях, с которыми народ Индии встречает свой большой праздник.

— Отмечая одиннадцатую годовщину со дня провозглашения республики, индийский народ с чувством огромного удовлетворения оглядывается на пройденный за это время путь. Мы счастливы, что удалось немало сделать в преодолении многовековой отсталости, масштабы которой даже трудно себе представить.

Когда Индия стала независимой, огромный груз был снят с плеч нации. Но сразу же возникло много проблем. Территория страны была разделена на две части — Индию и Пакистан, что самым противоестественным образом отделило сырьевые районы от промышленных, нарушив экономический баланс страны. Более того, само наше государство оказалось под угрозой распада. Во времена британского господства у нас существовало около пятисот княжеств, власть в которых принадлежала принцам и махараджам. Некоторые из них имели территории, равные Франции, держали под ружьем армии, и, конечно, все считали свои государства суверенными. Теперь эти правители лишены прежней власти, их княжества объединились и вошли в состав штатов. Никогда Индия не была такой сплоченной, как в настоящее время. Это большая победа нашего народа.

Но основным достижением мы считаем успехи в строительстве экономики. Когда англичане ушли, у нас фактически не было промышленности, а сельское хозяйство велось самым примитивным образом. Жизненный уровень был потрясающе низок. Голод 1943 года унес три миллиона жизней.

Чтобы подобные вещи не могли повториться, мы решили развивать экономику на основе планирования. Очень поучительным был для нас пример Советского Союза — пионера в этой области, преодолевшего за столь короткий срок отсталость царской России и превратившегося в высокоразвитое могущественное государство.

Весной 1961 года Индия приступит к выполнению третьего пятилетнего плана. Две предыдущих пятилетки были посвящены главным образом ликвидации последствий разделения Индии, решению продовольственной проблемы и увеличению производства средств производства. В ближайшее пятилетие мы рассчитываем увеличить производство стали и электроэнергии в два раза, укрепить сельское хозяйство, шире развернуть борьбу с неграмотностью. Надеемся, что нам удастся выполнить наметки плана.

— Как вы расцениваете отношения между Индией и Советским Союзом, господин посол?

— Безоблачное небо — вот сравнение, которое, как мне кажется, верно характеризует отношения между нашими странами. Укрепление дружбы между Советским Союзом и Индией — одно из самых знаменательных явлений второй половины XX века. Эта дружба находит свое выражение повсеместно.

Кто не знает Бхилаи, большой металлургический завод, построенный в центре Индии с помощью Советского Союза? Или Суратгарх — одну из крупнейших государственных ферм в Азии? Это хозяйство, созданное на вновь освоенных землях, оснащено тракторами и другими сельскохозяйственными машинами, подаренными Советским Союзом после исторического визита господина Хрущева в Индию в 1955 году.

Советский кредит, предоставленный на выполнение наших планов, позволит построить и расширить много важных промышленных объектов, в числе которых следует назвать завод тяжелого машиностроения, гидроэлектростанцию, теплоэлектростанцию и другие предприятия.

Исключительно важной была помощь Советского Союза в разведке и освоении нефтеносных районов. «Черное золото» лучшего качества и в большом количестве обнаружено там, где прежде вообще не предполагали его наличия.

Хорошо развивается торговля между нашими странами. Радует расширяющийся культурный обмен.

Все прочнее личные контакты между нашими народами. Помню, когда я приехал в Москву в 1952 году, здесь не было индийцев, кроме работников посольства. А сейчас — сотни студентов, инженеров, проходящих практику на советских предприятиях, ученых, писателей, общественных деятелей, приезжающих с различными делегациями. Все индийцы чувствуют себя в СССР как дома. Их встречают с открытой душой и руками, распростертыми для объятий.

Многие события 1960 года еще более сблизили наши страны. Среди них я в первую очередь называю визит премьера Хрущева в Индию.

Полноводная река индийско-советской дружбы постоянно пополняется новыми притоками. Эта река несет свои воды в океан всеобщего мира.

— Господин посол, какие пожелания хотели бы Вы передать читателям «Огонька»?

— Я хочу еще раз выразить надежду, что наши народы и впредь будут дорожить теми чувствами теплоты и дружбы, которые они питают друг к другу. Это больше чем надежда. Моим самым страстным убеждением является то, что дружба между нашими странами будет крепнуть день ото дня. И этот факт, факт искреннего сотрудничества двух стран с разными традициями, философией и историческим прошлым, представляет собой самый лучший пример мирного сосуществования. Этот пример вдохновляет страны Азии и Африки, которые недавно обрели независимость.

Пусть наши народы и впредь всегда идут по пути мира и дружбы. Я надеюсь на это и молюсь за это.

Фото Е. Умнова.

Лаос продолжает борьбу

В. ЖУРКИН

Лаос давно перестал быть маленьким и тихим тропическим королевством, «страной миллиона слонов», как живописуют его туристские проспекты.

Лаос сегодня — это американские танки на улицах городов и сожженные американскими снарядами жилые кварталы Вьентьяна, это молниеносные стычки автоматчиков в вековых джунглях, на горных дорогах и крестьяне, уходящие в партизаны. Это народ, поднимающийся на борьбу.

События в Лаосе западная пресса называет «гражданской войной». Но верно ли это? Ведь за правительственными войсками и отрядами Патет-Лао стоит весь народ Лаоса, а кучка мятежников опирается лишь на поддержку США и военного блока СЕАТО. Американская военная помощь, участие иностранных войск — таиландских, южновьетнамских, чанкайшистских и филиппинских, а также широкое использование территории Таиланда — таковы три основных фактора, обеспечивших мятежникам временный военный перевес.

Во время поездки в Лаос я видел американские танки, ворвавшиеся в середине декабря во Вьентьян,— новенькие, «с иголочки», поблескивающие свежей краской.

Я видел, как с таиландского берега реки Меконг орудия прямой наводкой били по набережной лаосской столицы, по городу.

Видел, как к первой прорвавшейся в центр группе солдат Фуми Носавана подошли в минуту затишья горожане, поговорили и отошли в недоумении: солдаты не понимали по-лаотянски — они были из Южного Вьетнама...

На первый взгляд мятежники добились успеха. В их руках сейчас четыре крупных города страны — столица Вьентьян, королевская резиденция Луан-Прабан, Такек и Саваннакет — центр носавановского мятежа.

Возведен фасад законности: создано марионеточное правительство. Его возглавил принц Бун Ум, которому благородная седина не помешала стать крупнейшим спекулянтом и казнокрадом.

Бун Ум сменил расшитый позументом мундир наместника провинции на плотно облегающий его тучную фигуру военный мундир: «премьер» старается во всем походить на подлинного главаря марионеток — исправного американского агента, но не очень исправного генерала Фуми Носавана.

Мятежники играют в правительство, выступают с заявлениями, устраивают пресс-конференции. А по ночам, оставшись наедине сами с собой, упаковывают вещички и грузят семьи на моторные лодки, отплывающие к таиландскому берегу. Так-то надежнее...

Их примеру следуют сотни чиновников, торговцев, адвокатов. Они чувствуют: дела у нынешних властей неважные.

Дела у мятежников и в самом деле не так хороши, как кажется на первый взгляд. Крупнейшие города в их руках, но из одного в другой на машине не проедешь (железных дорог в Лаосе, как известно, вообще не существует): это самый верный путь на небо или в руки партизан Патет-Лао. Связь между городами поддерживается с помощью самолетов, предоставленных чанкайшистами.

Враждебная страна лежит перед интервентами и предателями. Она ненавидит американских агрессоров.

Размах антиамериканских настроений в Лаосе ширится.

У народа Лаоса есть не только решимость бороться, у него есть для этого и силы.

Парашютисты Конг Ле и раньше считались самой боеспособной частью лаотянской армии. Теперь они обогатились опытом сражений, волей к победе. Надежный союзник — патриотические отряды Патет-Лао. Тысячи бойцов Патет-Лао, руководимые закаленными командирами, и правительственные войска наступают на интервентов. Под Новый год радио «Голос Лаоса» возвестило о победе. Правительственные войска и части Патет-Лао освободили Сиенг-Куанг — столицу одноименной провинции в центре страны, ключ к Северному, Центральному и Южному Лаосу.

Окружающая этот город живописная долина, усеянная древними надгробиями в виде кувшинов (она так и называется Долина Кувшинов), тоже освобождена.

Долина Кувшинов с цепями лесистых гор удивительно благоприятна для обороны. И одновременно это великолепная база для наступления. Отсюда дороги расходятся веером: на запад — к Луан-Прабану, на юго-запад — к Вьентьяну, путь через джунгли — на юг, к Такеку и Саваннакету. В Долине Кувшинов находится один из лучших аэродромов Лаоса.

Освобождение Сиенг-Куанга в корне изменило военную обстановку в Лаосе.

Сразу за этим войска законного правительства, руководимые капитаном Конг Ле, окружили Луан-Прабан и двинулись к Вьентьяну, Такеку и Саваннакету.

Лаос разделен на 12 провинций. Три из них — Сам-Неа, Фонг-Сали и Сиенг-Куанг — освобождены полностью, еще четыре — частично, юг страны — почти наполовину.

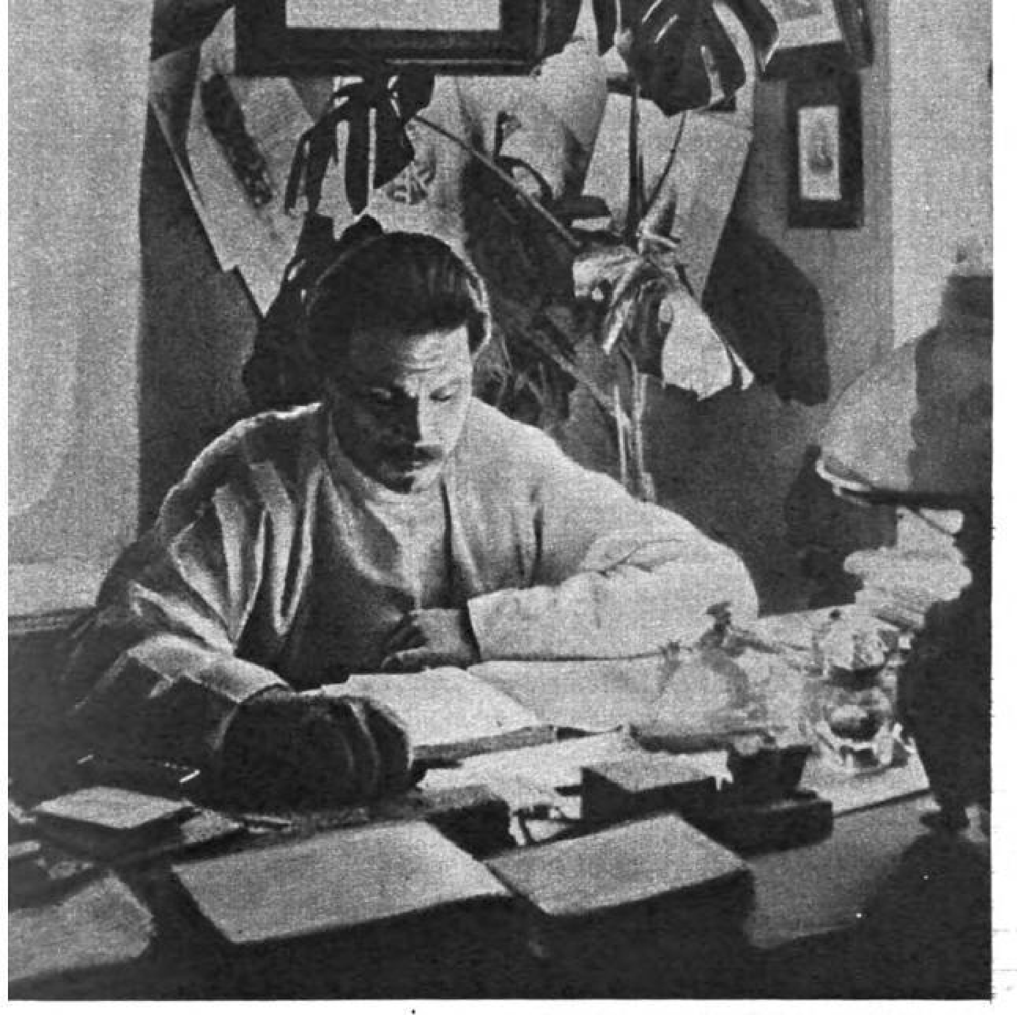
Отряды Патет-Лао снова пришли в центральные и южные районы, где они сражались и 6, и 10, и 15 лет тому назад...

Вместе с корреспондентом Чехословацкого Телеграфного Агентства Карелом Прашеком мы в последний раз встретились с капитаном Конг Ле накануне атаки интервентов и мятежников на Вьентьян. Это было вечером 12 декабря. Конг Ле, в своем пыльном маскировочном комбинезоне — он только что вернулся с передовой,— уставший от бессонных ночей, но, как всегда, веселый, улыбающийся, выглядящий куда моложе своих 35 лет, расхаживая по комнате, говорил нам:

— Мы будем сражаться за Вьентьян. Думаю, что отстоим город, несмотря на огромное превосходство противника в технике. А если нет... Помните о главном: борьба Лаоса на этой битве не заканчивается. Наоборот, она только-только начинается.

Пожалуй, эти слова сейчас лучше всего характеризуют обстановку в Лаосе.

Части лаосской армии на марше.



А. М. Горький. Нижний Новгород. 1901 год.

Найдено через 60 лет

...Двенадцать неизвестных фотографий Горького, относящихся к 1900—1901 годам, обнаружены на родине писателя! И не только фото, но и другие материалы, добавляющие новые сведения к истории пребывания Алексея Максимовича в Нижнем Новгороде.

Еду в Горький, чтобы познакомиться с этой находкой, и недоумеваю: как мог такой клад пролежать под спудом шестьдесят лет. Как будто бы давно исследованы все места, все уголки старого Нижнего, так или иначе связанные с биографией Горького...

Пытаюсь представить путь, которым шли открыватели, стараюсь догадаться, что натолкнуло их на след, какими трудностями сопровождались поиски.

Но вот я и на родине писателя, в музее А. М. Горького. Не без трепета рассматриваю драгоценные снимки.

— Как же попали к вам эти негативы? — спрашиваю сотрудницу музея Людмилу Абрамовну Зуеву.

— От знакомого услышала: на окраине Горького, в Старой Александровке, живет вдова нижегородского художника Симанского. Он был фотографом-любителем, снимал Горького, фото и сейчас хранятся у Симанской. Уточнила адрес и отправилась. Все оказалось правдой. Татьяна Ивановна Симанская охотно согласилась показать работы мужа: снимки, негативы. Мы просмотрели их с директором музея Николаем Алексеевичем Забурдаевым. Пятьсот негативов, среди них двенадцать никогда не публиковавшихся снимков Алексея Максимовича. Остальное — виды улиц, окрестностей Нижнего, ближних деревень. Передала Татьяна Ивановна в музей и сохранившуюся в бумагах мужа записку — автограф Горького. На оборотной стороне визитной карточки Алексей Максимович пишет Репину: «Дорогой Илья Ефимович! Рекомендую нижегородца — художника, который имеет о чем-то просить Вас, свидетельствую мое почтение. А. Пешков».

Вот как будто и вся история горьковской находки. Но как не повидать Татьяну Ивановну, как не **расспросить, что знает, помнит она об этих снимках.**

На другой день иду по Старой Александровке. Спускающаяся вниз заснеженная дорога приводит к небольшому домику. Внутри светло, чисто, уютно. На стенах портрет маслом Алексея Максимовича, деревенский пейзаж, несколько современных олеографий.

Усаживаемся, начинаем разговор. Говорит Татьяна Ивановна не спеша и, как старый, много повидавший человек, с отступлениями, которые то и дело уводят нас от главной темы. Не решаюсь перебивать и не жалею об этом. Я слышу не только о том, что хозяйка дома знала Горького, бывала в доме Пешковых, но и о том, что в ранней молодости встречалась с Верой Федоровной Комиссаржевской, видела Шаляпина, была на открытии школы, которую здесь, в Александровке, по совету Алексея Максимовича построил знаменитый певец для бедных детей.

— Наша семья Карачистовых неподалеку жила, в селе Павлове. Здесь в конце девятисотого года познакомилась я с Николаем Николаевичем Симанским. Он тогда только что вернулся на родину в Нижний из Мюнхена. Там Академию художеств окончил. А до этого учился в Петербургской академии. Только с третьего курса его исключили: в студенческой забастовке участвовал. Он и фотоаппарат из Мюнхена привез. Горького Николай Николаевич фотографировал вскоре после того, как Алексея Максимовича из острога освободили. Незадолго до этого, в январе 1901 года, мы с Николаем Николаевичем обвенчались и стали жить в городе. Точно вспомнить, кто познакомил мужа с Горьким, не могу. Это был или художник-фотограф Карелин, или доктор Долгополов. Он в семье Симанских свой человек был.

И Татьяна Ивановна рассказывает о любимом нижегородской беднотой враче — общественнике и революционере Нифонте Ивановиче Долгополове. Это он на снимке выслушивает Горького.

— Я-то к Пешковым раза два заходила, а вот Николай Николаевич частенько к ним заглядывал. Он и в Арзамас к Алексею Максимовичу ездил, когда сослали туда Горького. Вместе с Горьким на «Миллионку» ходили. Муж снимал босяков, а Алексей Максимович в тетрадку записывал.

Были и письма от Горького. Сколько, не помню, но присылал Алексей Максимович весточки. А получилось с ними вот что... Известно, что полиция преследовала Горького, наблюдение и за знакомыми было. В 1907 году Алексей Максимович за границей был, а его, видно, разыскивали. Мы в это время с мужем в Петербург ездили: у меня сын, первенец, тогда умер, и Николай Николаевич хотел отвлечь меня от горя. Остановились на Невском в меблированных комнатах, и в ту же ночь в номер к нам нагрянула полиция. Обыск сделали, допрашивали о знакомстве с Пешковым, о переписке с ним, потом полицейские увели мужа. Утром в слезах прибежала в участок, стала о свидании просить. Николая Николаевича вывели ко мне, и он успел шепнуть: «Поезжай в Нижний, уничтожь письма Алексея Максимовича, не нужно, чтоб к полицейским попали». Как муж сказал, так и **сделала. Потом уж, когда Николая Николаевича освободили и он вернулся в Нижний, свекор признался, что и здесь готовился обыск да он узнал и сумел «улестить» жандармов.**

Было и еще письмо от Горького. Приглашал он Николая Николаевича в Москву, хотел выставку его работ устроить.

Прощаюсь с Татьяной Ивановной. Сегодня же можно бы в Москву. Но пришлось задержаться.

Началось с телефонного звонка из Домика Каширина. Завтра ждут стотысячного посетителя. Не всякий музей может этим похвастаться — больше ста тысяч посетителей за год. Впервые решили отметить «стотысячника», вручить подарок—книги, скульптурный портрет Горького.

К Домику Каширина, что почти сто лет стоит над Волгой, у крутого спуска, подходишь, невольно представляя давнюю здешнюю жизнь — «суровую сказку, хорошо рассказанную добрым, но мучительно правдивым гением». Гул детских голосов во дворе домика заставляет отступить старую сказку. Возгласы, смех, беготня... Это экскурсии школьников ждут очереди войти в каширинский дом. Уже в сенях все смолкают. Тишина здесь не вынужденная. Нельзя не ловить слова экскурсовода, рассказывающего, что вот на этой самой скамье секли Алешу, а вон и розги, мокнущие в воде. Это было еще больнее. Замирая, слушают историю страшной смерти Цыганка, приемного сына Кашириных, погибшего под тем самым огромным дубовым крестом, что прислонен к забору во дворе. Тут, на кухне, на этих выскобленных половицах, по которым ручьями бежала кровь, Цыганок и скончался.

...Стотысячным посетителем оказался школьник Коля Вялухин. Эдакая удача! Прижимая подарки, растерянно улыбался он перед объективом фотоаппарата.

После торжества в Домике Каширина и заговорил со мной о другом каширинском доме Николай Алексеевич Забурдаев, неутомимый «следопыт» в своей области.

— Вы помните «Хорошее дело»?

— Конечно. Так прозвала свое-

А. М. Горький в Нижнем

го квартиранта Акулина Ивановна, Алешина бабушка.

— Давно пытаются горьковеды отыскать дом, где у Кашириных жил в нахлебниках добрый человек «Хорошее дело».

Этот дом показался Алеше «нарядней, милей прежнего», в нем в дождливые вечера бабушка, собрав жильцов, «щедро рассказывала сказки, одна другой лучше». На чердаке лежал связанный по рукам и ногам больной оспой Алеша. Здесь вышла второй раз замуж мать Алеши. Тут и свадьбу играли, тихую, невеселую.

Знали, что дом этот в три окна, что стоял он на Канатной улице. А найти не могли. То был последний собственный дом старого Каширина. После продажи его окончательно разорившаяся семья ютилась где попало.

Первым следом, нитью, за которую ухватился Николай Алексеевич, была найденная им в архиве отметка о регистрации купчей на дом, проданный Кашириным Павловой. Ни инициалов, ни других подробностей в бумагах не было.

Николай Алексеевич начал знакомиться с горьковчанами, носящими фамилию Павловых. Он искал их по налоговым ведомостям нижегородской думы, по записям в церковных книгах, искал в адресных столах всех прошедших годов. Проследил историю двухсот семейств Павловых, встречался с ними, разговаривал. Но Павловой, купившей дом Каширина, среди них не было.

Одна запись, обнаруженная в исповедальной книге церкви Трех святителей, что стояла неподалеку от Канатной, долго интриговала Николая Алексеевича. Несколько строк скупо сообщали, что в церковь к исповеди являлась Павлова, мать трех сыновей и трех дочерей. Дальнейшие следы семьи безнадежно терялись.

Но не так давно в музей зашла старенькая, тугая на ухо посетительница. И по своему обыкновению Николай Алексеевич спросил старушку, написав ей: «Не знавали ли нижегородскую старожилку Павлову?» Посетительница стала называть одну Павлову за другой. Все это были уже знакомые Николаю Алексеевичу, «не те» Павловы. И тогда он услышал: «А вот есть еще Киселева, Екатерина Олимпиевна, она ведь из Павловых, до сих пор в родительском доме на Канатной живет...»

— Екатерина Олимпиевна! — повторяет Николай Алексеевич.— Верите, едва услышал это имя, сразу подумал: это она дочь Павловой...

Да, Николаю Алексеевичу удалось точно установить: дом № 42 по улице Короленко, бывшей Канатной,— это тот самый дом, где началась дружба Алеши Пешкова с «Хорошим делом», как говорит сам писатель, «с первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране,— лучших людей ее...».

Екатерина Олимпиевна Киселева рассказала, что мать ее действительно купила этот дом у Каширина, что братья и сестры ее разъехались, а к ней, когда она вышла замуж за Киселева, перешел дом. Еще раньше сделали небольшую перестройку — вывели на улицу пять окон. А искали дом, о котором Горький сказал: «на нем ярко светились голубые ставни т р е х окон».

...Медленно подходила я к одноэтажному домику в конце улицы Короленко. Бывшая Канатная,— «немощеная, заросшая травою, чистая и тихая, она выходила прямо в поле».

Поля нет, вместо него проложена широкая улица. Меж каменных высоких домов бегут трамваи и автобусы. Они везут пассажиров к горьковским новостройкам, к новым, благоустроенным районам, окружившим старый Нижний.

Но дворик дома будто еще хранит следы мальчишечьих ног, то босых, то обутых в старые, рваные валенки... Алеша Пешков бегал здесь, а вон там, в глубине садика, лежа под яблоней, слушал, как «все цвета, звуки росою просачиваются в грудь, вызывая покойную радость, будя желание скорее встать, что-то делать и жить в дружбе со всем живым вокруг».

Все истинно живое, все, что в детских мечтах мерещилось Алеше, пришло на улицу, где он жил, в город, в страну, народ которой чтит своего великого сына, любовно, бережно хранит каждую мелочь, каждую подробность его большой, прекрасной жизни.

Н. РОМОВА

Горький.

Новгороде вскоре после возвращения из острога. 1901 год.

Шахматисты взяли старт

1961 год для шахматистов юбилейный. Экс-чемпиону мира доктору М. Эйве в мае исполняется 60 лет, другой экс-чемпион, доктор М. Ботвинник, отмечает свое 50-летие. Каково будет настроение юбиляра? Это во многом зависит от М. Таля, который в этом году собирается отпраздновать свое двадцатипятилетие. Готовится к юбилею и В. Смыслов: в марте ему исполняется 40 лет. Но было бы ошибочно полагать, что в этом году шахматисты будут поднимать лишь тосты и произносить торжественные речи.

Как мы уже знаем, весной в Москве окончательно определятся «отношения» между двумя нашими Михаилами. Этот поединок ожидается с большим интересом, но уже сейчас начались отборочные турниры по выявлению претендента на матч с одним из Михаилов на первенство мира в 1963 году. Недавно открывшийся XXVIII чемпионат Советского Союза также является таким отборочным турниром: первая четверка получит право играть в межзональном турнире. Конечно, выиграть первенство страны — мечта каждого шахматиста. Но некоторые претенденты на звание чемпиона «скромно» заявляют: «Дайте мне четвертое место, и я тут же поеду домой!»

Подобные заявления являются, конечно, шуткой. В Центральном Доме культуры железнодорожников идет острейшая спортивная борьба, буквально с первого же тура. Все гроссмейстеры понимают, что им необходимо искать свое счастье не только во встречах с мастерами. Самые жестокие схватки происходят между гроссмейстерами.

Характерен в этом отношении первый тур. Д. Бронштейн изящно «нокаутировал» Е. Геллера уже на 20-м ходу красивым заключительным ходом, который во многом напоминает блестящий удар А. Алехина в его знаменитой партии с Э. Ласкером на турнире в Цюрихе в 1934 году. Борис Спасский во встрече с В. Смысловым сделал такой сильный ход, что экс-чемпион «дремал» целый час и попал в невероятный цейтнот. За позицию Смыслова нельзя было дать пять копеек старыми деньгами. Все гадали, что произойдет раньше: упадет ли флажок на часах или Смыслов получит мат? Но ни того, ни другого не произошло. С помощью Спасского Смыслов вышел из безнадежного положения и успел сделать 40 ходов. На следующий день гроссмейстеры согласились на ничью.

Чемпион СССР Виктор Корчной и чемпион мира Михаил Таль являются самыми успешными шахматистами 1960 года. Корчной вместе с Марком Таймановым путешествовал по Аргентине и участвовал в трех турнирах. Он стал героем Буэнос-Айреса, поделив первые два места с С. Решевским в турнире, где участвовали 14 гроссмейстеров.

Три встречи между Корчным и Таймановым на далекой аргентинской земле закончились со счетом 2:1 в пользу Тайманова. В ЦДКЖ Корчной взял реванш. Два «аргентинца» провели свою партию крайне остро, и чемпион страны одержал важную спортивную и творческую победу.

Не засиживались на одном месте и другие советские гроссмейстеры. Ю. Авербах вместе с бакинским мастером В. Багировым посетил Индонезию и Австралию, после чего можно смело утверждать, что советские шахматисты побывали на всех континентах. Ю. Авербах справедливо считается тонким знатоком эндшпиля, но в его партии с С. Фурманом дело до эндшпиля не дошло. Фурман, превосходный теоретик, попал под сильную атаку, проведенную Авербахом весьма стремительно, по лучшим образцам А. Алехина и М. Таля.

В чемпионате участвуют 10 гроссмейстеров и 10 мастеров. Гроссмейстерская десятка хорошо знает, что ни с одним из мастеров нельзя «шутить». Д. Бронштейн об этом забыл, и молодой Э. Гуфельд не преминул этим воспользоваться, заматовав гроссмейстера.

На концертах в разных странах пианист Марк Тайманов часто аккомпанирует певцу Василию Смыслову. Но их партия на чемпионате страны далека была от мирного концертного сотрудничества. В первой части партии Смыслов предложил своему аккомпаниатору ничью. Тайманов отклонил призыв к мирному исходу, но затем в сильном цейтноте сам допустил ошибку и предложил ничью. Однако теперь Смыслов, в свою очередь, отказал в этом своему другу и забрал у него пешку. При доигрывании Смыслов разыграл эндшпиль, как по нотам, и сломил упорное сопротивление Тайманова.

Кто же попадет в четверку? На этот вопрос ни один знаток не может дать точного ответа. Но в одного гроссмейстера верят все. Тигран Петросян всегда успешно выступает в отборочных турнирах.

После четвертого тура лидируют два гроссмейстера, В. Корчной и В. Смыслов, а также представитель молодежи Э. Гуфельд. Однако заказывать билеты на межзональный турнир еще рано. Главные события на чемпионате страны еще впереди...

Приводим окончание партии Петросян — Лутиков на XXVIII чемпионате страны.

Лутиков

Петросян

Ход черных.

Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что у белых преимущество двух слонов, они владеют большим пространством, и их фигуры расположены более гармонично. У черных же король чувствует себя не совсем уютно, ферзь — в углу и конь «в офсайде». Но как использовать белым свое преимущество, как добраться к королю черных? Для этого требуется высокая техника Тиграна Петросяна. Кажется невероятным, что уже через 13 ходов черные получат мат. Посмотрите, как это «тигру» удалось:

41. ...Фh8 — b8 (Записанный ход. Лучше было 41. ...Фd8, не пуская белого слона на d7. Петросян ответил бы 42. Фa4.) 42. Cb5 — d7 Ka8—c7 43. Фc2 — c1 Kc7 — a6 44. Фc1 — h1 Kpf7 — q7 45. Cd7 — f5 Фb8 — h8 46. Фh1 — b1 Фh8—e8 47. Фb1— h1 Фe8 — h8 48. Фh1 — a1!... (Этот ход с одного угла в другой решает. Грозит полный зажим путем 49. b5. Если черные берут пешку на b4, то следует 49. Фb1 Ka6 50. Ф : b7 и все!) 48. ...Фh8—b8 49. Фa1—a4! Kpq7 — f8 (Черным не хватает «кислорода». На 48. ...Фd8 последовало бы 49. Фb5, и Лутиков должен отдать пешку, если не хочет допустить вторжения белого ферзя на d7 или e8). 50. Фa4 — d7... (Очень неприятный визит к королю Лутикова.) 50. ...Ka6 : b4 (Тут даже Таль не мог бы дать хороший совет Лутикову!) 51. Фd7 — e6 Фb8 — c7 52. Cf5 — h7 Kpf8 — e8 (Многострадальный король черных погибает на e8 — на своей исходной позиции.) 53. Ch7—q6 + Лутиков сдался. Не трудно установить, что черные получают мат в три хода.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Яков Федорович Мельников хорошо известен любителям спорта. С его именем связаны первые победы советских конькобежцев на международных соревнованиях. Долгие годы никто не мог обогнать его на отечественном льду. И не случайно Я. Ф. Мельникову первому было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Летом 1960 года Я. Ф. Мельников умер. Он оставил записки, рассказ о своей долгой жизни в спорте. В издательстве «Советская Россия» выходит его книга «Полвека в спорте». Отрывки из нее мы и предлагаем вниманию читателей «Огонька».

Я. Ф. МЕЛЬНИКОВ,
заслуженный мастер спорта

Чемпион России 1915 года Я. Ф. Мельников.

Полвека в с

Первые старты

На всю жизнь запомнил я один зимний день 1913 года. Мне уже семнадцать лет, но я прыгаю и дурачусь, как маленький. Еще бы! У меня теперь есть настоящие, хотя и старенькие «бегаши». Зажав коньки под мышкой, спешу на «Девичку». Вышел на лед, осмотрелся. Чувствую себя очень странно — будто стою на остриях ножей. Сделал шаг, другой. Ничего, скольжение хорошее! Пошел быстрее, и меня захватило ощущение безудержного полета. Смотрю — на лед выходит Никита Найденов, мой кумир, чемпион России, человек, который снился мне по ночам. Сколько раз мечтал я о том, чтобы помериться силами с сильнейшим скороходом страны. И вот теперь я могу «сесть» ему на конек. Ведь у меня такие же «бегаши», как у самого Найденова! И вот когда Найденов прокатился мимо, я устремился за ним, заложив руку за спину, низко склонившись, старательно копируя все движения знаменитого скорохода. И вдруг я получил такой веский удар чехлом по затылку, что в растерянности остановился.

— Уйди с дорожки и не лезь! — зло бросил один из поклонников чемпиона, всегда в качестве почетного эскорта сопровождавших его. Но хоть весь мой восторг мгновенно улетучился, хоть на душе было скверно, я все же не ушел с катка, хоть и тренировался один.

Пришел домой поздно. Родные уже спали. На столе нашел ужин — «мурцовка»: ржаной хлеб, лук, соль, подсолнечное масло. Аппетит у меня всегда был отменный, но в тот вечер я ел как-то машинально. И вдруг до сознания дошла мысль: а ведь огорчаться нечему. Видимо, болельщики Никиты Найденова начинают считать меня опасным конкурентом. Иначе они бы и внимания на меня не обратили. А я нос повесил!

...Наконец каток на «Девичке» залит. Каждый вечер после работы пробегаю от 30 до 50 кругов. Нагрузка солидная, но самому трудно следить за техникой, ведь недаром говорят: со стороны виднее. А вот со стороны-то подсказать и некому. И я решил, что лучшей школой будет участие в соревнованиях.

Особенно памятными для меня оказались соревнования на катке Патриарших прудов. Лед там был скверный, весь в продольных и поперечных трещинах, бежать по такому льду очень трудно, тем более на моих коньках, которые больше держались на ремнях, чем на шурупах. И вот на финише бега на 500 метров мой конек попал в трещину и вместе с подошвой остался там, а я на животе закончил дистанцию с рекордным для себя временем — 47,1 секунды.

Но чего стоила эта победа, если я остался без коньков?! Как же я теперь буду выступать?! Отчаянию моему не было предела. Но когда я совсем поставил крест на сезоне, руководители Общества физического воспитания торжественно вручили мне новенькие коньки. Оказывается, в мои силы верили, мне прочили успех на первенстве России.

На чемпионате страны 1914 года я занял четвертое место — успех немалый для новичка,— но Найденов-то снова оказался впереди! И я не знал, радоваться мне или огорчаться. В одном я убедился: бороться за звание чемпиона России могу. С этой мыслью я и снял коньки весной неспокойного 1914 года. Радовало меня и еще одно обстоятельство: у меня появился первый серьезный помощник — Алексей Иванович Сафонов, служащий катка «Девичка». Крепкий рослый старик в мохнатой шапке, из-под которой торчали ершистые седые брови, был настоящим фанатиком конькобежного спорта, тонким знатоком и ценителем мастерства. В течение многих лет на его глазах тренировались виднейшие скороходы страны. И он все подмечал, все наматывал себе на ус.

Старик видел, как трудно мне одному искать правильные пути к успеху. И вот как-то вечером, когда я, сбросив с ног ботинки с коньками, устало сидел в теплушке, он подсел ко мне.

— Устал, паря?

Я молча кивнул головой. А он будто невзначай продолжал:

— Тут вчера Никита тренировался. С разной скоростью проходит отрезки. Особенно на финише нажимает. А у тебя как раз на финиш сил не хватает. Не рассчитываешь. И елочка у тебя широкая — гасишь скорость. В общем, на льду оно понятнее. Приходи завтра, поговорим...

На другой вечер он долго разбирал мои ошибки, сравнивал мою манеру с бегом других спортсменов, и вскоре я почувствовал, что мои движения приобретают желанную легкость и упругость. Я в третий раз выиграл первенство общества, оставив на втором месте самого Курбатова, одного из сильнейших скороходов страны.

Сезон развивался, как всегда, с горестями и радостями, и впереди все явственней вырисовывались решающие дни зимы — чемпионат России. Как повести себя теперь, на первенстве? Можно, конечно, попытаться сесть на конек, скажем, Ипполитову или Найденову. Это не будет неожиданностью для них. А что, если начать финишировать с середины дистанции? Такая тактика даст мне возможность максимально использовать мое физическое превосходство — к тому времени это уже был неоспоримый факт. Кроме этого, подобная тактика будет неожиданностью для соперников.

Надо сказать, что мои соперники, да и все знатоки конькобежного спорта, не считали меня серьезным претендентом на титул чемпиона. Вероятно, виной тому были мои ночные тренировки. Меня редко видели на катке и решили: работать и заниматься спортом не по моим силам.

Серебряный кубок

Каждое утро я поднимался с тревогой в душе. Первенство России приближалось неотвратимо, и я каждую свободную минуту проводил на льду.

Алексей Иванович гнал меня с катка:

— Отдохни. Почувствуй голод ко льду.

А дома было еще хуже. Я листал альбом с вырезками, смотрел на портреты знаменитых чемпионов: Паншина, Седова, Струнникова,— и незаметно для себя начинал мечтать.

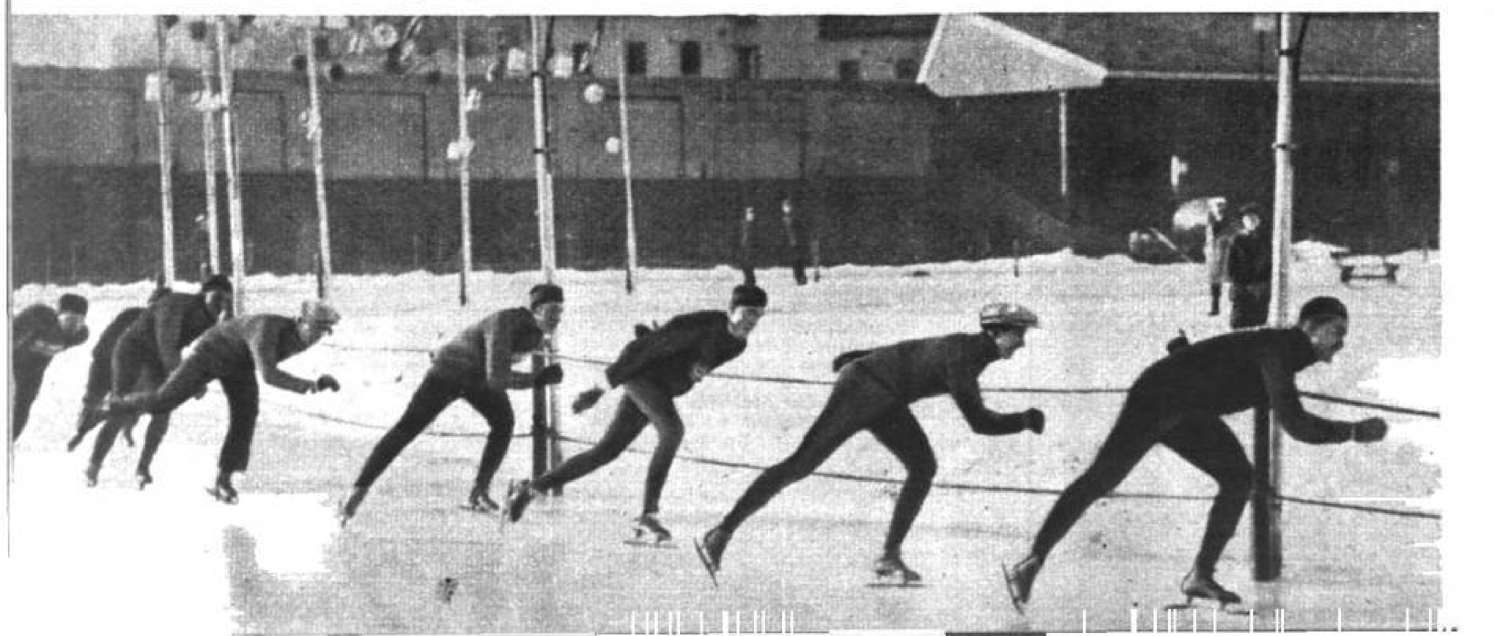
Так пришла суббота — день соревнований, а мне с утра на фабрику. Как я работал до сих пор, не пойму; все валилось из рук, и вдруг ко мне подходит мастер:

— Иди, Яша, готовься. Отец рассказал. Приду поглядеть на вас — тебя и Найденова. Не подкачай!

Вышел за ворота, вздохнул полной грудью. Волнуюсь. Сколько же передумаешь, пока выйдешь на старт!

Остановился на углу, вижу —

1923 год. Осло. На тренировке. Ведет бег знаменитый норвежский скороход О. Матисен, (приз его имени нынешней зимой вручен советскому спортсмену Б. Стенину). За ним бегут П. Ипполитов, норвежцы Паульсен, Скутнауб и Я. Мельников.



афиша. На ней портреты Ипполитова, Найденова, Курбатова и мой. Прочел сообщение, что сегодня состоится первенство России по скоростному бегу на коньках, и сердце защемило с новой силой.

Когда я пришел на «Девичку», здесь уже все были в сборе — участники, судьи. Они сидели в «председательской» комнате. В углу на столе стояли массивный серебряный кубок, предназначенный чемпиону России 1915 года, и деревянный футляр для него.

— Кубок хорош, — усмехается Платон Ипполитов, — а вот футляр... Впрочем, и он пригодится мне вместо чемодана, когда пойду на военную службу.

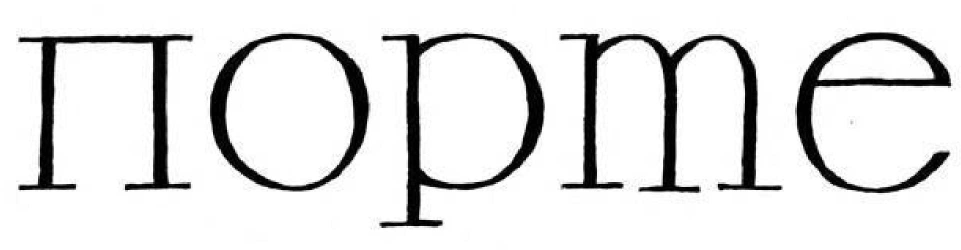
Все смеются.

Найденов не остается в долгу.

— Ладно, — говорит он, — так и быть, отдам я тебе этот ящик, а кубок оставлю себе. Я добрый.

За небрежно брошенной шуткой чемпиона чувствуется уверенность в своей победе.

Выходим на лед. Он удался на славу — гладкий, блестящий, словно маслом покрыт. Молодец, Алексей Иванович! Простым по-



1950 год. Я. Ф. Мельников в парке среди ребят.

жарным брандспойтом этак залить!.. Я горд за своего тренера.

Постепенно собираются зрители. К началу состязаний свободным остается лишь эллипс льда: на снежных валах, внутри эллипса — везде люди. Как говорят артисты, аншлаг.

Конькобежцы на старте. Дистанция — 500 метров. В одной из первых пар бежит Платон Ипполитов. С нетерпением жду результата. Наконец объявляют: 47,2. Для Платона это хорошо. Но для меня не потолок: на тренировках приходилось пробегать 500 метров и за 47 секунд.

На спринтерских дистанциях хороший старт — половина успеха, и я пулей устремляюсь вперед, развиваю высокую скорость и кончаю дистанцию со временем 46,8. Это личный рекорд! У Ипполитова выиграны четыре десятых секунды, и по стадиону прокатывается одобрительный гул. Здесь много рабочих нашей фабрики. Они довольны.

Но на лед еще не выходили Найденов, Курбатов, Голубчиков... Нет, никому из них не удалось перекрыть мой результат. Почин сделан. Меня обнимают и поздравляют друзья, хитро подмигивает из-под кустистых бровей Алексей Иванович.

Следующая дистанция — 5 тысяч метров. Бежать ее предстоит мне в паре с Ипполитовым. Уже финишировали самые опасные противники. В первой паре победил Найденов, во второй — Курбатов. Наша очередь. Выходим на старт. Говорю себе: «Не торопись поначалу, не рвись в бой прямо со старта». Но нелегко сдержаться. Я весь — как сжатая пружина. Иду конек в конек с Ипполитовым. Позади остался первый круг, второй. Платон посматривает на меня с недоумением. Третий круг — та же картина: идем вполсилы. Зрители подбадривают нас криками.

Так же медленно идем на четвертый круг. Ипполитов чего-то ждет, пытается, наверное, разгадать мой тактический план. Но он узнает этот план лишь на седьмом круге — там я решил включить «третью скорость».

И вот седьмой! Наконец-то! Буквально со стартовой скоростью бросаюсь вперед. И пока Ипполитов приходит в себя, я уже оторвался на несколько метров. Завязалась жаркая схватка. Теперь я не слышу криков зрителей, не вижу одобрительных знаков друзей, я рвусь вперед, наращивая скорость...

Последняя прямая! Финиш! И только тут, словно кто-то вдруг включил звук в немом фильме, я услышал приветственные крики зрителей... Ипполитов отстал на целую прямую!

Первый день сложился для меня удачно, но ведь остается еще день второй, решающие две дистанции: 1 500 и 10 000 метров. Первая из них — коронная Ипполитова. Вторая еще никогда на первенстве России не разыгрывалась. Значит, могут быть всякие сюрпризы.

Пара за парой уходят со старта скороходы. Возле меня оказывается Алексей Иванович.

— Публика ждет десять тысяч метров, — говорит он. — Считают, что полторы ты все равно проиграешь, что кубок будет разыгран на последней дистанции.

— А вы как думаете?

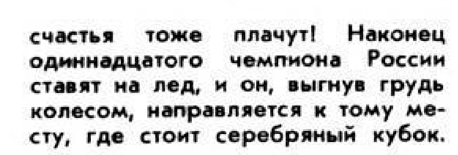
— Выиграешь и полторы, только следи за Ипполитовым...

Но выиграть 1 500 метров мне было не суждено, хоть я и не проиграл этого бега. И Ипполитов и я стартовали резво, по очереди выходя вперед. Последние метры... Резким рывком бросаю тело на финишную черту и заканчиваю дистанцию первым, но — увы! — это была не победа. Оказывается, по правилам выигрывает тот, кто первым пересек финиш коньком. Ипполитов при финише на корпус был сзади, но выбросил ногу вперед, на уровень с моей. Судьи записали нам одинаковое время — 20 минут 27,2 секунды. Новый московский рекорд!

Я был в ударе и верил, что и на марафонской дистанции успех будет за мной. Снова поединок с Ипполитовым. Решаю применить ту же тактику, что в беге на 5 тысяч метров: бурно увеличить темп на середине дистанции. У меня хватит сил идти на высокой скорости 4—5 тысяч метров.

Выходим на старт. Ипполитов хмурится, словно чувствуя, что борьба предстоит нелегкая. Иду рядом, наблюдая за соперником. У него опыт, у меня сила. Кто на этот раз окажется в выигрыше? Когда на шестом километре я сделал рывок, Ипполитов отстал и даже не попытался «достать» меня.

Итак, победа?! Победа! Прежде чем я успел осмыслить это слово, меня подхватили друзья. Взлетаю вверх и еле удерживаю слезы. Что же, в восемнадцать лет от



счастья тоже плачут! Наконец одиннадцатого чемпиона России ставят на лед, и он, выгнув грудь колесом, направляется к тому месту, где стоит серебряный кубок.

Эстафета в надежных руках

Годы идут. Мне уже за шестьдесят. Мысленно оглядываю я свой полувековой путь в отечественном спорте. Впрочем, не только мысленно. В моем шкафу хранится до 400 призов и кубков — награды за прошлые победы. А их было немало. 35 раз я становился чемпионом страны на различных дистанциях, 11 раз мне вручались кубки абсолютного чемпиона в беге на 5 тысяч метров, побеждал я на рабочих первенствах Европы и мира, установил 21 рекорд Советского Союза на всех дистанциях. Да, багаж у меня солидный, особенно приятно думать, что мои успешные выступления на первых международных соревнованиях открыли счет победам советских конькобежцев. Сколько их было потом, когда наши скороходы вышли на широкую международную арену! Яркими звездами засверкали таланты Марии Исаковой и Татьяны Карелиной, Софьи Кондаковой и Риммы Жуковой, Лидии Селиховой и Зои Холщевниковой, Тамары Рыловой и Инги Артамоновой, Валентины Стениной и Лидии Скобликовой, Клары Гусевой и многих других.

Я прежде всего упоминаю имена наших замечательных спортсменок потому, что как член тренерского совета активно участвовал в их подготовке к соревнованиям. Дважды лично мог наблюдать их триумф. В 1950 году был главным судьей чемпионата мира, который проводился в Москве, и мне посчастливилось поздравить Марию Исакову с третьей победой на мировом первенстве.

Время бежит неумолимо. Сходят с ледяной дорожки ветераны, появляется талантливая молодежь. И разве мог я не радоваться успехам моих «внуков»?

Замечательных побед достигли советские скороходы. После неудачного дебюта на первенство мира в 1948 году они взяли не один блестящий реванш, а когда наши конькобежцы получили отличный высокогорный каток близ Алма-Аты, мировые рекорды посыпались как из рога изобилия.

В истории советского спорта 1953 год останется одним из самых замечательных. В этом году в Хельсинки Олег Гончаренко принес нашему спорту первый лавровый венок чемпиона мира, добивался почетных побед на европейских и мировых первенствах и Борис Шилков, а в 1960 году на чемпионате мира прозвучало новое имя свердловчанина Бориса Стенина.

Да, приятно на склоне лет слышать о столь больших успехах. Много радостей принесла мне зима 1960 года, незабываемы для меня результаты, показанные советской командой на американском материке, в Скво Вэлли, на VIII зимней Олимпиаде, — две золотые медали Евгения Гришина, блестящий его рекорд на 500 метров — 39,6 секунды. Этому трудно поверить! А двадцатилетний Виктор Косичкин! Его победа на пятикилометровой дистанции! И приятно было думать, что в этих успехах есть небольшая доля и наших усилий — скороходов моего поколения. Значит, наши поиски оказались не напрасными. Как же приятно сознавать, что я продолжаю приносить пользу советскому спорту! Да, мы с успехом пронесли эстафету и передали ее в надежные руки.

Литературная запись Н. ФОМИЧЕВА.

Врачи-реаминаторы собрались на консультацию у постели больного. Слева направо: Л. А. Митюрева, Н. С. Королева, Л. Г. Тералецкий, В. Л. Кассиль и В. Ф. Пожариский.

Фото О. Кнорринга.

Возвращающие жизнь

Я. МИЛЕЦКИЙ

За пятьдесят лет своего существования Московская городская ордена Ленина клиническая больница имени доктора С. П. Боткина накопила в своем медицинском архиве более миллиона историй болезней. Эти документы — ценнейшее пособие для разработки самых разнообразных научных проблем — рассказывают о славном творческом пути отечественной медицины.

Мне показали одну из последних историй болезни, которая закончена в юбилейные дни, когда больница отмечает свое пятидесятилетие. Ее номер 14 274 — порядковый с начала 1960 года. Таких историй болезни всего несколько среди миллиона других, и все они помечены последними месяцами.

Читаю: «Диагноз — клиническая смерть на операционном столе».

И хотя это всего только история болезни, написанная кратко, деловым языком, она читается, как волнующая поэма о борьбе за жизнь человека. Речь пойдет о сорокавосьмилетней работнице К.

— Если вам потребуются объяснения, их дадут наши врачи-реаминаторы,— сказали мне и, почувствовав мое недоумение, добавили:— Реаминатор означает «возвращающий жизнь», человек, который борется с состоянием организма, граничащим со смертью. Такая врачебная специальность появилась в нашей больнице всего год назад...

«В 10 часов 30 минут утра больная подана в операционную. Пульс ритмичный, хорошего наполнения»,— так начинается запись в истории болезни. Но уже через несколько строк звучит тревога: «...пульс исчез, давление не определяется, зрачки расширились до предела... Констатирована остановка сердечной деятельности — клиническая смерть...»

Опуская описания принятых врачами мер, читаю дальше: «Через 2 минуты после наступления клинической смерти начат прямой массаж сердца. В течение десяти минут вызвать сердечные сокращения не удавалось...».

Прибыл врач-реаминатор из противошоковой бригады.

«При прекращении массажа сердце останавливалось».

«...через 30 минут после наступления клинической смерти, на фоне продолжающегося массажа, начато внутриартериальное нагнетание крови...»

«...Через 40 минут было прервано внутриартериальное нагнетание крови и произошла повторная остановка сердца. Продолжены вливание и массаж...»

Постепенно, однако, сокращения сердца становились более эффективными, и начал едва-едва прощупываться пульс.

«В 11 часов 30 минут, через 50 минут после начала массажа, он был прекращен — сердце хорошо сокращалось».

Все записи ведутся строго по минутам:

«В 11.50 появились первые самостоятельные дыхательные движения.

В 13.25 больная переложена на койку. При этом она шевелила кистями рук...

В 14.00 отмечены глотательные движения.

В 16.00 зрачки узкие, живые, реагируют на свет...

В 17.30 тоны сердца чистые, громкие...

В 3. 25, через 16 часов 45 минут после клинической смерти, больная пришла в сознание. Односложно отвечала на вопросы...»

И вдруг снова наступило тревожное состояние, и записи пестрят словами о сильных болях в области операционной раны, о наркозе. Лишь на третий день больной стало несколько легче.

Я узнаю из истории болезни, что в течение пяти суток за больной велось непрерывное круглосуточное врачебное наблюдение. Это были врачи урологического отделения, где лежала больная, реаминаторы из противошоковой бригады и врачи, приглашенные из известной лаборатории профессора В. А. Неговского, занимающейся вопросами оживления организма.

История болезни заканчивается: «В дальнейшем больная полностью оправилась от перенесенной клинической смерти и через 12 суток после нее была успешно оперирована».

Я несколько раз перечитываю эти строки, пока мое сознание начинает воспринимать эти, казалось бы, несовместимые слова о том, что человек «оправился от смерти».

— Где же больная сейчас?

— Уже выписалась, работает, как... и до смерти,— улыбаясь, отвечает врач-реаминатор.

Передо мной совсем еще молодой человек, ему двадцать семь лет, у него четырехлетний врачебный стаж. Это Вадим Фомич Пожариский, потомственный доктор, один из противошоковой бригады больницы, возвращающей жизнь. В этой бригаде, которой руководит известный хирург Т. П. Бельская,— пятеро: Владимир Кассиль, Людмила Митюрева, Наталия Королева, Лев Тералецкий,— все они молоды, как и Вадим Пожариский. В этой молодости врачей новой, небывалой специальности — залог дальнейших успехов нашей медицины и крупнейшей столичной больницы имени Боткина.

...Основателем Боткинской больницы был известный московский врач Федор Александрович Гетье, ставший ее первым главным врачом. Передовой человек своего времени, он был близок к семье В. И. Ленина, лечил Владимира Ильича и всю его семью. В декабре 1928 года, в день 40-летия врачебной деятельности Ф. А. Гетье, Н. К. Крупская писала ему:

«Большое спасибо за всю ту помощь, которую Вы оказали всей нашей семье, за Ваше отношение к Владимиру Ильичу, большое спасибо за помощь тем крестьянам и рабочим, которых я хронически посылаю к Вам и от которых я всегда слышу горячие слова благодарности по Вашему адресу».

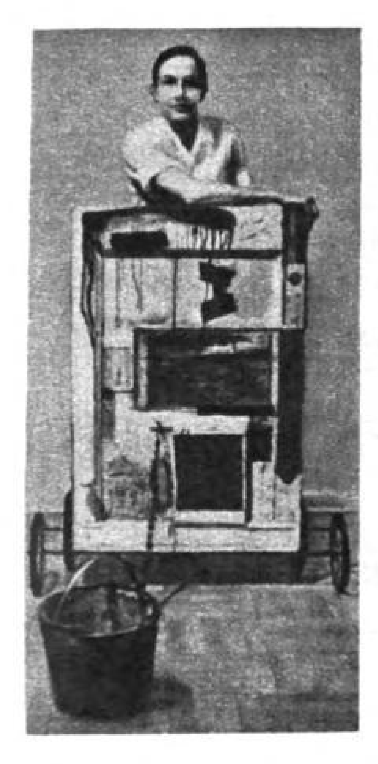
В одной из палат больницы, где в 1922 году лежал В. И. Ленин, установлен его бюст, а у дверей прикреплена мемориальная доска со следующей надписью:

«В этой палате после операции извлечения пули 23/IV-1922 г. лежал Владимир Ильич Ленин».

Когда Владимир Ильич выписался из больницы, за ним ухаживали дома фельдшерица хирургического отделения К. М. Грешнева и медицинская сестра Е. А. Нечкина. Обе они и сейчас здравствуют, пользуются заслуженным отдыхом.

Боткинская больница превратилась в целый лечебный городок с пятьюдесятью отделениями по всем видам медицинской помощи, в крупный научный центр, где работают 2 650 профессоров, докторов медицинских наук, врачей, медицинских сестер. Ежегодно на кафедрах и в отделениях больницы совершенствуют свои знания свыше двух тысяч врачей из всех республик Советского Союза.

Дар Аполлону



Очередным кумиром модернистской живописи стал некий Роберт Раушенберг из Техаса. Американские газеты подняли немалую шумиху о выставке его работ в Нью-Йорке. Художника называют «новатором», его творения — «новым словом в живописи».

Американец сотворил картины-«комбайны». Как разъяснил их автор, он сочетает живопись с... бутафорией. Некоторое представление об этой комбинации дает помещаемое фото под названием «Дар Аполлону». Конечно, «дар» такого рода можно назвать картиной лишь на том основании, что для ее изготовления художнику потребовалось некоторое количество краски. Другой деталью «комбайна» является мусорное ведро и цепь, с помощью которой ведро приковано к «картине».

Нетрудно представить, как бы отнесся к этому дару сам Аполлон. Что касается американских искусствоведов, то в их изложении именно помойное ведро является самым главным достоинством и «новым словом» модного художника.

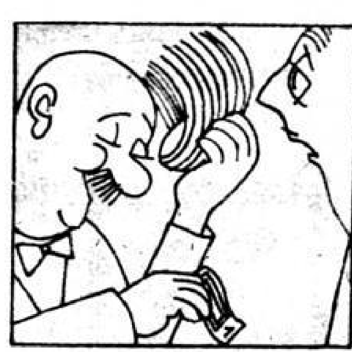
Еще большей «материальности» достиг «комбайнер» в картине «Аллегория», которая выражена раскрытым зонтиком и куском зеркала с обрезками жести. По мнению журнала «Тайм», куски искореженной жести являются «остроумным, полным вкуса заменителем отражения», а раскрытый зонт — «блестящим приемом». Критику особенно нравится, что «острые, точные формы зонта, его фактура находятся в очевидном контрасте с мерцанием стекла и металла».

Что ж, бывает и такой вкус!

Ю. СЕНИН

«НА ОГОНЕК»

На очередном заседании творческого клуба «На Огонек» коллектив редакции встретился с известным французским комиком Ахилом Заватти, с которым наши читатели познакомились в № 51 «Огонька» за 1960 год. Артист рассказал о своем творческом пути, показал мимическую сцену из своего репертуара.



Случай в парикмахерской.
Рисунок Г. Кречмара.
Берлин.

Черт-читатель

Невероятное происшествие случилось в библиотеке Вильнюсской академии в одну из ночей 1630 года.

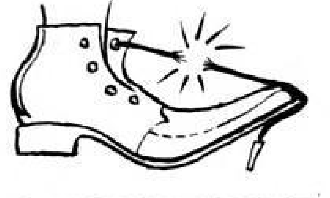
Придя утром в зал, где, прикованные цепями к стенам, хранились редчайшие и уникальные книги, служители заметили исчезновение очень ценного кодекса XV века. Долгие и тщательные поиски пропажи не дали никакого результата. Особое недоумение и смятение вызывал тот факт, что книга исчезла из здания, бдительно охраняемого монахами иезуитского ордена.

Библиотекари и ученые мужи, проводившие расследование, пришли к твердому убеждению, что книгу похитил черт. На этом основании в инвентарной книге библиотеки была составлена запись, что рукопись находится в пользовании черта. Черт, как рассказывают, был включен и в списки постоянных читателей академической библиотеки.

Через несколько десятков лет исчезнувшую книгу обнаружили в Кракове, в Ягеллонском университете. Выяснился и виновник происшествия. Им оказался монах. Похитив рукопись в академии, он продал ее за большие деньги.

Правда, установление истины не помешало хождению небылиц о черте-читателе. Еще в 30-х годах нашего столетия в библиотеке Ягеллонского университета экскурсантам показывали эту рукопись со следами когтей и лапы черта. Помещение же, из которого исчезла книга, на протяжении веков считалось оскверненным и наводило ужас на посетителей. Нынче в нем читальный зал библиотеки Вильнюсского государственного университета.

В. БОРУШКО



САМОСОХРАНЕНИЕ

Глядя на то, как напряженно трудятся его собратья, Шнурок решил:

— Лучше не связываться!

И вот он свободно разгуливает по дорогам, цепляется за камни и кусты, рассчитывая в таком беззаботном состоянии протянуть дольше других шнурков. Но вдруг лопнул Шнурок. Он попал под собственный ботинок.

Что еще можно добавить к этому? Шнурок не надрывался на работе, а порвался прежде времени. Вот какая получилась неувязка!

Ф. КРИВИН
Ужгород.

ДРУЗЬЯ

Фото В. Филатова.
Иркутск.

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

ВСЕ ДЕЛО В ПИСЬМАХ...

В. МИХАЙЛОВ,
слесарь механического завода

Буду откровенен: я начинающий поэт и вполне зрелый работник отдела технического контроля мебельной фабрики. Мебель я проверяю днем, а стихи пишу ночью. За одно дело получаю зарплату, за другое — письма. Например, посылаю в редакцию районной газеты стихотворение «Осень». Приходит через неделю ответ:

«Уважаемый товарищ Перышкин! Получили Ваше произведение. Есть в нем что-то оригинальное. Очень хороша строка: «Туманы, туманы, туманы». А вот последующая строка весьма туманна: «стремятся меня усыпить». Непонятно, зачем усыпить? Можно было бы выразить проще, удобочитаемо. Кстати, концовка у Вас хорошая. В целом же стихотворение непригодно к опубликованию. Мысль есть, но она плохо выражена. Желаем удачи.

С приветом

литсотрудник Пылов».

Отвергли. Ладно, шлю в областную газету. Через полмесяца ответ:

«Дорогой товарищ! Ваше стихотворение «Осень» мы получили. Заголовок удачный. Чувствуется поэзия. Очень понравилась строка «стремятся меня усыпить», а вот «туманы, туманы, туманы» звучит слишком монотонно и шаблонно. Про туманы писали и Исаковский, и Твардовский, и Блок. Кстати, над концовкой вам следует поработать.

Теперь о рифме. Избегайте глагольных рифм и надоевших созвучий. У Вас «туманы» рифмуются с «Иваном», «мыть» с «усыпить». Это неудачно!

Вот, собственно, из-за этих погрешностей Ваше стихотворение пока не подходит для печати. Дорабатывайте. Читайте Пушкина, Лермонтова и классиков.

С приветом

литконсультант Шилов».

Здорово отчехвостили, нечего сказать! Аж мурашки после этого письма по моей спине забегали! Тут бы в пору плюнуть в чернильницу, выбросить перо и заняться разведением кроликов. Но я, как и все начинающие, упорный. Шлю в центральную печать свой стишок. Там-то, думаю, точно скажут, где и чего не так.

Наконец, через месяц приходит ответ. Конверт весь в марках и штемпелях. Толстый. С трепетом вытаскиваю бумагу. Глянцевая. Два листа чистых, а на третьем три строчки.

«Опубликовать не можем. У Вас «Осень», у нас весна.

С приветом

зав. отделом поэзии
Мылов».

Опять удар.

Много таких писем у меня накопилось. Некоторые наизусть выучил. Подчас даже хожу по цеху и твержу. Они-то меня и подвели.

Получил я как-то сразу два письма в один день. Оба разные. И бумага различная, и про мой стишок разные точки зрения высказываются.

Тут подошло время продукцию столярную принимать. Подхожу к одному столяру.

— Твои столы?

— Мои.

— Так, так.. Мысль оригинальная. Строчки, то есть доски, подогнаны удачно. Только вот ножка с распоркой у вас плохо рифмуются. Доработать. Чувствуется, что вы еще не нашли себя. Ищите!

Бедный столяр! Он как стоял, так и замер. А я уже шел дальше — стулья принимать.

— У вас, уважаемый товарищ Охрин, в целом произведение неплохое.— Показываю мебельщику на стул.— Есть в нем интересные детали, которые заставляют задуматься. Например, обивка стула гобеленом. Неплохо. Единственным недостатком, на мой взгляд, является некоторое отсутствие жизни, сиречь ваты в сиденье. К тому же размер ножек не везде одинаков.

— Да вы померьте, Алексей Федорович, померьте,— заволновался столяр. Но я двинулся по цеху.

— Шкафы?

— Точно.

— Заголовок удачный. Тема разработана вполне, пришлите произведение зимой. Сейчас продукты хранят в холодильниках.

Так я шел цехом и принимал продукцию. Мебельщики бросили работу и удивленно смотрели мне вслед, выразительно постукивая себя по лбу.

А на другой день меня освободили от обязанностей контролера, хотя вины я за собой не чувствую. Все дело в письмах...

Вязники.

Почему мы так говорим?

БАБЬЕ ЛЕТО

В конце сентября или в начале октября наступление осени приостанавливается. Возвращаются долгие ясные дни. Стихают ветры, прекращаются дожди. Солнце ласково греет. Тепло.

Народ прозвал эту пору бабьим летом.

В неподвижном воздухе плывут длинные седые тонкие нити-паутинки, будто бабьи волосы; отсюда и название бабьего лета. Пройдешь по тихой роще — лицо щекочет приставшая серебристая паутинка.

Выбрав возвышенное место, маленький, в несколько миллиметров, паучок выпускает жидкость, застывающую на воздухе в паутинку. Прикрепившись к ней, как под парусом, отправляется он в странствие. Струи тихого воздуха далеко разносят эти «бабьи волосы» с паучками, для которых наступила брачная пора.

По-польски эти осенние дни возврата тепла и ясной погоды тоже называются бабьим летом. У видного польского художника конца прошлого века Ю. Хелмоньского есть картина «Бабье лето». В прозрачный, ясный день в поле лежит на спине молодая крестьянка, нежась под ласковым солнцем. Она приподняла голову: на лицо ее опускается сверкнувшая серебром тонкая паутинка.

И по-немецки эта пора называется бабьим летом.

ФИНИШ, ФИНАНСЫ

Дойдя до конца своего поля, римский крестьянин вбивал отметный колышек. По-латыни «фиго» — вбивать, вколачивать. От этого позже родилось слово «финис», означающее границу, предел, рубеж, окончание и даже кончину, конец.

За века «финис» перешло в другие языки, и от него образовались новые слова.

Из английского языка к нам пришло слово «финиш» — название конечного места спортивных состязаний и заключительного этапа самого состязания.

Другое слово, «финал», перешло из итальянского языка для обозначения конца, заключительной части музыкального произведения, встречи спортивных команд и т. д.

Сходно звучит наше слово «финансы», заимствованное из французского языка. Не в родстве ли оно с тем же «финисом»? Как же значение слова «конец» связано с состоянием денежных средств государства?

В средневековой латыни образовалось слово «финансия» — так сначала назывался последний, концевой взнос, платеж.

Мы тоже обычно платим за квартиру и электричество в последние сроки. Недаром в эти дни в сберкассах и банках очереди.

И в средние века в конечные сроки поступали основные платежи. Так «финансия» приобрело значение «доход, наличность».

И. УРАЗОВ

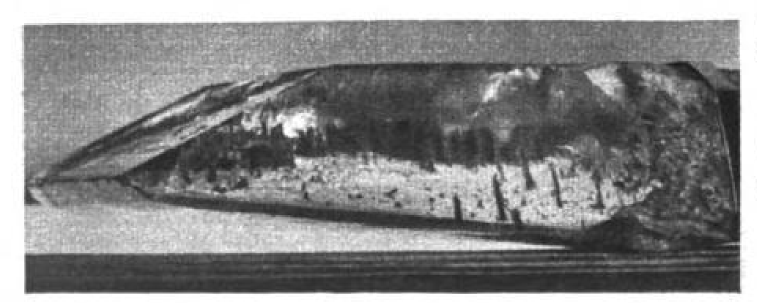
Кристалл «магнит»

Сотрудники Музея землеведения Московского университета зовут этот кристалл «магнитом». И действительно кусок горного хрусталя властно притягивает внимание каждого посетителя. В его светлой глубине навечно застыла панорама леса, реки, снежного поля. А получилось это подобие пейзажа так.

В недрах земной коры горячий кварцевый раствор попал в трещину горной породы. При этом он заполнил свободные пространства между кристалликами слюды и хлоритов, находившихся на стенках трещины. Затем раствор застыл. Слюда и хлориты оказались заключенными в его прозрачную броню.

Этот большой (длиной около 40 сантиметров и весом в 25 килограммов) кристалл найден геологами МГУ на Полярном Урале. По утверждению знатоков, в нем, как в зеркале, отразилась природа края.

Э. ЧЕПОРОВ



ПАМЯТИ КАРАВАДЖО

В Италии впервые вышла в свет марка, посвященная великому художнику XVI—XVII веков Караваджо. Марка выпущена в связи с 350-летием со дня смерти художника и в первый день выпуска продавалась лишь в Бергамо, близ которого Караваджо родился. Я хочу познакомить с этой маркой советских филателистов.

Марко СКИЕЗАРО
Бергамо,
Италия.

Филателия и шпионаж

Что может быть общего между филателией и шпионажем? Однако в первую мировую войну почтовые марки были использованы для шпионажа, и, пожалуй, это был один из самых удачных видов передачи шпионских сведений. Раскрыт он был лишь по окончании войны.

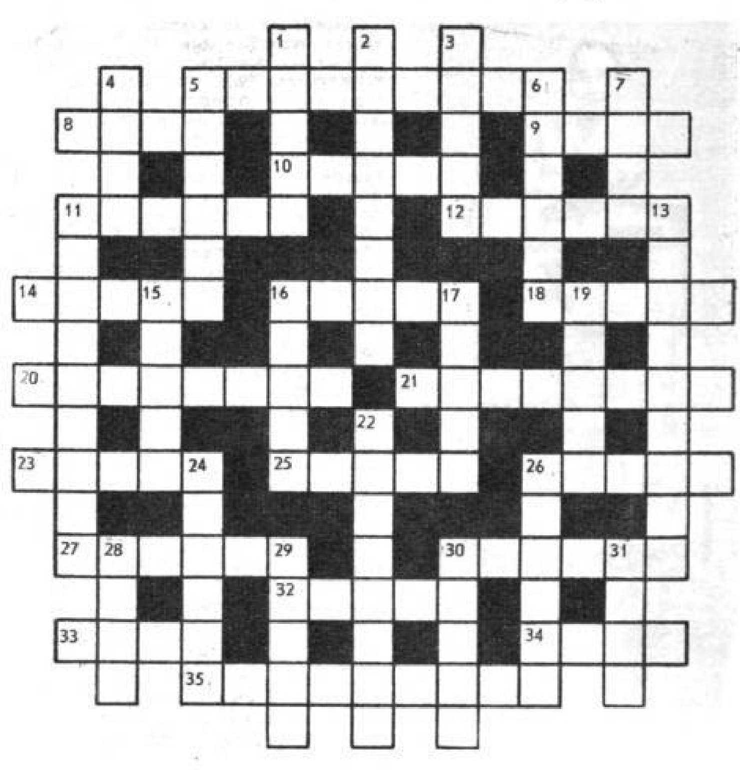
История эта такова. В 1915 году англичане искусно подделали немецкие почтовые марки достоинством в 10 и 15 пфеннигов. Напечатаны они были на бумаге, предварительно обработанной химическим путем так, что текст, написанный специальными чернилами на оборотной стороне, выступал лишь после воздействия определенных реактивов. Этими марками англичане снабдили своих агентов в Германии. Английские шпионы писали из Германии ничего не значащие письма в нейтральные страны и пересылали их в конвертах с этими марками. Из нейтральных стран транзитные «адресаты» пересылали письма в Англию, где марки обрабатывались и расшифровывались. Немецкой военной цензуре и в голову не приходило обратить внимание на эти дешевые марки. Сфабрикованы же марки были весьма хорошо, вполне удались рисунок, печать, водяные знаки и зубцовка. Только бумага, подвергавшаяся предварительной химической обработке, была не совсем одинакова по оттенку.

Открылось все случайно. Как сообщил немецкий филателистический журнал «Ди Пост», один видный дипломат Антанты показал остатки этих марок знакомому филателисту, и таким образом тайна раскрылась.

На нашем снимке — одна из подделанных германских почтовых марок в 10 пфеннигов.

М. МИЛЬКИН

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Советский архитектор. 8. Герой гражданской войны. 9. Газ. 10. Озеро в Северной Америке. 11. Заболоченные поймы рек. 12. Изоляционный материал. 14. Лабораторный сосуд. 16. Утес. 18. Стадо лошадей. 20. Автор романа «Крестоносцы». 21. Устройство для распыления жидкого топлива. 23. Стихотворная строфа. 25. Ткань. 26. Сельскохозяйственная работа. 27. Вокальное произведение. 30. Создатель электронной теории. 32. Злак. 33. Мясное блюдо. 34. Морской рак. 35. Река в Китае.

По вертикали:

1. Пьеса М. Горького. 2. Один из холмов, на которых расположен Рим. 3. Малая планета. 4. Оценка успеваемости учащихся. 5. Трехпалая чайка. 6. Австралийское сумчатое животное. 7. Вид спорта. 11. Осветительный прибор. 13. Курорт в предгорьях Карпат. 15. Английский философ XVI—XVII веков. 16. Фруктовое дерево. 17. Объявление о предстоящих спектаклях, концертах. 19. Хищная рыба. 22. Роман Ф. Купера. 24. Скульптурное изображение. 26. Персонаж оперы Д. Верди. 28. Выпуклая замкнутая кривая. 29. Игла для вязания. 30. Город в Польше. 31. Остров в Индийском океане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

9. Хлорелла. 10. Пальмира. 11. Опал. 12. Сусанин. 13. Азот. 14. Литва. 16. Ферзь. 17. Тунец. 21. Канклес. 22. Суматра. 23. Чириков. 25. «Дачники». 29. Аврал. 30. Шевро. 31. Якоби. 34. Трап. 36. Олеандр. 37. Меню. 38. Микрофон. 39. Котопахи.

По вертикали:

1. Глиптика. 2. Орел. 3. «Олеся». 4. Рассвет. 5. Спиноза. 6. Олень. 7. Амга. 8. Ареометр. 15. Вакцина. 18 Ударник. 19. Невод. 20. Судак. 24. Инверсия. 26. Кабаниха. 27. Черешня. 28. Хроника. 32. Иоффе. 33. Друть. 35. Перу. 37. Мопс.

На первой странице обложки: Он строит дома для москвичей — монтажник Николай Тихонович Прончичев. Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Тренировка альпинистов в высокогорном лагере «Улу-Тау». Кабардино-Балкарская АССР. Фото В. Шустова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

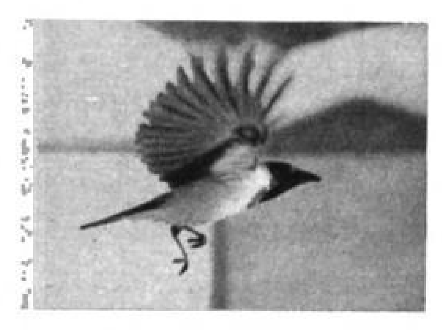
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02009. Подписано к печати 18/I 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 5. Заказ 62.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ВАРЯ

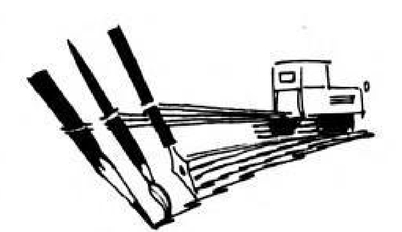
Этим именем зовет московский художник Александр Морозов ручную ворону. Вы видите Варю на прогулке. Она любит посидеть на дереве, поболтать со знакомыми птицами.



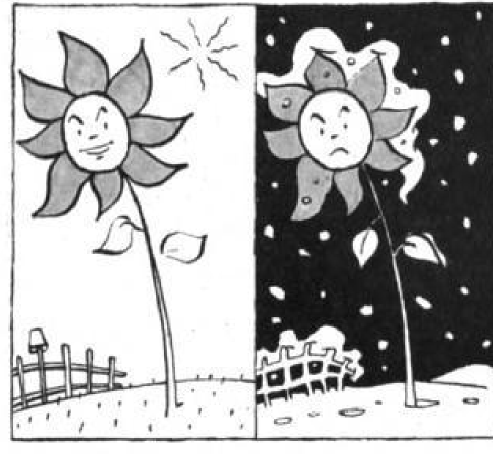
Варя спешит: ее позвал хозяин.

А вот и он сам. Очень жаль, что он не понимает птичьего языка, ведь Варя узнала сегодня много интересных новостей. А сама ворона пока что выучила лишь одно слово — «меня». Как тут объясниться?

Дома тоже много занимательного. Вернувшись с прогулки, Варя обязательно должна поглядеться в зеркало. Ведь ни одна уважающая себя ворона никогда не бывает растрепой!

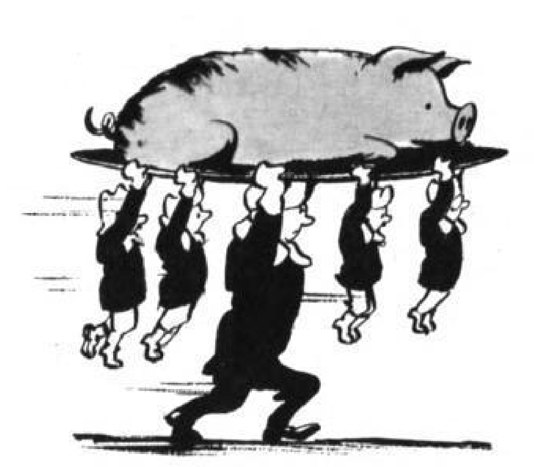


Зарисовки на полях



Был подсолнух... стал подснежник.
Рисунок М. Вайсборда.

Болтун.
Рисунок Ю. Черепанова.



Сдают свинину...
Рисунок М. Ушаца.

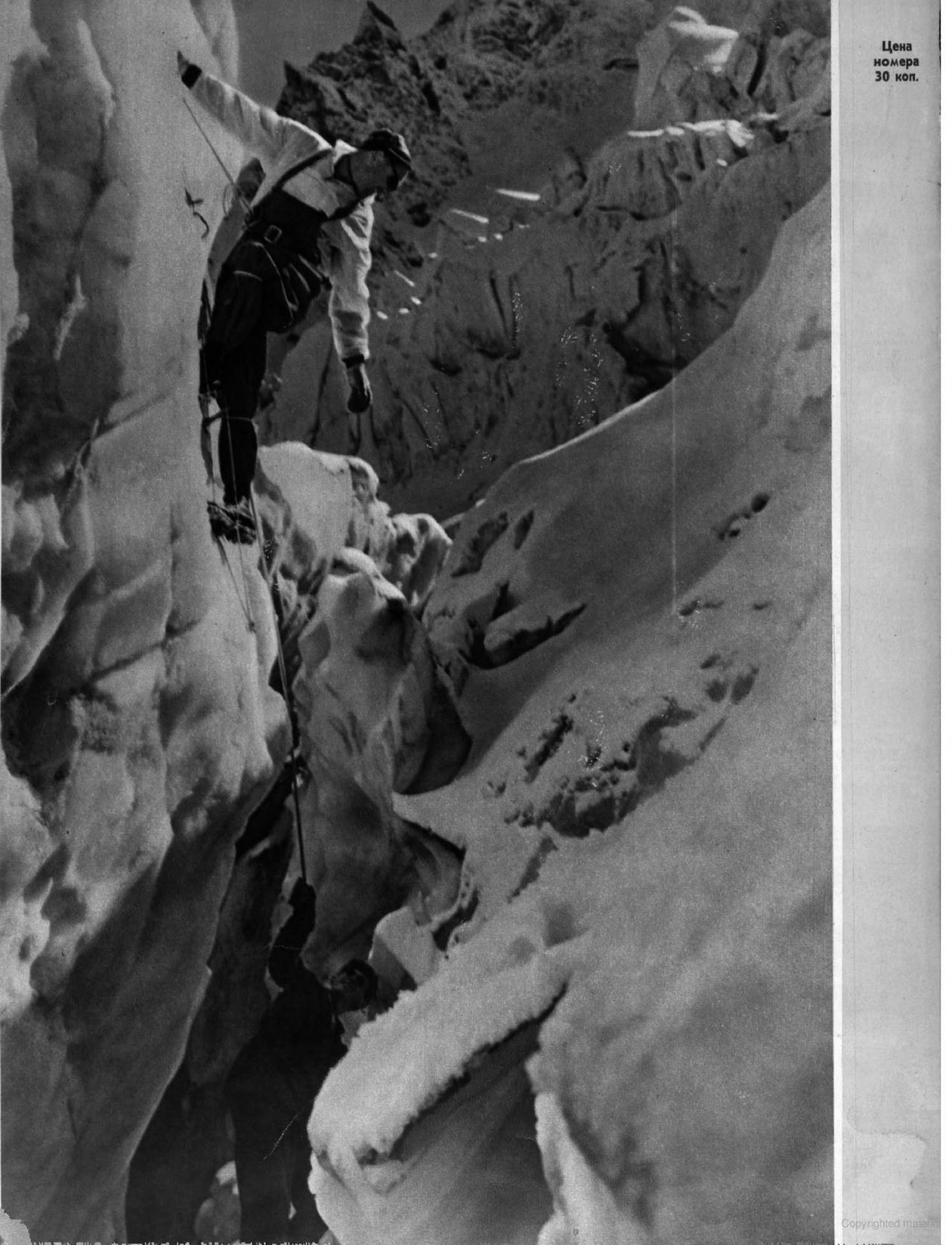
— Что же мы тут посеяли?
Рисунок А. Арутюнянца.

Это способ выманивать лакомства.

Он всегда увенчивается успехом. Ложка возвращена, а взамен получено яйцо.

Варя не жадина. Она всегда готова поделиться со своими друзьями.

Н. НЕМНОНОВ


Цена
номера
30 коп.